

АРХЕОЛОГИЯ
И
ЭТНОЛОГИЯ
СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА

2
ВЫПУСК

УДК – 902(470.6)+39(470.6)
ББК – 63.48(235.7)+63.529(235.7)
А – 87

Редакторы:

Бгажноков Барасби Хачимович
доктор исторических наук

Фоменко Владимир Александрович
кандидат исторических наук, доцент

Археология и этнология Северного Кавказа. Сборник научных трудов к 75-летию Исмаила Магомедовича Чеченова. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2013. – Выпуск 2. – 187 с.

Тематический сборник включает в себя статьи, разрабатывающие актуальные вопросы археологии и этнологии Северного Кавказа. В издании публикуются материалы древних и средневековых памятников Северного Кавказа, а также региональные этнологические исследования. Рассматриваются проблемы средневековой истории народов Кабардино-Балкарии и сопредельных регионов.

Сборник предназначен для специалистов-археологов и этнологов, историков других специальностей, музейных работников, преподавателей вузов и школ, краеведов, студентов, широкой аудитории читателей.

На обложке изображение серебряной рельефной пластины от горита с золотыми накладками (Семибратний курган № 2. Раскопки В.Г. Тизенгаузена, 1875–1876. Эрмитаж); на титульной странице – серебряный позолоченный фалар (курган у г. Кореновска, 1968. Краснодарский музей).

От редакторов

В 2012 году вышел в свет первый выпуск тематического сборника научных работ «Археология и этнология Северного Кавказа». Его небольшой тираж мгновенно разошелся, что свидетельствует о значительном интересе жителей региона к древним истокам культуры наших народов.

Сборник открывается небольшой статьей В.А. Кузнецова, рассказывающей об основных вехах жизненного пути археолога И.М. Чеченова, отмечающего в этом году 75-летие. Редакторы сборника поздравляют Исмаила Магомедовича Чеченова с юбилеем, желают ему здоровья и новых творческих достижений.

Статья Б.Х. Бгажнокова продолжает серию публикаций по проблематике дольменной культуры Кавказа. В данной работе рассматриваются чашевидные знаки кавказских дольменов. Б.Х. Бгажноков находит аналогии чашевидным выемкам на плитах дольменов и соседних камнях в других порой весьма удаленных регионах Евразии, сравнивая их, пытается определить их культовое или утилитарное назначение, а также частично реконструировать сложную систему погребально-поминальных, календарных и других обрядов культуры строителей дольменов.

Работа В.Е. Маслова, К.И. Красильникова и Г.Г. Пярых посвящена катакомбным погребениям последних веков до н.э. на территории Дагестана. Вводятся в научный оборот комплексы погребений сарматского времени из могильников Манаскентский и Львовский–VII.

Статья С.Б. Буркова подводит итог изучению находок амулетов и талисманов из «египетского» фаянса I–IV вв. н.э. с территории Кабардино-Балкарии. Рассмотрены также факты и возможные причины «переживания» или повторного использования подобных предметов в эпоху раннего средневековья.

В очерке И.М. Чеченова говорится об истории наиболее значительной научной археологической конференции на Северном Кавказе – Крупновских чтениях. Исмаил Магомедович – непосредственный участник создания и организации работы этого регионального научного форума.

Статья В.А. Кузнецова «Свет угасшей звезды» посвящена вкладу А.К. Амброза в развитие раннесредневековой хронологии Северного Кавказа и сопредельных территорий.

Статьей Б.Х. Бгажнокова «Поединки в традициях феодальной Черкесии» начинается историко-этнологическая группа статей нашего сборника. Автор излагает свой взгляд на роль поединков в адыгской рыцарской культуре.

Р.Х. Темирова в своей работе анализирует этимологию имени «Адиюх» (Іэдиіху), имеющего в черкесской ономастике несколько значений. Образ Адиюх известен в нартском эпосе. Это же имя носит каменная башня XVII–XVIII вв. и ряд других находящихся рядом объектов. Внимательное рассмотрение исторических фактов позволяет автору прийти к выводу об исконности названия Іэдиіху и более позднем появлении термина Акбилек.

Статья Фоменко В.А. посвящена данным кубанских краеведов (Е.Д. Фелицына и М.Н. Ложкина) о возможном месте погребения легендарного князя Инала на территории Восточного Закубанья и продолжает работу по составлению свода историко-культурных памятников адыгов.

Кодзоев Н.Д. публикует сведения о путешественниках и ученых-исследователях XVIII в., побывавших на Кавказе и писавших об Ингушетии. Они, как справедливо отмечает автор статьи, начали научное изучение ингушей и смогли сохранить для науки многое из того, что не застали путешественники и ученые XIX столетия.

Работа Агларова М.А. посвящена старинным дагестанским обычаям, в частности брачным инициативам женщин. Определенная свобода женщин, проявлявшаяся в этих обычаях, была связана с особой важностью создания семьи и продолжения рода.

В статье Андреева А.А. исследуются вопросы ранней биографии Александра Бековича-Черкасского, ставшего в последствии одним из доверенных лиц Петра I. Анализируются данные о его происхождении, обстоятельствах и условиях переезда в Москву, начале военной службы.

Работа Озовой Ф.А. характеризует основные адыго-итальянские исторические связи и параллели эпохи древности, раннего и позднего средневековья, а также последующих периодов. Используются данные письменных источников и археологические материалы. Статья посвящена актуальной, малоработанной теме и несомненно представляет ценность для этнологов и историков.

Этико-правовые комплексы адыгагэ и апсуара сопоставляются в исследовании Сивера А.В. Выделяются общие черты и специфика. Автор справедливо отмечает, что адыгагэ и апсуара («адыгство» и «абхазство») выполняли и выполняют важную интегрирующую роль; определяют необходимость должного соблюдения нравственных норм для того, чтобы считаться членом данного социума.

Во второй выпуск «Археологии и этнологии Кавказа» вошли труды ученых Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, коллег из Москвы, Санкт-Петербурга, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Дагестана, Ингушетии, Краснодарского края и Украины. Надеемся, что такое сотрудничество продолжится и со временем станет хорошей традицией. Поэтому просим всех специалистов принять активное участие в следующих выпусках сборника.

*Бгажноков Б.Х.,
Фоменко В.А.*

В.А. Кузнецов

*Несколько слов
о Чеченове Исмаиле Магомедовиче*

(к 75-летию со дня рождения)

Тридцатого апреля 1938 г. родился Исмаил Магомедович Чеченов – ведущий научный сотрудник сектора археологии Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований РАН, кандидат исторических наук. Поздравляя его с юбилеем 75-летия и обозревая его жизненный и творческий путь мы можем сказать, что Исмаил Магомедович принадлежит к числу тех людей большого ума и воли, которые всю жизнь посвятили благородному делу служения науке. Науке, в условиях многонационального и многоконфессионального Северного Кавказа особо актуальной – истории северокавказских народов. Вся деятельность И.М. Чеченова, человека честного и принципиального, есть свидетельство того, что в толще любого кавказского народа скрывается много талантливых и ярких людей. Исмаил Магомедович – выходец из народа и типичный «народный» ученик. О таких говорят: он сделал себя таким, какой он есть. А для этого, кроме способностей и воли, надо еще уметь творчески увлекаться.

Археологией Исмаил заинтересовался еще будучи студентом исторического факультета КБГУ, куда он поступил в 1957 г. после окончания ссылки балкарского народа в Среднюю Азию. Его незаурядность была замечена, археологи были нужны и молодого историка пригласили на работу в Кабардино-Балкарский НИИ. С 1964 по 1998 годы Исмаил Магомедович – заведующий сектором археологии КБИГИ. Моя прихотливая судьба сложилась так, что в том же 1964 году я стал штатным научным сотрудником сектора, возглавляемого И.М. Чеченовым. С искренним удовольствием вспоминаю тот год, который мы провели вместе в постоянном дружеском общении и дискуссиях по вопросам северокавказской археологии. В мае 1965 г., после предоставления мне квартиры в столице, Северной Осетии, я перешел на работу в Северо-Осетинский НИИ. Но дружеские отношения у нас сохраняются десятилетиями.

В октябре 1966 г. Исмаил Магомедович выступил с докладом «О социально-экономических предпосылках формирования осетинского народа» на крупной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин. В этом докладе, имевшем известное теоретическое содержание, молодой исследователь обозначил свой глубокий интерес к проблемам этнической истории – одно из его приоритетных научных пристрастий.

В 1969 г. вышел в свет основной капитальный труд «Древности Кабардино-Балкарии», содержащий информацию о 377 археологических памятниках республики начиная с эпохи мезолита (XII тыс. до н.э.) до XVII–XVIII вв. н.э. Данный труд, потребовавший от автора огромных усилий, вывел археологию Кабардино-Балкарии на качественно новый уровень стал настольной книгой любого археолога Северного Кавказа. Он же стал основой кандидатской диссертации Исмаила Магомедовича, защищенной им в 1971 году, в Институте археологии АН СССР. Тогда же, в 1968 г., Исмаил Магомедович на юго-западной окраине Нальчика раскопал огромный, полуразрушенный высотой 11–12 м., курган с оригинальной гробницей, сооруженной из массивных туфовых плит. Эту построенную для вождя племени гробницу археолог датирует по необычайно богатому и разнообразному погребальному инвентарю в пределах 3300–3100 гг. до н.э. Открытие и раскопки Нальчикского и других крупных курганов характеризует И.М. Чеченова как опытного полевого археолога. В 1973 г. он издал этот памятник отдельной монографией. Кроме того, можно напомнить также еще о двух монографиях, написанных им совместно с другими археологами: «История и национальное самосознание» (Владикавказ, 2000; соавтор

В.А. Кузнецов) и «История в зеркале паранауки» (Москва, 2006; соавтор М.С. Гаджиев). Книги посвящены острой критике современных фальсификаторов археологии и ранней истории Северного Кавказа и других регионов.

Здесь нет возможности говорить о всех археологических работах Исмаила Магомедовича. Много времени и сил он посвятил охранным раскопкам на новостройках Кабардино-Балкарии. Полученный большой материал им опубликован в двух томах в 1984–1987 годах. Не могу не сказать о работе Исмаила Магомедовича на одном из крупнейших городищ Кабардино-Балкарии – Нижний Джулат у г. Майский, где им и Г.И. Ионе были найдены и раскопаны остатки мусульманской соборной мечети и кирпичного минарета XIV в. – эпохи Золотой Орды. Эти памятники свидетельствуют как о более раннем, чем считалось, времени распространения ислама на Центральном Кавказе, так и большом диапазоне научных интересов И.М. Чеченова: от эпохи медно-каменного века (V тыс. до н.э.) до позднего средневековья (до XVII–XVIII вв. н.э.). Надо особо отметить, что труды Исмаила Магомедовича получили высокую оценку в разных научных изданиях, в том числе и на страницах академической печати (ж. «Советская археология», «Российская археология», «Вопросы истории» и др.).

И.М. Чеченова всегда отличала и отличает активная гражданская позиция. После внезапной кончины патриарха северокавказской археологии Е.И. Крупнова в 1970 г. мы с И.М. Чеченовым решили в память о нашем учителе и наставнике организовать постоянно действующую научную конференцию по археологии Северного Кавказа, назвали ее «Крупновские чтения». Первые «КЧ» были проведены в 1971 г., на вторых «чтениях» был создан постоянный оргкомитет. Его председателем был избран В.А. Кузнецов, заместителем председателя И.М. Чеченов. С тех пор проведено 27 «чтений», ставших крупным научным форумом археологов и историков Северного Кавказа. С середины 1990-х годов они стали приобретать статус международных конференции. В 1990 году на посту председателя оргкомитета «КЧ» меня сменил Исмаил Магомедович, возглавлявший «чтения» много лет (до 2006 г.). С учетом заслуг и авторитета Исмаила Магомедовича Правительство Кабардино-Балкарии присвоило ему почетное звание «Заслуженный деятель науки КБР». Не случайно И.М. Чеченова знают далеко за пределами республики – он один из авторов первого тома «Истории Северо-Осетинской АССР» (1987 г.) и первого тома «Истории народов Северного Кавказа» (1988 г.). Особенно гражданственность и принципиальность И.М. Чеченова отразились в книге «Черекская трагедия», в соавторстве с К.Г. Азаматовым, А.И. Тетуевым и другими рассказавшей о трагических событиях 1942 г., когда жители балкарских селений Сауту и Глашево были расстреляны карателями из НКВД. Книга вышла в 1994 г.

Исмаил Магомедович Чеченов – прекрасный человек, наделенный многими человеческими достоинствами. Его научные труды ныне составляют основу археологии Кабардино-Балкарии и входят в основной фонд исследований по археологии Северного Кавказа. Пожелаем же ему здоровья, оптимизма и сил для исполнения его дальнейших планов!

*И.М. Чеченов (слева) и археолог из Осетии,
д.и.н. Б.В. Техов (справа).
Фото 1981 г., Нальчик*

ЧАШЕВИДНЫЕ ЗНАКИ КАВКАЗСКИХ ДОЛЬМЕНОВ

1. КУЛЬТУРА ЧАШЕВИДНЫХ ЗНАКОВ

Чашевидными знаками принято называть в настоящее время искусственные выбитые или вырезанные в камне углубления – выемки, воронки, лунки, метки¹ разной величины – как правило, от 2–3 до 12 см в диаметре, от 2 до 10 см в глубину.

Чаще всего они располагаются на поверхности камня малыми или большими группами – от 3–4 до нескольких десятков. Иногда соединяются друг с другом линиями-желобками или выстраиваются симметричными ровными или дугообразными рядами. Однако самый распространенный способ нанесения чашевидных знаков – вразброс, произвольно, без видимых повторений, хотя общий рисунок производит всегда впечатление сбалансированной структуры из чаш различной величины и глубины. Встречаются вместе с тем одиночные очень большие чаши – до полуметра в диаметре, напоминающие естественные, созданные самой природой емкости для дождевой и талой воды.

Особняком стоят и особый смысл приобретают чашевидные знаки, внутренне связанные с изображениями животных или с различными геометрическими фигурами – крест, круг, прямоугольник, лабиринт. Самые древние чашевидные знаки, а также углубления в виде отпечатков рук и ступней, относящиеся к эпохе среднего палеолита, обнаруживают во всех частях света на скалах, на стенах пещерных стоянок. Но подавляющее большинство чашевидных углублений и меток в камне датируют бронзовым веком и связывают с погребальным обрядом, с культами и ритуалами строителей мегалитических сооружений.

Особое место среди этих сооружений занимают дольмены – величественные каменные гробницы, которые, согласно преданиям, строили великаны, легко поднимавшие и передвигавшие многотонные каменные плиты и валуны. Чашевидные знаки являются одной из характерных черт таких гробниц в Евразии, в том числе на Западном Кавказе. В то же время эти знаки выходят далеко за хронологические рамки дольменной культуры. Их наносили на камень задолго, за десятки, даже за сотни тысяч лет до строительства дольменов и длительное время после этого, вплоть до средневековья. Несмотря на это, в большинстве случаев по размерам, по расположению на поверхности камня, по многим другим характеристикам чашевидные знаки очень часто поразительно похожи друг на друга. Кажется, порой, что одна и та же рука по одному и тому же замыслу создавала эти углубления в течение многих тысячелетий на всех континентах нашей планеты.

Поражающие воображение масштабы времени и пространства – вот что бросается в глаза при первом знакомстве с хронологией и географией чашевидных углублений.

Все это позволяет говорить о культуре чашевидных знаков, как об универсальной, планетарной и, несомненно, уникальной традиции. Сформировавшись сотни тысяч лет назад, причудливым образом соединяясь с культурой различных эпох и народов, приобретая со временем новые очертания и смыслы, она дошла до наших дней. К примеру, почитание камней с чашевидными углублениями и углублениями в виде следа сохраняются как пережитки и сейчас на всем пространстве Русского Севера, в Западной Европе, на Кавказе и в Закавказье. В некоторых областях России

еще в начале XX в. «воду, собирающуюся в углублениях, считали целебной и использовали для омовений. У камней устраивались коллективные молебны. В качестве жертв на камни клали хлеб, ягоды, деньги, воск, лен, овечью шерсть ... части одежды»². То же самое наблюдается, как мы увидим, и на Кавказе, где в роли жертв, приносимых камню-чашечнику, выступают обычно железные предметы. Другими словами, будучи на редкость масштабной по охвату территории и продолжительности, культура чашевидных знаков оказала заметное влияние на развитие и облик целого ряда археологических культур, на быт и верования многих народов мира.

К числу древнейших памятников культуры чашевидных знаков относят углубления из Ла Ферраси во Франции, с реки Муррей в Южной Австралии (рис. 1), из пещерных стоянок времен палеолита в Индии и др. Чашевидные знаки Ла Ферраси относят к позднеашельскому периоду 300–200-летней давности. Это своего рода верхняя граница данной культурной традиции.

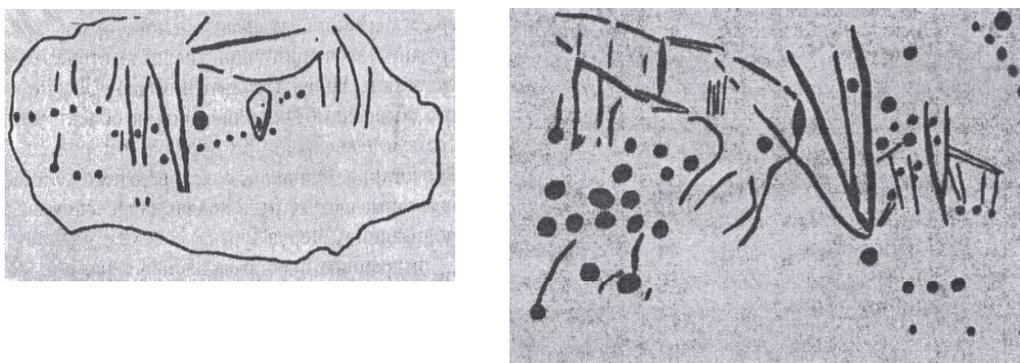

Рис. 1. Чашевидные углубления из Ла Ферраси во Франции и с реки Муррей в Южной Австралии (по П.А. Куценко, 2001)

Среди наиболее поздних памятников следует назвать, я полагаю, чашечные камни Нижне-Архызского городища X–XII вв., найденные и описанные В.А. Кузнецовым³. Один из числа этих камней представлял собой четырехгранный столб длиной 2,4 м, на одной из его граней было обнаружено 19 чашевидных знаков, на другой – 76. Кроме того, «на расстоянии 1,0 м от края камня его опоясывал глубокий желобок шириной 3 см, переходивший с грани на грань и соединявший пять чашек»⁴. Возможно, этот столб примыкал к святилищу на главной улице города.

Другой камень с 12 чашами найден на одной из площадей городища. По мнению В.А. Кузнецова, расположение чаш на нем напоминает созвездие Рыб (рис. 14, 1), а площадь с этим камнем могла служить открытым языческим капищем. Хотя городище в целом относится к числу явно христианских памятников, автор ставит эти изображения в один ряд с другими находками, так или иначе связанными с «древним кавказским языческим культом чашечных камней»⁵. С этим можно согласиться, признавая вместе с тем принадлежность чашевидных знаков Нижнего Архыза к устойчивой культурной традиции, распространенной во всех концах мира.

При этом никто из археологов не сомневается, что камни с чашевидными знаками были связаны с ритуальными практиками, а, возможно, и с определенными астрономическими вычислениями и знаниями. Но в каждом конкретном случае обследования и оценки этих знаков возникает множество вопросов. Обращая на это внимание Г. Вернер, автор недавно опубликованной в США книги⁶, посвященной чашевидным знакам, пишет, что исследователям еще предстоит выяснить, наделяли

ли камни с чашевидными углублениями магическими, целебными свойствами? Использовали ли в магических целях воду, скапливающуюся в чашечных углублениях? Можно ли рассматривать их в качестве звездных карт? Имеют ли они какое-то отношение к заупокойным культам, к похоронам великих учителей, воинов, вождей и т.д.

Реакция некоторых исследователей на эти вопросы иногда чрезмерно пессимистичная, звучащая почти как приговор. Так, П.А. Куценков, автор замечательной книги, посвященной первобытному и традиционному искусству, утверждает, что «все попытки дать сколько-нибудь удовлетворительное культурологическое объяснение чашевидным углублениям и отпечаткам рук на скалах успехом, увы, не увенчались»⁷. Аналогичные оценки в большом количестве можно найти и в работах других авторов.

Между тем, проблем с общекультурологическим объяснением чашевидных углублений как раз нет. С одной стороны, это знаки, которыми древние люди метили свою территорию и фиксировали таким образом свое присутствие в мире, и свое видение мира. С другой стороны, чаши «оживляют», камень, превращают простой булыжник, валун или скалу в элемент религии и культурного ландшафта. Нет никаких сомнений в том, что чашевидные знаки следует рассматривать в контексте уходящей своими корнями в глубокую древность общей тенденции сакрализации, одухотворения камня.

1

2

3

4

Рис. 2. Чашечные углубления

1 – знаки из Хартолы, Финляндия; 2 – из района Бесса в Италии; 3 – чашечный камень из каирна Клейв в Шотландии; 4 – чашевидные углубления в камне у деревни Ольховка (Ленинградская область)

Иначе говоря, перед нами универсальное явление, тесно связанное изначально с культом камня, который развился повсеместно в период палеолита, как преклонение перед твердостью данного материала, как дань уважения его красоте, величию и разнообразию форм. Известно, что чашевидные знаки обнаруживают чаще всего на живописных камнях и скалах, поражающих гигантскими размерами или необычными, радующими глаз формами. В основе «оживления», сакрализации камней

через чашевидные знаки лежит, несомненно, их природная одухотворенность. Подражание природе, и, в частности, подражание естественным углублениям в камне явилось одним из источников вдохновения, вызвавшего к жизни традицию чашевидных знаков. При этом подавляющее большинство чашевидных углублений и меток, вне всякого сомнения, носит искусственный характер и является выражением различных обычаев, культов, ритуалов, сформировавшихся в каменном веке.

Наконец, нельзя забывать и о коммуникативном значении чашевидных углублений. Не зря в последнее время их все чаще и чаще называют знаками. Сделанные нашими далекими предками, они являются посланиями, обращенными к солнцу, к звездам, к вселенной и одновременно к будущим поколениям, в том числе и к нам, к людям XXI века. Общий, неизменный смысл информации, заключенной в этих посланиях, вполне понятен: это большей частью вполне осознанные сообщения древних жителей земли о своем существовании, об освоении данной местности, а также о «культурации», одухотворении камня, об использовании данного материала не только в практических, но и в идеологических целях. Культура чашевидных знаков была и кое-где остается сейчас элементом традиционной религиозной культуры – языческой, как принято говорить. Но иногда она причудливо соединяется с более поздними мировыми религиями, например, с христианской культурной традицией, что характерно, например, для Русского Севера.

Особым вниманием по понятным причинам были окружены чашевидные знаки на скалах и мегалитических сооружениях, впечатляющих своими размерами и формами. Чашевидные углубления на поверхности мегалитов, как отмечалось, распространены по всему миру, в том числе в Западной Европе, Азии, Австралии, Америке. Их можно увидеть на скалах, на валунах, на стенах каменных гробниц, на менгирах и, нередко, вперемешку с различными рисунками. В большом количестве зафиксированы они на скалах Тихоокеанского побережья Северной Америки⁸, Кольского полуострова близ Канозера⁹, в горах Дагестана¹⁰, на камнях из Хартолы в Финляндии (рис. 2, 1), на каменных глыбах и менгирах в Ирландии и Шотландии¹¹, на валунах и мегалитах (прежде всего на дольменах) Западного Кавказа¹², на культовых камнях Среднерусской равнины и Русского Севера¹³, во многих других частях планеты.

Более 600 чашечных знаков обнаружено на скалах в районе Бесса в Италии (рис. 2, 2). Все они расположены таким образом, чтобы на них попадали лучи солнца¹⁴. Как видно, повсеместно этому придавалось особое значение. В обращенных к небу чашевидных знаках изначально заявляет о себе единство двух древнейших культов – камня и неба (солнца). К ним присоединяется иногда культ воды, заполняющей углубления на горизонтальных плоскостях камней, мегалитов, скальных выходов.

2. ЧАШЕВИДНЫЕ УГЛУБЛЕНИЯ В СОСТАВЕ ДОЛЬМЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Чашевидные знаки, как сказано, тесно связаны с дольменной культурой. Известно, что на Западном Кавказе, в Испании, Сардинии, Франции, Индии, Корее, Японии ими отмечены различные, как правило, открытые участки дольменного комплекса.

При этом на Кавказе они встречаются на всех типах дольменов, включая корытообразные и монолитные. Исследователи кавказских дольменов (Е.Д. Фелицын, В.М. Сысоев, А.Ф. Лещенко, В.И. Марковин, А.А. Формозов, П.У. Аутлев, Н.В. Кондряков, С.В. Валганов и др.) фиксируют чашевидные знаки на фасадах, на задних стенках гробниц, внутри камеры, на скалах и валунах вблизи дольменных групп. Но особенно часто чаши располагаются на внешних сторонах плит, покрывающих доль-

мен. В отдельных случаях углублениями и метками испещрена почти вся обращенная к небу поверхность перекрытия дольмена. В качестве примера можно привести корытообразный дольмен (полумонолит) в дольменной группе «Волчьи ворота» на р. Аше. Покровная плита этого дольмена усыпана чашами от трех до восьми сантиметров.

То же самое можно наблюдать на перекрытии составного дольмена на хребте Коцехур в верховьях реки Абин, корытообразного дольмена на р. Адегой близ ст. Шапсугской (рис. 3), на перекрытии составного дольмена Нексис–2, расположенного к югу от Геленджика, близ поселка Возрождение (рис. 5) и др. В урочище Дудугуш Майкопского района на плите, покрывающей выступы порталных стен, обнаружено на расстоянии 20–30 см от козырька три чаши диаметром 10 см и глубиной 5 см.

1

2

3

4

Рис. 3. Чашечные углубления на покровной плите дольмена Шапсугский на реке Адегой

1 – фасад дольмена; 2 – общий план покровной плиты дольмена; 3 – крупный план углублений в центре плиты; 4 – крупный план углублений в левой части плиты

Углубления усложняются иногда горизонтальными и вертикальными линиями, желобками, соединяющими одну чашу с другой, кругами (кольцами), а также кругами с перекрестием. Такую картину можно наблюдать на культовых камнях во всех концах мира: из чашевидных углублений и меток выстраиваются порой сложные геометрические фигуры, позволяющие выдвигать различные гипотезы смысла и назначения этих фигур. В составе дольменной культуры композиции из чашевидных углублений и геометрических фигур особенно часто обнаруживают на покровных плитах гробниц. Так, на перекрытии составного дольмена Нексис–2, упомянутого выше, можно наблюдать чашевидные метки, образующие восемь кругов диаметром в среднем 25 см (рис. 9). Из них по крайней мере два круга заключают в себе прямые линии в виде перекрестия, а другие одну или несколько лунок в центре¹⁵.

На перекрытии дольмена в верховьях реки Абин (на хребте Коцехур) С.В. Валганов обнаружил, помимо множества чашечных углублений, изображение пятиконечной звезды¹⁶. Она состоит из большой лунки в центре и пяти лунок по краям, соединенных с центром перемычками, которые пробиты, судя по всему, специальным инструментом, приспособленным для производства чашечных углублений.

Чашечные углубления можно увидеть также на менгирах и скалах, стоящих среди дольменов, на отдельных внушительного вида валунах. На вертикальной боковой плоскости валуна в урочище Три Дуба (бассейн реки Шахе) выбито аккуратно две глубокие чаши диаметром 25–30 см. Из них большая расположена в верхней части, меньшая в нижней (рис. 6). На вершине камня также несколько чашевидных знаков малых размеров. При этом сам валун является органической частью дольменной группы, состоящей из двенадцати гробниц и громадных размеров чашенницы под названием Камень-волк (рис. 12, 1). Не исключено, что вокруг этой чашенницы, почитаемой как святыня, был выстроен весь дольменный комплекс.

По данным Н.В. Кондрякова в районе Сочи имеется множество скал и валунов, являющихся составной частью дольменных сооружений¹⁷. Более десятка валунов с чашевидными знаками включает в себя дольменная группа «Солоники» в бассейне реки Цуквадже, среди дольменов Солох-Аула стоит скала, на которой вырезано три чаши. Рядом с дольменами в урочище Черноморка (верховья ручья Свирский) также стоит камень с чашевидными углублениями. Вблизи корытообразного дольмена в районе Катковой щели (на правом берегу р. Чухукт) несколько валунов с чашевидными углублениями. На фасаде самого дольмена слева от отверстия расположены два углубления, а справа от отверстия – разносторонний крест.

Рис. 4. Два ряда углублений на скале, в которой высечен корытообразный дольмен, хребет Солоники, Лазаревский район

Рис. 5. Чашечные углубления и метки в соединении с геометрическими фигурами (соляными знаками), дольмен Нексис-2 близ Геленджика

Рис. 6. Чашевидные углубления на валуне в урочище Три Дуба на р. Шахе

Два небольших углубления имеется и на фасаде плиточного дольмена близ Пшады (рис. 16, 2). Расположены эти углубления слева от отверстия, то есть так же, как и на фасаде дольмена в Катковой щели, что, быть может, говорит об определенной заданности.

На знаменитом «Черкесском камне» в Кудепсте позади двух выбитых в скале сидений расположено четыре чаши. Две из них наиболее глубокие и крупные – диаметром 20 см. Рядом с глыбой Черкесского камня лежит такого же размера (около пяти метров) камень и на нем также видны чашевидные углубления. Исследователи уверены, что это культовые камни, являющиеся частью дольменной культуры, хотя затрудняются точно определить предназначение сидений.

Большой интерес представляет покрытый множеством чашевидных меток громадный алтарный или жертвенный камень в пос. Гузерибль. Он стоит одиноко на поляне на левом берегу реки Белой. Но, по всей видимости, этот камень, напоминающий стол или жертвенный стол, также связан с дольменной культурой Западного Кавказа. В то же время подобные памятники могут иметь самостоятельное значение, выходящее за пределы эпохи и культуры дольменов. На Кавказе в большом количестве встречаются они в Азербайджане на Апшероне и в Гобустане, в Северной Осетии–Алании в Куртатинском ущелье, в Карачаево-Черкесии на Кяфарском городище.

Эти памятники создавались в разное время под влиянием различных местных обычаев и культур, но, несомненно, в русле одной и той же традиции чашевидных знаков. Например, Кяфарское городище относится предположительно к IX–X вв., хотя на отдельных участках городища находят меотскую керамику начала нашей эры¹⁸. Гораздо «старше», судя по всему, жертвенные столы с чашевидными знаками на территории Азербайджана и Северной Осетии. И это еще раз говорит нам о том, что традиция чашевидных знаков, возникнув еще в эпоху позднекаменного века, оказалась на редкость стойкой и всеохватывающей.

О том, что это явление универсальное, не связанное жестко условиями места и времени, свидетельствует, в частности, тот факт, что жертвенные столы, имеющие большое сходство с Гузерибльским камнем находят в большом количестве в Англии, в Италии, в других странах Западной Европы. При этом на Западном Кавказе чашевидные знаки связаны прежде всего с дольменной культурой и, несомненно, какой-то очень важной духовной, мистической связью, уходящей своими корнями в эпоху палеолита.

В моем понимании чашевидные знаки кавказских дольменов являются способами «оживления», «очеловечивания» камней, то есть своеобразно представляют и отражают анимистические воззрения дольменостроителей. Выразительные, аккуратно сделанные углубления на отдельных валунах, на стенах и перекрытиях дольменов – это своего рода «глаза» мегалитов, символическое отображение жизненной силы камней и каменных строений, их пристального взгляда на окружающий мир. В то же время это символы неистребимого духа предков, покоящихся в каменных гробницах, их постоянного присутствия здесь и сейчас в мире здравствующих потомков.

Уместно вспомнить в данной связи распространенные во всем мире предания об «одушевленных», «говорящих», «поющих», «качающихся», «убегающих» камнях. По аналогии с этими мифологическими метафорами, дольмены и дольменные комплексы с чашевидными углублениями можно было бы назвать «смотрящими» камнями. В конце концов, в соответствии со все той же мифологической логикой и входное отверстие в дольмене может рассматриваться как «глаз» и, следовательно, как взгляд мегалита (духа предков), устремленный в мир, в настоящее и будущее земли. Чашевидные знаки связаны так или иначе с погребальным обрядом, с культом предков и почитанием камня, со святостью места, где располагаются величественные каменные сооружения.

Рис. 7. Каменные чаши (ступы, корыта) расположенные вблизи дольменов
 1 – каменная чаша перед разрушенным дольменом на гребне Нихетх близ Лазаревского;
 2 – корыто из дольменной группы на р. Чухукт; 3 – каменная чаша (цистерна) среди
 дольменов в окрестностях Геленджика; 4 – каменное корыто из дольменной группы
 в пос. Волконка

К категории культовых камней следует отнести также особого рода чашенницы – сравнительно большие специально сделанные, рукотворные каменные чаши, ступки или корыта, которые и сейчас находят неподалеку от дольменов, часто рядом с дольменами, у передней стены (рис. 7). Каменное корыто из дольменной группы в пос. Волконка (рис. 7, 4) относится к числу наиболее крупных – около 2 м в длину, около 0,5 м в ширину. По-видимому, воду, собиравшуюся в этих чашах, считали целебной и использовали для питья, омовений, а также в качестве жертвенников¹⁹. Не исключено, что изначально такие чаши, сохранившиеся сейчас в небольшом количестве в наиболее глухих местах, устанавливались во всех дольменных группах. В настоящее время большое число таких корыт перемещено местными жителями для использования в практических нуждах²⁰.

3. КЛАССИФИКАЦИЯ ЧАШЕВИДНЫХ ЗНАКОВ

Прежде всего, следует обратить внимание на размеры чашевидных знаков, на их варьирование в зависимости от расположения на стенах дольмена, на близлежащих скалах и валунах. Обычно диаметр чаш на поверхности кавказских дольменов в среднем от 3 до 10 см и разной – от 2 до 8 см глубины. Но встречаются и большие воронки диаметром от 20 см до полуметра и глубиной до 20–30 см.

Этот момент заслуживает особого внимания. На наш взгляд, учитывая большой разброс диаметра и глубины чаш следует разделить их на чашевидные углубления и чашевидные метки. Показательно, что В.М. Сысоев, обследовавший в

1892 г. местность от р. Абина до р. Белой, обнаружив искусственные углубления на покровных плитах 8 из 146 дольменов, отнес к «чашам» только сравнительно большие углубления диаметром от 2 вершков (8,8 см) до 7,5 вершков (33 см)²¹. Между тем на тех же плитах взору археолога открывалось несравненно большее количество чаш меньших размеров, дополнявших мозаику или общую картину крышек дольменов. Эти сравнительно маленькие и мелкие углубления можно считать чашевидными метками. На покровной плите дольмена Шапсуг (рис. 3), насчитывающей более 70 углублений, число чаш примерно в 10 раз меньше, чем число меток. Мы насчитали всего восемь крупных углублений диаметром от 7 до 12 см и глубиной от 5 до 10 см. Все они размещены в верхней части плиты.

Итак, внутри большой группы знаков, именуемых чашевидными имеются сравнительно большие и глубокие чашевидные углубления и сравнительно мелкие лунки, метки или засечки. Эти метки могут быть названы чашами только условно – в целях объединения в одну большую группу петроглифов различной семантики. Обычно чашевидные метки, дополняя чашевидные углубления, заполняют сравнительно большое пространство покровных плит.

Чашевидные углубления в свою очередь необходимо разделить на два подвида: 1) углубления, расположенные на горизонтальных плоскостях и, вследствие этого, способные служить емкостями для накопления дождевой воды, талого снега, 2) углубления, пусть даже очень внушительные, но расположенные на вертикальных плоскостях и потому изначально не предназначенные для сбора и хранения воды.

Судя по всему, в отличие от чашевидных углублений чашевидные лунки или засечки устанавливались одним ударом острого специально для этого предназначенного инструмента. На поверхности каменных плит они выстраиваются обычно в виде пунктирных линий разной формы для отображения кругов (солнца), перекрестий (звезд) и других геометрических фигур; иначе говоря, с помощью лунок или засечек отображаются геометрические фигуры, которые в других случаях выполняются техникой резьбы.

Используя названные различия в качестве критериев для классификации чашевидных знаков, мы построили следующую таблицу:

Чашевидные знаки

чашевидные углубления

сравнительно большие диаметром более 3–4 см и глубиной более 2 см выемки на поверхности камня и каменных построек

горизонтальные углубления

емкости, способные удерживать дождевую и талую воду. Создаются чаще всего на покровной плите дольменов или на горизонтальной поверхности близлежащих валунов

вертикальные углубления

емкости, не способные удерживать дождевую и талую воду. Выбиваются чаще всего на фасадной плите дольменов или на вертикальной поверхности близлежащих скал и валунов

чашевидные метки

Небольшие засечки или неглубокие выбоины в камне, производимые одним ударом специального инструмента. Используются чаще всего для пунктирного изображения сравнительно сложных геометрических фигур на поверхности камня. Пунктирными лунками-ударами выполнены на поверхности кавказских дольменов изображения кругов, полукружностей, перекрестий, линий и других фигур, ассоциирующихся с изображениями солнца, звезд, луны

Обычно археологи не проводят существенных различий между названными видами и подвидами чашеобразных знаков. Отсюда выбор одной, предельно общей, недифференцированной оценки их смысла и назначения. В одних случаях чаши рассматривают как сосуды для воды, применявшейся в ритуальных действиях²², для приобщения к целебным свойствам и магической силе святой воды. В других случаях в них видят проявление древнего культа плодородия²³, свидетельство определенных астрономических представлений и вычислений связанных с этим культом²⁴. Большой популярностью пользуется версия, согласно которой с помощью чашевидных знаков на поверхности мегалитов отображалась карта отдельных участков звездного неба²⁵ и отсюда особое – археоастрономическое направление подобных исследований²⁶. Кроме того, композиции из чаш и меток представляют иногда в виде топографической карты определенной местности на земле, в окрестностях мегалита²⁷.

Не отвергая ни одну из названных гипотез, хочу отметить, что оценки такого рода не учитывают специфические значения и функции различных видов чашевидных знаков. Например, не учитывается, что углубления на вертикальных плоскостях не могут быть сосудами для воды, что одиночные, как правило сравнительно крупные, углубления мало напоминают карту звездного неба или топографическую карту. Игнорируется и тот факт, что небольшие лунки или засечки на горизонтальных плоскостях также, но уже по другим причинам, не могут наполниться водой, которую можно было бы использовать в ритуальных целях.

Конечно, в целом все это не противоречит общей идее использования чашевидных знаков для «культурации», одухотворения камней, для аккумуляции и передачи благодаря этому значимой, в том числе и религиозно значимой информации. Коммуникативная сущность и направленность искусственных углублений в камне не вызывает сомнений. В то же время для более глубокого понимания и объяснения смысла и назначения каждого конкретного знака необходимо видеть существенную разницу между чашевидными углублениями и чашевидными метками, а вслед за этим – между чашевидными углублениями на горизонтальных и вертикальных плоскостях. От этого зависит во многом семантический анализ чашевидных знаков.

4. ЧАШЕВИДНЫЕ УГЛУБЛЕНИЯ НА ПОКРОВНЫХ ПЛИТАХ

Яркий пример горизонтальных чашевидных углублений – упомянутый выше дольмен «Шапсуг» на реке Адегой (рис. 3). Вся поверхность перекрытия этого дольмена площадью около 5 м покрыта чашами различной величины и все они, вне всякого сомнения, сделаны самими дольменостроителями. Других чаш или каких-либо иных знаков ни на поверхности гробницы, ни внутри нее не обнаружено, если не считать круглое отверстие и подобие портала, высеченное в передней части монолита. Общая численность чаш достигает 70–80. Из них в верхней части перекрытия располагаются две самые большие чаши диаметром около 12 см и глубиной 8–10 см. К числу относительно крупных можно отнести еще шесть чаш диаметром около 7–8 см и глубиной 5–6 см. Пять из них размещены также в верхней части плиты.

Во время обследования и съемок дольмена все эти наиболее крупные чаши были более чем наполовину наполнены водой дождя, который шел накануне, за день до съемок. Все другие более мелкие чаши успели пересохнуть от 35-градусной жары (рис. 7), что весьма кстати позволяло отделить заполненные водой чашевидные углубления от высохших чашевидных меток.

Вся это довольно живописная картина наводит на размышления об особом предназначении горизонтальных чашевидных углублений. Несомненно, они служили общей цели и идее одухотворения, «оживления» камня. Но дополнительно к этому следует учитывать, что в этих чашах скапливалась и длительное время находилась вода. В процессе превращения камня в сакральный, одушевленный объект ей отводилась ведущая роль – роль своего рода катализатора процессов производства и воспроизводства жизненной силы мегалитов. Но это еще не все, что на самом деле связано с водой в чашевидных углублениях дольменов. На наш взгляд, вода в чашах наделялась особыми свойствами. Она была призвана очистить и вознести на небо души людей, погребенных в усыпальницах.

Рис. 8. Мозаика из пересохших и заполненных водой чашевидных углублений, покрывная плита дольмена Шапсуг (Шапсугский) на реке Адегой

Вода, как известно, носитель жизни, символ очищающей и воскрешающей силы природы. Такие представления распространены среди всех народов мира. С другой стороны, в абхазо-адыгских языках, которые по всей вероятности, были языками дольменостроителей, обозначения понятий «вода» – *псы* и «душа» – *псэ* практически совпадают. Внутренняя связь камня с водой, с душой погребенного благодаря этому усиливается еще больше. Иными словами, чашевидные углубления, помимо того, что они «оживляют» камень, служат сосудами, в которых хранится влага, ассоциирующаяся с жизненной силой погребенных в дольмене людей. Аналогичным образом интерпретирует чашечные углубления Е.А. Окладникова. По ее мнению, они ассоциировались с центрами рождения и исчезновения души, с входами в иную реальность, через которые осуществлялся контакт живых людей с умершими предками²⁸.

Завершает технологическую цепочку сложного процесса одухотворения камня и воскрешения погребенного человека в новом, бестелесном качестве, испарение воды под лучами солнца. Благодаря взаимодействию солнца с водой, душа человека, воплощенная в воде каменных чаш, возносится воскрешающим Богом души *Псамха* (*псэ* – душа, *тхьэ* – бог) на небо, то есть очищается, обретает новую жизнь.

Не исключено, что в этом направлении мысль дольменостроителей работала под влиянием все тех же языковых ассоциаций. Дело в том, что сияние солнца обозначается в черкесском языке глаголом *псын*. То есть здесь снова появляется корневая морфема *пс*, составляющая основу слова «душа» – *псэ*. Таким образом, освещение дольмена солнцем и испарение в ходе этого воды-души, содержащейся в чашевидных углублениях, почти в буквальном смысле предстает как вознесение души умершего на небеса. Другими словами, через воду, испаряющуюся под лучами солнца, душа человека возносится на небо, очищая и многократно усиливая силы и способности умершего человека. Отсюда представления о чудодейственной силе «солнечной воды» – *дыгъэпс* (*дыгъэ* – солнце, *псы* – вода), содержащейся в чашевидных углублениях. Она считалась святой, важной частью священного дольменного комплекса.

Следует вспомнить в данной связи и о том, что сама камера дольмена является чашей огромного размера, главным прибежищем душ усопших предков, а отверстие, ведущее в камеру и пробка, плотно закрывающая отверстие – каналом и символом прочной связи земных и небесных сил.

Вот почему, на стенах дольменов, в том числе и на перекрытиях, вперемешку с чашечными углублениями встречаются в большом количестве изображения солнца в виде кругов, кругов с точкой в центре, кругов с перекрестием и др. Горизонтальные чашечные углубления кавказских дольменов являются, безусловно, вотивными. Они обращены к Небу, Солнцу, призывая воспроизвести через адскую силу небес души умершего человека в новом бестелесном качестве. Очень важно, в силу этого обстоятельства попытаться выявить и показать хотя бы в общих чертах внутреннюю связь чашевидных углублений с солярными символами и знаками.

Значение имеет здесь еще и тот факт, что вода чашевидных углублений в прямом смысле слова небесная, святая. В адыгском языке корневая морфема *уэ* – «небо» стоит в начале сложных слов, служащих обозначением росы – *уэсэпс*, талой воды – *уэсытс*, снега – *уэс*, дождя – *уэих*. Быть может, отсюда само обозначение Бога неба в адыгских языках *Уацхъуэ* – букв. «Небо серое / серо-голубое», «Небесный свод», связанное мистической связью с серым камнем. Не зря Бог неба в адыгском языческом пантеоне предстает неизменно в единстве с образом серо-голубого камня – *мывацхъуэ кланэ*. Отсюда клятва в основе которой лежит одновременно культ камня и культ неба: *Небом синим, камнем синим [клянусь]! / Уацхъуэ мывацхъуэ кланэ!* Судя по сохранившимся фольклорным текстам, это была одна из самых значитель-

ных традиционных клятв. Обычно ее давала своему жениху или мужу женщина, сопровождая словами: *Если ты окажешься достойным мужем (мужчиной), то я стану для тебя достойной женой / Уэ лЫ ухъум, сэ физ сыхъуниц.*

Видимо, такие клятвы уходят своими корнями в эпоху матриархата и каменного века, когда верховное языческое божество неба Уашхо ассоциировалось также и с почитанием камня. Этот материал был и во многом остается сейчас символом вечности духа, прочности и постоянства сложившегося уклада жизни. Одним словом, перед нами характерные для древних обитателей Кавказа религиозные метафоры, когда явления и предметы природы (в данном случае небо и камень) воспринимаются как высшие силы, как божества, пребывающие в этих явлениях и предметах и вызывающие их бытие.

Такого рода изоморфизм весьма характерен для религиозных представлений Древнего Востока и, прежде всего, для Месопотамии²⁹, культура которой оказала на Кавказ огромное влияние

5. ЧАШЕВИДНЫЕ ЗНАКИ И СОЛЯРНЫЕ СИМВОЛЫ

Обычно в контексте гипотезы поклонения древних жителей Кавказа Солнцу, как божеству, оценивают ориентацию большинства дольменов на юго-восточную солнечную сторону³⁰. Что же касается чашевидных знаков, то и они, как правило, обращены к небу, к солнцу и кроме того сочетаются с изображениями солнца и других небесных светил.

Рис. 9. Изображения на покровной плите дольмена Нексис–2 в окрестностях Геленджика

Особенно тесной и замысловатой предстает закономерная связь чашевидных знаков с солнцем в фигурах на перекрытии составного дольмена Нексис близ Геленджика. Кресты, заключенные в круг, напоминают здесь солнечное сияние – в виде расходящихся во все стороны черточек-лучей. При этом сам по себе крест, помимо множества других ассоциаций (стороны света, символ вселенной, косми-

ческий центр, космическое древо и др.) имеет еще одно, на наш взгляд, особенно важное значение. Это, как указывал И.И. Мещанинов, «центр, к которому стремится человеческая душа»³¹. И стремится она, как мы видим, к солнцу, к древу жизни, чтобы воскреснуть, чтобы умирая и воскрешаясь вновь стать бессмертной.

Петроглифы, соединяющие в одно целое чашевидные знаки и солярные символы, отмечены в различных других местах распространения кавказских дольменов. Необычайный интерес представляют изображения солнца и солнечного сияния на покровных плитах: в Крученной щели на р. Абине и в урочище Черкесское близ пос. Возрождение за Геленджиком (рис. 10, 2, 3). Здесь также как на покровной плите дольмена Нексис чашевидные метки, образующие круг, похожи на расходящиеся равномерно во все стороны лучи солнца. На перекрытии второго из названных дольменов расположено два таких изображения. И, что особенно примечательно, – оба имеют в середине сферическое углубление, то есть являются своеобразными чашами, которые наполняются регулярно дождевой и талой водой.

1

2

3

Рис. 10. Изображения солнечного сияния

1 – на дольмене Нексис–2; 2 – на крышке дольмена в Крутой щели, река Абина;
3 – на покровной плите дольмена в урочище Черкесское, пос. Возрождение

Следует думать, что этот весьма сложный и замысловатый комплекс отображает ключевой момент религии дольменов: соединение воды в камне или «каменной», «дольменной» воды с солнцем, с небом. Как указывалось ранее, именно такое соединение символизирует в этой религии воскрешение души, условие и возможность контакта живых людей с умершими предками. Согласно представлениям древних жителей Западного Кавказа вода, наделенная чудодейственной силой, постоянно поддерживала жизнь дольменов и его обитателей – духов предков.

Становятся более понятными в свете всего сказанного некоторые универсальные свойства чашевидных знаков, обнаруженных не только на мегалитах Кавказа, но и на скалах, валунах и каменных сооружениях в различных других частях света. На наш взгляд, в своем подавляющем большинстве они имеют вполне определенное религиозное значение, непосредственно связанное с культом небесных светил и самого неба. Поэтому так часто чашевидные углубления и метки внутренне связаны с изображениями этих светил. На стелах в Крыму такие углубления сочетаются с петроглифами, символизирующими солнце – крест в круге³². На одной из сторон камня, найденного на «Захаровой поляне» близ Нижне-Архызского городища, высечены чаши, две из которых окружены концентрическими кругами, символизирующими солнце (рис. 11, 1). То же самое, но более отчетливо, можно наблюдать на скалах в Ирландии и Шотландии (рис. 11, 2). Чаши помещены здесь в концентрические круги (кольца), которые также ассоциируются с солнцем и его движением по кругу³³.

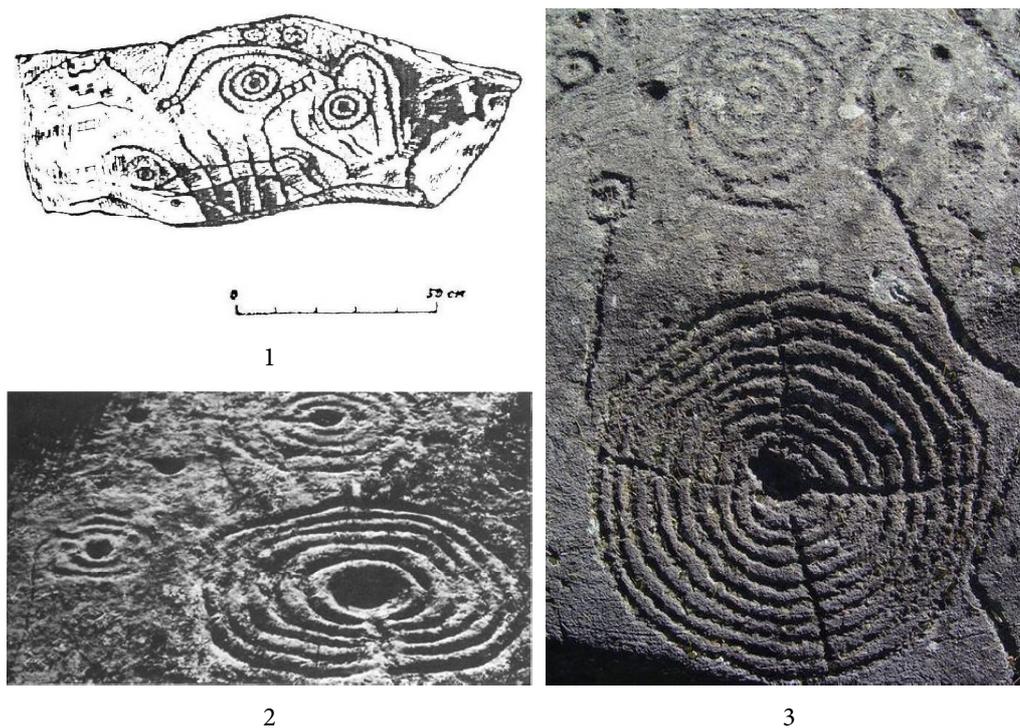

Рис. 11. Чашевидные углубления с концентрическими кругами

- 1 – углубления с кольцами, найденные на камне близ Нижне-Архызского городища;
 2 – чашевидные углубления с кольцами (лабиринтом) на камне из Уитвуд-Мура, Англия;
 3 – чашевидные знаки и круги из Альп, Каршенна, Швейцария

В отдельных случаях кольца вокруг чаши напоминают лабиринт с маршрутом выхода из него, напоминающим нить Ариадны (рис. 11, 2). Возможно это намек на препятствия, которые преодолевает душа (вода в чаше) в своем стремлении к солнцу, к бессмертию.

Необычайный интерес представляют в этой связи чашевидные знаки и концентрические круги, обнаруженные в швейцарских Альпах (рис. 11, 3). В центре одного из этих кругов глубокая чаша, а внутри рисунка, разрезая концентрические круги, размещен крест. В итоге получается композиция, соединяющая в одно целое круги, крест в круге и чашу, что также вызывает ассоциации с душой, ее воскрешением и вознесением на небо. Заметим также, что рисунки в виде крестов, колец, чашечных углублений в центре этих колец, найденные в Швейцарии, имеют явное сходство с аналогичными наскальными рисунками в Ирландии (Дерринблаз) и на Иберийском полуострове, в Испании и Португалии. Вполне возможно, что во всех этих случаях чаши ассоциируются с центрами воскрешения души в результате взаимодействия небесной стихии (солнца, звезд, луны) с земной стихией и твердью, которую представляет камень, мегалит, а в нашем случае дольмен.

Следует обратить внимание дополнительно к этому на солярную символику втулок – изображение на шляпке (то есть на внешней, открытой части втулок) крестов, кругов с точкой в центре, концентрических солнечных кругов (рис. 11). Подобная орнаментация фасада и втулок символизирует небесную мужскую силу или субстанцию, вступившую в связь с земной, женской силой и субстанцией. И отсюда, как видно, столь очевидное фаллическое очертание втулок. По мнению Н.В. Кондрякова, пробку, вставленную в отверстие дольмена можно рассматривать «как символический «fallos» Солнца, оплодотворяющий утробу «Матери-Земли»³⁴.

Вполне согласуется с этими соображениями мысль о кристаллизации духа в результате такого соединения, о его возрождении в новом качестве, свободном от телесной, материальной субстанции. Быть может, в этих же целях стремились преодолеть или устранить естественную связь души с костными останками. Часто в данной связи обращают внимание на то, что костные останки в дольменах беспорядочно сложены и разбросаны по всей площади камеры. По мнению некоторых ученых, по прошествии определенного времени костяки специально разрушались или частично удалялись из гробниц, чтобы окончательно освободить душу умершего от ее материального сопровождения³⁵. Казалось, по всей видимости, что такое освобождение позволит духам предков свободно перемещаться, принимая деятельное, хотя и незримое участие в делах живых потомков. Устранение зависимости души от тела – основная задача традиционных погребальных обрядов.

По-видимому, по истечению некоторого времени втулку вынимали из отверстия, создавая условия для свободного общения духов с внешним миром. Надо думать, что именно такое открытое для общения состояние считалось обычным, естественным для всех кавказских дольменов. Впрочем, и в Западной Европе, вход в дольменные сооружения называют «отверстием для выхода души»³⁶. Открытое отверстие дольмена становилось в любом случае своеобразным окном в мир, условием беспрепятственного общения духов предков со всеми здравствующими потомками, символом входа в потусторонний мир и выхода из него.

Нет ничего удивительного и в том, что археологи и краеведы пытаются представить чашечные углубления на перекрытиях дольменов как карты определенных участков звездного неба. Помимо предположений общего характера встречаются и вполне конкретные сопоставления. Так, зрители дольмена «Шапсуг» заботливо охраняющие этот памятник культуры, сообщили мне, что краевед Наталья Мусиенко, организовавшая туристические походы к дольмену, рассмотрела в расположении чаш на его вершине созвездие Кассиопеи. Историк Г. Кусов отно-

сит углубления, обнаруженные им на камне в Куртатинском ущелье, с отображением Большой Медведицы³⁷. В.А. Кузнецов, как упоминалось ранее, полагает, что расположение чаш на одном из камней Нижне-Архызского городища напоминает созвездие Рыб. Отдельная чашка внизу (рис. 15, 1) в этом случае может рассматриваться как одна из звезд созвездия Овен, расположенного в том же участке звездного неба³⁸. На другом камне, найденном во дворе жителя близлежащего села Нижняя Ермоловка имеется 14 углублений, а также две горизонтальные линии и несколько вертикальных (рис. 15, 2). По мнению А.А. Демакова и Д.А. Фоменко, в расположении чаш на этом камне видна точная аналогия группе звезд в созвездии Кита, две вертикальные линии, пересекающиеся с горизонтальными линиями означают солнце и луну, их движение по небу, а пять непересекающихся линий – пять планет, видимых невооруженным взглядом³⁹.

Рис. 12. Орнаментация втулок

1 – перекрестие; 2 – резьба в виде concentрических колец; 3 – круг с точкой в центре

Хотя подобные гипотезы требуют тщательной проверки, следует думать, что при нанесении чашевидных углублений на поверхность скал, валунов, мегалитов большое значение придавалось не только солнцу, но и ночному звездному небу и в особенности луне.

Чашевидные углубления, как явствует из сказанного, являются отражением сложных религиозных представлений дольменостроителей. В основе этих представлений лежит ассоциативный ряд или семантический пучок, в который включаются с различными полномочиями и функциями камень, вода, душа, небо, солнце. В процессе взаимодействия этих стихий, как казалось, рождалась и обретала могучую силу душа человека.

6. ИСТОКИ И ДИНАМИКА РЕЛИГИОЗНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ЧАШЕВИДНЫХ УГЛУБЛЕНИЙ

Религиозное осмысление чашевидных углублений у дольменостроителей Кавказа явилось результатом взаимодействия целого ряда известных, в том числе и естественных условий и обстоятельств. При этом сама идея оживления камня через ее наполнение небесными водами была подсказана, несомненно, самой природой. Также как во всех других частях света, жители Кавказа обращали внимание на то, что в камнях и валунах с углублениями надолго задерживается вода дождей и талого снега. Пользуясь этой водой для различных нужд, люди воспринимали данное явление как феномен, достойный особого внимания, уважения, благоговения. Постепенно камень, наполнявшийся постоянно живительной влагой, пре-

вращался в объект поклонения, в жертвенник. Мистическим ореолом окружалась сама местность, где располагался культовый камень. Она превращалась в святилище, в так называемый центр силы, который регулярно посещали местные жители. Здесь люди благодарили небо и землю за ниспосланный, преподнесенный им дар святой, целебной воды, здесь просили богов и впредь не лишать их этого дара, милости и благосклонности природы. Эти места избирали также для захоронения вождей, великих воинов и жрецов.

Рис. 13. Чашечный камень на реке Баксан, Кабардино-Балкария

Место, где располагался Баксанский камень воспринималось как святилище еще и по другой причине. Рядом с чашечником в пяти метрах южнее возвышался до недавнего времени так называемый Камень Сосруко – громадный гранитный валун-следовик высотой 4–5 м. Проектировщики шоссейной дороги снесли этот камень около 50 лет назад, полагая, что именно здесь пройдет новая трасса, ведущая по Баксанскому ущелью в Приэльбрусье. Но местные жители хорошо помнят этот камень и рассказывают, что на одном из покатых боков этого валуна отчетливо выделялось углубление похожее на отпечаток копыта коня. Согласно преданиям этот след оставил в древности конь знаменитого героя нартского эпоса Сосруко. Отсюда само название этого углубления и священного камня в целом – Сосрыкъуэ и шылъакъуэмпІэж – «*Стародавний след, оставленный конем Сосруко*».

Как подражание явлению естественных каменных чаш появились внушительного вида камни и валуны, с искусственными углублениями, специально сделанными для наполнения их водой. Благодаря этому обычный камень превращался в культовый, в объект поклонения, в центр для исполнения всевозможных магических, религиозных ритуалов: принесение жертвы, очищения через молитву, через огонь, через воду, через прикосновение к камню и т.д. Следы очищения через огонь в виде остатков золы очень часто и сейчас находят в местах расположения культовых камней.

Камни с естественными и искусственными углублениями, так называемые чашечники или чашечные камни и в настоящее время используются в ритуальных целях. Примером может служить огромный вросший в землю валун, расположенный в Кабардино-Балкарии на правом берегу р. Баксан, на южной окраине сел. Атажукино (рис 12). Верхняя, возвышающаяся над землей часть этого валуна

имеет форму большой (диаметром около 2 м) чаши, в которой скапливается и находится почти постоянно дождевая и талая вода. Она считается священной, обладающей целебными свойствами. Такие же свойства приписывают подковам, которые постоянно погружают в эту воду в качестве жертвы, принесенной чашечнику. Все это позволяет говорить о соединении в данном месте культов камня, воды и железа. По-видимому, в древности здесь исполнялись сложные обряды с целью умилостивить чашечник, призвать его на помощь. Не исключено, что при этом вода из чаши использовалась для омовений и жертвенных возлияний.

Поклонение камням и скалам с чашечными углублениями приобретало различные формы в зависимости от традиций, складывающихся у местного населения. Ярким примером такого своеобразия может служить оставленное Ф.Ф. Торнау описание жертвенника, расположенного в верховьях Зеленчука. Он пишет о скале с круглым углублением в виде котла, которое горцы наполняли железными предметами: монетами, ножами, стрелами, кинжалами, стволами пистолетов, женскими застежками и кольцами⁴⁰. Это, по словам Ф.Ф. Торнау, были жертвы, которые приносили люди «горному духу», чтобы умилостивить его. То есть мы имеем здесь то же самое, что и в случае с Баксанским камнем: соединение в одно целое культа камня (гор), культа железа и, по-видимому, культа воды. Ведь чаша, о которой упоминает Ф.Ф. Торнау, несомненно, наполнялась водой дождя и талого снега. Чтобы лучше представить, о чем идет речь, приведем красочное описание Ф.Ф. Торнау целиком:

«Солнце перешло уже за полдень, когда мы подошли к северному спуску. На краю его стояла непокрытая снегом гранитная скала, очень похожая по своему виду на высокий жертвенник. К ее вершине, составлявшей площадку около трех сажений в квадрате, вели ступени, высеченные в граните. Посреди площадки находилось круглое углубление в виде котла. Эта скала была посвящена духу-покровителю гор. Мои абхазцы поднялись на нее и каждый из них положил в углубление какую-нибудь вещь: ножик, огниво или пулю. И меня заставили принести в жертву несколько мелких монет, для того чтоб умилостивить горного духа, иначе, говорили мои проводники, он зарует нас под снегом, когда мы станем спускаться, или не пошлет нам дичи, или отдаст нас в руки наших врагов. Углубление было наполнено до половины древними монетами, железками от стрел, съеденными ржавчиной кинжалами, пистолетными стволами, пулями и женскими застежками и кольцами. Ни один горец не переходит в этом месте через перевал, не пожертвовав чем-нибудь горному духу, и можно быть уверенным, что ничья рука не осмелится коснуться того, что ему принадлежит»⁴¹.

Поклонение горам и духам гор – явление вполне естественное и общее для всего Кавказа. Есть специальные работы, посвященные данному слою культурной истории горцев⁴². У черкесов к слову сказать любая местность, любая точка, расположенная выше по отношению к исходной точке (точке отсчета), то есть ближе к Кавказскому хребту, так и называется: *ипцэ* – главная, более почитаемая сторона, сторона поклонения, сторона святости⁴³. Однако следует признать и подчеркнуть особо, что в данном конкретном случае, описанном Ф.Ф. Торнау, именно чаша, скорее всего, естественная, послужила основанием для «одухотворения» камня, для превращения скалы в объект культа, в святилище. Иначе говоря, на фоне общего, всеохватывающего поклонения горам и духам гор с помощью чашевидных углублений выделялись скалы камни и мегалиты, пользующиеся особым вниманием, почтением, пиететом как центры силы и места для совершения всевозможных религиозно-магических обрядов и ритуалов.

Сравнительно большие чаши, наполнявшиеся водой, являются вместе с тем составной и неотъемлемой частью дольменной культуры Кавказа. К примеру, знаменитый Волконский дольмен-монолит, встроенный в исполинских размеров ва-

лун 17 м в длину и 8 м в ширину, имеет две такие чаши. Одна из них расположена на крыше дольмена, а вторая на ее тыльной стороне (рис. 14, 2). Это свидетельствует о том, что сам валун, в котором был выдолблен дольмен, использовался как жертвенник и все, что приносили местные жители в дар священному камню, помещалось в эти чаши. Несомненно, в древности воду из этих чаш использовали в ритуальных целях и, по-видимому, приписывали ей целебные свойства.

То же самое можно сказать о чаше на вершине Камня-Волк в урочище Три дуба (рис. 14, 1). Впечатляют размеры этого валуна, стоящего на камнях-подпорках, – 10 м в длину, 5 м в ширину и высоту. Диаметр чаши на «загровке» валуна более полуметра. На дне чаши для спуска воды пробит отвод-канал, заканчивающийся небольшим углублением. Как видно, воду в чаше спускали перед тем, как сложить в ней дары, призванные умиловить дух священного камня. В окрестностях жертвенного Камня-Волк расположено несколько дольменов и валунов, в том числе дольмен с чашей над входным отверстием (рис. 16, 1), а также упоминавшийся выше валун с двумя чашечными углублениями (рис. 6).

1

2

Рис. 14. Крупные чаши на скалах и валунах Западного Кавказа

1 – чаша диаметром более полуметра, выбитая на вершине камня (камень-волк) в урочище Три дуба на р. Шахе; 2 – чашечное углубление на тыльной стороне Волконского дольмена-монолита

Кроме чашечников большого размера на Кавказе можно увидеть иногда сравнительно небольшие камни, усеянные углублениями, удивительным образом напоминающими углубления на покровных плитах дольменов. Очень часто это естественные рисунки, сделанные самой природой. Вблизи поселка Дюрсо я обнаружил и заснял такой рисунок на камне размером около 40 см в длину и 20 см в ширину (рис. 15, 3). На фотографии хорошо видно, как поразительно похож общий рисунок углублений на этом камне на рисунок чаш, выбитых на покровных плитах дольменов. При этом едва ли метки на булыжнике, найденном в Дюрсо, были сделаны древним человеком. Поэтому можно только удивляться сходству естественных меток и углублений с теми знаками, что венчают дольмены Западного Кавказа, стелы Нижне-Архызского городища или чашечники Шотландии, Италии, Русского Севера.

Размышляя над этим, я все больше и больше склоняюсь к мысли о том, что искусственные чашечные углубления (как малых так и больших размеров) появились с самого начала как подражание природе, – либо как копии этих углублений, либо как

композиции, имеющие дополнительные значения и смыслы, выходящие за пределы первобытного «одухотворения» камня. При этом нельзя забывать и о том, что «отличить искусственное углубление на камне от естественного, выбитую выемку – «след» от природной неровности не всегда легко даже специалисту-археологу»⁴⁴. Фактически это подтверждает лишний раз гипотезу миметического происхождения чашевидных углублений. В основе традиции «оживления» камня через чашевидные и другие подобные знаки лежит природная одухотворенность самого материала, самого объекта, на который были нанесены эти знаки нашими далекими предками.

Небольшие по своим размерам чашевидные знаки, повторяющие или напоминающие рисунок естественных углублений в камне, можно увидеть не только на громадных скалах, валунах, на мегалитах, на обширных горизонтальных плоскостях, но и на камнях, плитах, стелах малых размеров, на различного рода вертикальных плоскостях. Такие чаши, по понятным причинам, водой не наполняются.

В качестве примера можно сослаться на углубления в камне из каирна Клайв в Шотландии⁴⁵, на чашевидные знаки на менгирах Южной Франции⁴⁶. Условием наполняемости водой не связаны чашевидные углубления на плитах из Пятихаток и Семибратного городища в районе Анапы⁴⁷, на камнях из упомянутого выше Нижне-Архызского городища X–XII вв.⁴⁸, на стелах из степного и предгорного Крыма⁴⁹, из окрестностей Одессы⁵⁰ и др. В Ленинградской области имеются валуны с чашами на вершине камня и на боковой почти вертикальной грани. Так, чашечный камень по названию «Камень Вехмайнена» в Приозерском районе имеет 13 чаш на вершине валуна и 3 чаши на боковой грани⁵¹, напоминая в этом отношении упомянутый валун в урочище Три дуба на правом берегу Шахе.

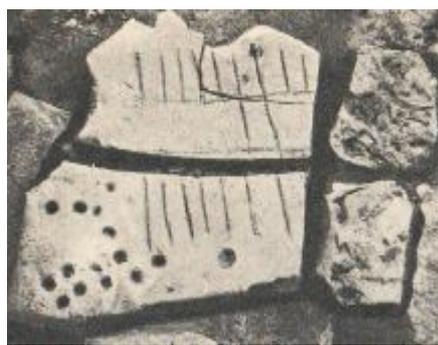
То же самое можно сказать о чашевидных метках расположенных на изделиях из керамики и кости. Вещественный материал такого рода находят в захоронениях позднекаменного века, на памятниках эпохи бронзы и последующего времени. К примеру, чашевидными метками различных форм орнаментированы найденные на Южном Буге остатки кухонной посуды. «Орнамент помещался сразу же под венчиком в виде пояска из вдавленных пальцем круглых ямок, из прочерченных продолговатых ямок или из отпечатков штампа с треугольными зубцами», – пишет автор этих находок Е.К. Черныш⁵². Трудно представить, что эти «ямки» предназначались для наполнения водой. Не вполне убедительна и версия их чисто декоративного происхождения. Скорее всего, изначально эти выемки имели религиозно-магическое значение.

Важно отметить, что для всех, сравнительно небольших по своим размерам камней наполнение водой чаш, имеющихся на его поверхности имело второстепенное значение или не имело вообще. В таких случаях чашевидные знаки использовались только для придания камням охранительной, религиозно-магической силы, для устрашения злых духов, способных осквернить или разрушить гробницу, обычное жилище, храм или керамический сосуд. Такие углубления были чаще всего небольшими по своим размерам и располагались не только на открытых и горизонтальных плоскостях, приспособленных для заполнения водой. Большое распространение получили чаши и метки, выбитые на боковых стенах, плоскостях, а также внутри каменных гробниц и в подкурганых захоронениях, что уже само по себе исключало их наполнение водой.

Все это касается в полной мере дольменной культуры Кавказа. Чашевидные знаки, встречающиеся иногда на передней или задней плитах гробницы, на скалах и боковых сторонах валунов вблизи дольменов и дольменных групп усиливали общее впечатление от святости мегалитических комплексов, умножали их суггестивную силу и мощь.

1

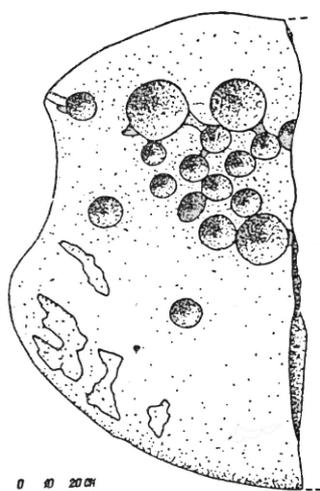
2

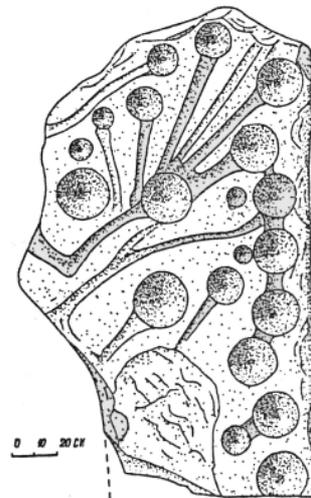
3

4

5

6

Рис. 15. Камни с чашевидными углублениями малых размеров

1 – из Нижне-Архызского городища X–XII в.; 2 – из поселка Нижняя Ермоловка близ Нижне-Архызского городища; 3 – из пос. Дюрсо; 4 – чашечный камень, обнаруженный в основании разрушенной часовни, дер. Волосово, Ленинградской области; 5 – лицевая сторона плиты из Семибратного городища; 6 – лицевая сторона плиты из пос. Пятихатки

Особенно показательны в этом отношении чашевидные углубления на камнях и мегалитах в урочище Три дуба на правом берегу р. Шахе, где найдены остатки 12 дольменов. С одной стороны, именно здесь расположен упоминавшийся выше Камень-Волк, на вершине которого имеется большая искусственная чаша с отводом воды. С другой стороны, поднявшись вверх можно увидеть живописный менгириобразный валун с двумя аккуратно выдолбленными на вертикальной плоскости чашами диаметром около 30 см и глубиной около 10–15 см, а также с группой мелких круглых лунок на вершине валуна. Завершает общую картину использования чашевидных знаков в данной местности находящийся в 5–7 метрах от валуна величественный корытообразный дольмен с аккуратно сделанным круглым углублением (диаметром около 12 см) над входным отверстием (рис. 16, 1).

Как видим, в урочище Три дуба располагался большой и сложный мегалитический комплекс с множеством дольменов, скал и валунов. Чашевидные знаки были нанесены на них для придания местности, занимаемой этими гробницами и камнями, особой религиозно-магической силы и значимости. Иными словами, это был центр силы, в котором витал дух великих предков, особого свойства некрополь, функционировавший как святилище, как раскинувшийся на сравнительно большой площадке храм под открытым небом. Возможно здесь совершались культовые действия (мистерии) в честь славных предков и главных богов языческого пантеона: Бога неба – *Уаихо*, Бога души и воды – *Псатха*, *Псытха* и др.

1

2

Рис. 16. Чашеобразные углубления на фасадных плитах дольменов

1 – чаша над входным отверстием дольмена в урочище Три дуба;
2 – две чаши на фасадной плите дольмена близ Пшады

Все это свидетельствует лишний раз о том, что, как правило, культовые камни и каменные сооружения связаны, так или иначе, с погребениями и погребальным обрядом. Поэтому камни и плиты с чашечными углублениями обнаруживают не только на открытой, земной поверхности, но иногда и в курганных погребениях. Так, в Симферопольском кургане, основные погребения которого относятся к эпохе ранней бронзы, А.А. Щепинский обнаружил в каменном ящике стелу с чашечными углублениями и крестом, помещенным в круг.

Видимо, возникнув еще в палеолите, сакральный смысл чашевидных углублений и лунок сохранялся у многих народов мира длительное время (вплоть до

средневековья), независимо от того, наполнялись эти углубления водой или нет. Не имела решающего значения и степень их доступности для восприятия. Сохранялось в любом случае убеждение в том, что в чашах живет дух предков, что они являются надежными каналами связи погребенного с потусторонним – нижним, земным и верхним, небесным миром. Кроме того, места, где устанавливались и располагались большие камни с чашевидными углублениями, рассматривались как святилища, капища, в то время как небольшие по размерам чашечники служили людям своего рода оберегами. Наконец, при строительстве каменных жилищ и храмов в тех же – охранительных целях чашевидные знаки наносились на стены этих сооружений. Например, на стенах при входе в храмы Мальты часто можно увидеть плиты, испещренные чашевидными метками⁵³. Надо думать, что это не только декоративный, но и смысловой орнамент, связанный с ритуальными практиками древности.

С течением времени сложилась традиция закладки чашечных камней в основания и стены жилищ и храмов в качестве оберега, для защиты строения и его обитателей от бед и несчастий. На это указывают упомянутые выше находки из городищ Северного Кавказа и Крыма. Еще одним таким свидетельством может служить камень с чашевидным углублением, обнаруженный в фундаменте часовни в деревне Волосово Ленинградской области⁵⁴. Известна, кроме того, часовня в Полужье, на оз. Врево, также стоявшая на камне с чашечным углублением⁵⁵. По сообщению Г.С. Лебедева, она была построена в XVI–XVII вв., но само углубление на этом камне было сделано гораздо раньше, возможно, в дохристианские, даже доисторические времена. Н.А. Макаров и А.В. Чернецов пишут в данной связи о «значительном оживлении культа камней» в XVI–XVII вв., о том, что в северорусских областях почитание некоторых камней началось именно в этот период⁵⁶. Видимо, представления о религиозно-магическом значении чашевидных углублений сохранялись подспудно в течение многих тысячелетий то затухая, то возрождаясь вновь. Причудливым образом соединяясь с новыми религиозными установками, они сохранялись до настоящего времени.

Все это свидетельствует не только о разнообразии, но и об эволюции, преемственности символов и ритуалов, связанных с чашевидными знаками. В этих символах и ритуалах заключены представления древних людей об устройстве Вселенной, о вере в возможность магического воздействия «одухотворенных» камней и мегалитов на ход событий, на жизнь и судьбу человека в этом и в потустороннем, загробном мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990. С. 280.
2. Макаров Н.А., Чернецов А.В. К изучению культовых камней // Советская археология. 1988. № 3. С. 80.
3. Кузнецов В.А. В верховьях Большого Зеленчука. М., 1977. С. 83–85, 116–118; *Он же*. Нижний Архыз в X–XII веках. Ставрополь, 1993. С. 104–106.
4. Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XII веках. С. 105.
5. Там же.
6. Varner G.R. Portals to Other Realms: Cup-Marked Stones and Prehistoric Rock Carvings. N-Y., 2012.
7. Куценков П.А. Очерки истории первобытного и традиционного искусства. М., 2001. С. 69.
8. Окладникова Е.А. Модель Вселенной в системе образов наскального искусства Тихоокеанского побережья Северной Америки. СПб., 1995.

9. Колтаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. СПб., 2012.
10. Исрапилов М.И. Наскальные рисунки Дагестана и колебания полюсов и наклона оси Земли в голоцене. Махачкала, 2003.
11. Вуд Дж. Солнце, Луна и древние камни. М., 1981. С. 52.
12. Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
13. Александров А.А. О следах язычества на Псковщине // КСИА. 1983. Вып. 175; Мизин В. Культурные камни и сакральные места Ленинградской области. СПб., 1986; Платов А. Мегалиты русской равнины. М., 2009.
14. Rock art and cup marks of Bessa//[http://www.bessa.E % 20 massi%20 incisi.htm](http://www.bessa.E%20massi%20incisi.htm).
15. Кондряков Н.В. Тайны сочинских дольменов. Майкоп, 2010. С. 35.
16. Валганов С.В. Дольмены Кавказа. Реконструкция культа. М., 2004. С. 192.
17. Кондряков Н.В. Указ. соч. С. 35.
18. Аржанцева И.А., Албегова З.Х. Культурные камни Кяфарского городища (еще раз о религиозном дуализме алан) // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С. 243.
19. Кудин М. Космогония и ритуал // <http://zero.fantazin.ru/content>
20. Там же.
21. Сысоев В.М. Археологическая экскурсия по Закубанью в 1992 году // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IX. М., 1904. С. 138.
22. Формозов А.А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1980. С. 93.
23. Чой М.Л. Дольмены Кореи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 2. С. 14.
24. Латышев И.А., Щепинский А.А. Исследования в Северо-Западном Крыму // Археологические открытия 1977 г. М., 1978. С. 349.
25. Аутлев П.У. Вести из мира древностей // Адыгейская правда, 1968, 10 января; Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. С. 219.
26. Brennan M. The Stars and Stones. Ancient Art and Astronomy in Ireland. London, 1983.
27. Москвин А. Карта из Леты // Вокруг света. 1988. № 10.
28. Окладникова Е.А. Модель Вселенной в системе образов наскального искусства Тихоокеанского побережья Северной Америки. СПб., 1995.
29. Jakobsen T. The treasures of darkness. A history of Mesopotamian religion. New Haven-London, 1976.
30. Марковин В.И. Дольмены западного Кавказа. С. 208.
31. Мецанинов И.И. Орнамент сузских чаш первого стиля // Известия Российской академии истории материальной культуры. Л., 1927. Т. V. С. 444.
32. Щепинский А.А. Солярные изображения эпохи бронзы из Крыма // СА. 1961. № 3.
33. Вуд Дж. Солнце, Луна и древние камни. М., 1981. С. 52.
34. Кондряков Н.В. Тайны сочинских дольменов. С. 37.
35. Bar H. Les pierres sacrees, dolmens et menhirs ouest france. Paris, 1976. P. 13.
36. Schuchardt C. Alteuropa. Berlin und Leipzig, 1926. S. 65.
37. Кусов Г. Камень с Большой медведицей // Вокруг света. № 5. 1989.
38. Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XII веках. С. 105.
39. Демаков А.А., Фоменко Д.А. Археoaстрономические исследования. Нижний Архыз, 1999. С. 6.
40. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2008. С. 251.
41. Там же.
42. Чурсин Г.Ф. Почитание гор, скал и камней у кавказских народов // Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. 1928. № 4.
43. См. об этом: Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 24–27.
44. Макаров Н.А., Чернецов А.В. К изучению культовых камней. С. 81.
45. Чашечный камень // <http://ru.jazz.openfun.org/wiki>
46. Daniel G. The prehistoric chamber tombs of France. A geographical, morphological and chronological survey. London, 1960.
47. Новицкий А.М. Плиты с чашевидными углублениями из района Анапы // Историко-археологический альманах. Армавир, 1995. Вып. 1.
48. Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XII веках. Иллюстрации. Рис. 82.

49. *Щепиньский А.А.* Указ соч. С. 228.
50. *Новицкий Е.Ю.* Плита-жертвенник эпохи энеолита – ранней бронзы из Красносельки // СА. 1988. № 1. С. 235–236.
51. *Мизин В.* Чашечные камни Ленинградской области // <http://perpetuum.narod.ru>
52. *Черныш Е.К.* Многослойный памятник у с. Печоры на Южном Буге // Археологический сборник. Вып. 1. Эпоха камня. Л., 1959. С. 178.
53. *Renfrew C.* Before Civilization. L., 1990. P. 176.
54. Камень Велеса в Волосовском районе Ленинградской области / <http://forum.garogfilm.ru/viewtopic.php>
55. *Лебедев Г.С.* Памятники Дремяцкого плато в Верхнем Полужье // Археологические открытия. 1979. М., 1989.
56. *Макаров Н.А., Чернецов А.В.* К изучению культовых камней. С. 85.

*В.Е. Маслов,
К.И. Красильников,
Г.Г. Пятых*

КАТАКОМБНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПОСЛЕДНИХ ВЕКОВ ДО НАШЕЙ ЭРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ДАГЕСТАНА

В 80-е годы минувшего века Дагестанской экспедицией ИА РАН был раскопан ряд курганных могильников, содержавшие новые выразительные материалы последних веков до н.э. Из интересующих нас памятников, в степном Терско-Сулакском междуречье был исследован курган-кладбище № 4 могильника Львовский–VII¹, а Приморском Дагестане – к югу от Махачкалы Зеленоморский курган-кладбище² и несколько впускных погребений в кургане № 2 Манаскентского могильника³ (рис. 1).

Для Центрального Предкавказья появление в последние века до н.э. курганов-некрополей обычно устроенных в курганах эпохи бронзы выглядит как несомненная эпохальная инновация. Пока неясно, является ли такая традиция результатом воздействия сарматской культуры, или появление подобных памятников отражает культурно-экономические процессы, связанные с постепенной седентеризацией скотоводческого населения в оседлом окружении, на фоне активных межкультурных контактов. Кроме того, необходимо учитывать, что существование курганов-кладбищ, часто включенных в поля больших грунтовых могильников, зафиксировано в Закубанье еще со скифского времени⁴.

Тем не менее, подобные памятники нельзя рассматривать в качестве обычных грунтовых могильников, поскольку связь погребений с насыпями – очевидна. Это функционировавшие длительное время родовые (?) кладбища, расположенные на плотно заселенных предгорных равнинах. К числу таких памятников относятся Чегемский курган в Кабардино-Балкарии⁵, Заманкульские курганы в Северной Осетии⁶, курганы могильников «Бамутский поворот», «Орджоникидзевский» и «Самашкинский» в Чечне⁷. Убедительно выглядит версия, что сюда же следует причислить и Нижне-Джулатский могильник: первоначально погребения последних веков до н.э. – начала н.э., вероятно, также были впущены в два кургана⁸.

Таким образом, курганы-кладбища открытые в Дагестане – Зеленоморский и в курган № 4 могильника Львовский–VII, как бы замыкают группу памятников этого типа с востока.

С оговорками можно считать курганом-кладбищем и курган № 2 Манаскентского могильника, где было открыто около десятка погребений последних веков до н.э.

Одновременно в Центральном Предкавказье получает распространение новый тип погребальных сооружений – катакомбные погребения. Катакомбы II-го и тесно связанные с ними III-го типа по К.Ф. Смирнову достаточно широко представлены в Памятниках Центрального Предкавказья. В частности они встречены в Чегемском и Заманкульских курганах⁹.

В вопросах происхождения этого типа погребальных сооружений наблюдается относительное единодушие: большинство исследователей связывают распространение катакомб этого типа с сарматским влиянием. Но время их появления остается дискуссионным. В.Б. Виноградов и Я.Б. Березин отнесли появление первых катакомб в Предкавказье к IV–II вв. до н.э., не приведя, впрочем, никаких серьезных аргументов в пользу такой датировки¹⁰. М.Г. Мошкова и В.Ю. Малашев,

ссылаясь на исследования в Прикубанье и степном Ставрополье, относят время появления катакомбных погребений в Центральном Предкавказье ко времени не позднее конца IV – начала III вв. до н.э.¹¹ Представляется, что эта дата неоправданно занижена, поскольку в степях Предкавказья пока нет катакомбных погребений, которые уверенно могли бы датироваться временем более ранним, чем II в. до н.э. Причем наиболее богатые комплексы содержат античные импорты, происхождение которых, очевидно, так или иначе связано с Боспорским царством, или его меотской периферией – эллинистический шлем и золотую фибулу-брошь, перстень «птолемеевского» типа, меотскую керамику¹².

На территории Кубани, по данным И.И. Марченко, впускные захоронения в катакомбах II-го типа также характерны, прежде всего, для II в. до н.э.: к этому времени относятся 20 из 31 учтенных комплексов¹³. Более ранняя датировка четырех катакомбных погребений вызывает справедливые сомнения¹⁴. Следует отметить присутствие в ряде кубанских катакомбных погребений керамики, очевидно, изготовленной в Предкавказье: см., например, комплексы №№ 225 и 275¹⁵.

На территории Дагестана пока известны лишь две катакомбы II-го типа: в Хасавюртовском II-ом кургане и Манаскентском могильнике¹⁶. Несомненно, что этот тип погребальных сооружений не имеет здесь местных истоков (рис. 1).

План хасавюртовской катакомбы, разграбленной в ходе разрушения кургана, не издан, инвентарь частично утрачен. Тем не менее, ясно, что это был богатый комплекс, содержащий золотые предметы, буrolаковый канфар, поясную застежку, оформленную в зверином стиле и фибулу. Авторы публикации полагают, что хасавюртовская катакомба «фиксирует первую волну сарматской миграции в Приморский Дагестан и Терско-Сулакское междуречье на рубеже III–II вв. до н.э.»¹⁷.

Хотя форма фибулы из Хасавюрта осталось неизвестной, само ее присутствие в данном комплексе является важнейшим хронологическим маркером, поскольку на Кубани, Предкавказье, Нижней Волге и Нижнем Дону серии фибул различных типов появляются практически синхронно, но не ранее начала II в. до н.э. Наиболее ранние находки фибул на территории Дагестана, также как и в Предкавказье, относятся к фибулам среднелатенского типа¹⁸. Канфар, который, возможно, был изготовлен в конце III в. до н.э., имеет следы длительного использования: основание его отбитой ножки было обточено¹⁹.

Следует отметить, что к собственно вещам степного круга из данного погребения можно отнести лишь пряжку. Все остальные находки, включая культовые сосуды (кроме канфара)²⁰, имеют вполне северокавказский облик, и скорее указывают на продвижение на восток населения бассейна среднего Терека, чем собственно сарматских племен.

Материалы катакомбного погребения № 7 Манаскентского могильника, расположенного в Приморском Дагестане к югу от Махачкалы, были изданы Б.М. Салиховым²¹, однако эта публикация не только труднодоступна и малоизвестна, но и содержит неточности. Поэтому приведем описание погребения полностью (рис. 2).

Катакомбное погребение было открыто в центральной части кургана эпохи бронзы на глубине -54 ... -104 см от R(0). Здесь удалось зафиксировать придонную часть входной ямы и погребальной камеры, которые были ориентированы по одной оси, в направлении СЗ – ЮВ. Вход в погребальную камеру шёл через пологую ступеньку высотой 17 см. Дно входной ямы, как и камеры, имело заметное понижение на юго-восток: перепад глубин составлял около 0,8 м. Свод камеры не сохранился. Размеры входной ямы – 1,4x1,25 м, прямоугольной могильной камеры – 1,8x1,5 м, реконструируемая высота свода камеры не менее 0,5 м.

На дне погребальной камеры были расчищены скелеты двух погребенных, уложенных вдоль ее стен, головами к входу, на СЗ. Оба скелета лицевыми костями и верхней частью корпуса были повернуты в правую сторону. Плечевые

кости в обоих случаях приподняты, ноги – вытянуты. Согласно определению К.Н. Золотова скелеты принадлежали молодой женщине и мужчине²².

У погребенной, лежавшей вдоль южной стены, сохранились *in situ* только кости правой руки, предплечьем уложенные на грудь. Руки погребенного, находившегося у северной стены могильной камеры, были согнуты в локтях и уложены на живот, при этом левая кисть находилась над правой.

Между телами погребенных была установлена большая миска, в которой были найдены кости (скорее всего, перемещенные кости левой руки женского скелета). Под миской была найдена бронзовая серьга (рис. 3, 3). Вторая подобная серьга была найдена при разборке антропологического материала: она прикипела к сосцевидному отростку черепа. Вплотную к миске с запада находился развал еще одного сосуда. Справа от берцовых костей южного скелета на боку находился горшок (рис. 3, 2).

Между бедренными костями мужского скелета были обнаружены спекшиеся железные втульчатые наконечники стрел (рис. 3, 4).

Положение погребенных головой к входу в погребальную камеру встречается в степных катакомбах II–I вв. до н.э. в Центральном Предкавказье²³. Однако манаскентская катакомба заметно отличается от них пропорциями: соотношение длины погребальной камеры и входной ямы как 1,3:1, так же соотносятся длина и ширина прямоугольной могильной камеры. Длинные и узкие входные ямы степных катакомб некоторые исследователи связывают с необходимостью помещать в могильные камеры гробы²⁴.

Из находок из погребения следует подробнее остановиться на миске, снабженной ручками-ухватами, возможно, также служившими опорой для крышки. Похожая миска происходит из катакомбы погребения № 40 в кургане-кладбище № 4 могильника Львовский–VII, расположенного в междуречье Сулака и Терека²⁵. Миска с выступами-ручками найдена в комплексе с выразительным набором инвентаря из воинского погребения № 51 могильника «Орджоникидзевский» в Чечне, дата которого, возможно, не выходит за пределы второй половины – конца II в. до н.э.²⁶

Ещё одна параллель – миска из Моздокского могильника, декорированная фигурными выступами²⁷.

Но кроме достоверно известных катакомб в курганах-кладбищах могильника Львовский–VII и Зеленоморском имеется целый ряд захоронений, которые, вероятно, также были совершены в катакомбах, на что указывают косвенные признаки.

Так в погребении № 25 кургана № 4 могильника Львовский–VII скелет залегал со значительным понижением к ногам: угол наклона между черепом и фалангами ступней приблизительно 30°, а перепад глубин по нивелировочным отметкам составлял 50 см (рис. 4). Такая ситуация характерна только для катакомбных захоронений в так называемых «чулках» – катакомбах II-го типа по К.Ф. Смирнову. И.И. Марченко также рассматривал прерывание глубин дна 20–40 см, как косвенный признак наличия катакомб²⁸. При этом очевидно, тело погребенного было задвинуто в погребальную камеру ногами вперед, что также является не редкой чертой для погребений в подобных катакомбах. Не исключено, что такой резкий спуск вниз символизировал дорогу в преисподнюю, куда отправлялись умершие. Другой вариант объяснения состоит в том, что катакомбы обычно впускались в полы насыпи, где грунт был более сыпуч, поэтому, наклон мог обеспечивать необходимую прочность свода.

В этом же кургане перепад глубин залегания костей скелета от ног к голове был отмечен также в погребениях №№ 7, 8, 31, а в погребениях №№ 29, 39 – от головы к ногам. В этой связи отметим, что в погребении № 29 рядом с телом лежал согнутый меч²⁹. Б.М. Керевов по материалам Чегемского кургана отметил, что обычай преднамеренной порчи вещей, в том числе и оружия, характерен, прежде

всего, для катакомбных погребений³⁰. Однако ни в одном случае не было обнаружено достоверных следов заклада устья погребальной камеры.

Следует отметить, что целая серия погребений с выраженным в различной степени понижением к голове имеется и в Зеленоморском кургане-кладбище: погребения №№ 10, 13, 24 раскопок 1986 г.³¹ и 36 – 1988 г.³² Скорей всего, и здесь были катакомбные погребения.

Представляются ошибочными попытки рассматривать «чулковые» катакомбы на очень широком историческом фоне, вне узкого хронологического контекста, сравнивая с памятниками эпохи Великого переселения народов, как это представлено в публикации М.Б. Салихова³³. Они нуждаются в осмыслении на фоне синхронных древностей. Появление курганов-кладбищ с катакомбами отчетливо маркирует продвижение в Дагестан во II–I вв. до н.э. новых сарматизированных³⁴ скотоводческих групп с запада – северо-запада, из бассейна среднего течения р. Терек, что подтверждает и комплекс керамики, найденный в этих памятниках. Но пока еще трудно оценить масштабы и последствия этого явления. Но очевидно, что эпохальный процесс культурной интеграции разнородных культурно-этнических групп населения на всей территории Предкавказья, судя по всему, протекал очень быстро и практически сразу затронул и территорию Дагестана.

Если Львовские могильники, несмотря на то, что они расположены близ каспийского побережья, являются степными памятниками, то Манаскентский могильник и расположенный недалеко Зеленоморский курган-кладбище в Приморском Дагестане демонстрируют продвижение новых групп населения в южном направлении, которое проходило по естественному приморскому коридору (рис. 1).

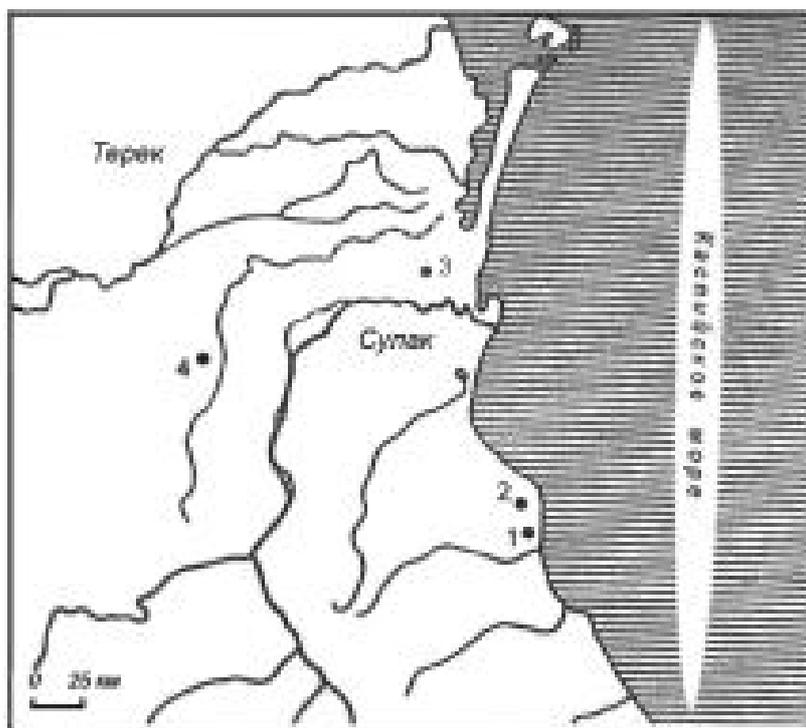

Рис. 1. Курганные погребения II–I вв. до н.э. Дагестана

1 – Манаскентский могильник; 2 – Зеленоморский курган;
3 – могильник Львовский-VII; 4 – Хасавюртский курган II

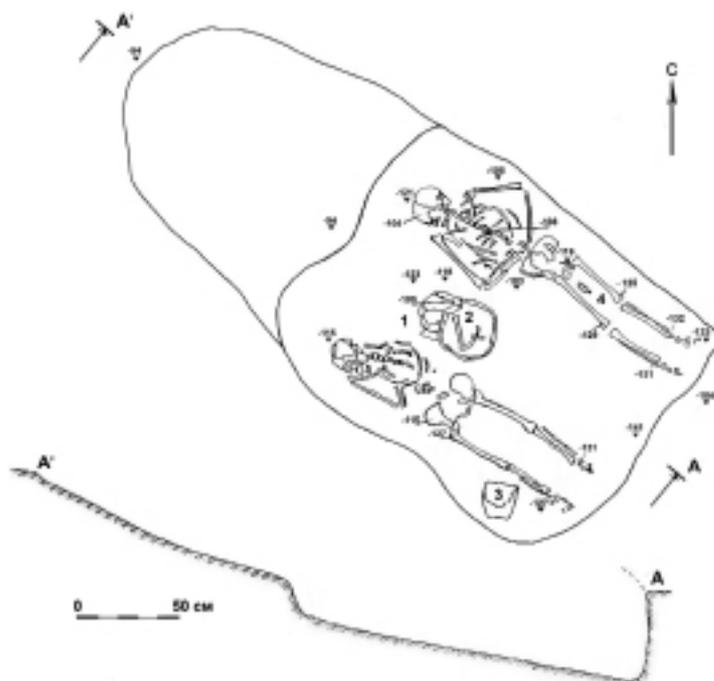

Рис. 2. Манаскентский могильник. Курган № 2, погребение № 7
План: 1,2,3 – сосуды; 4 – наконечники стрел

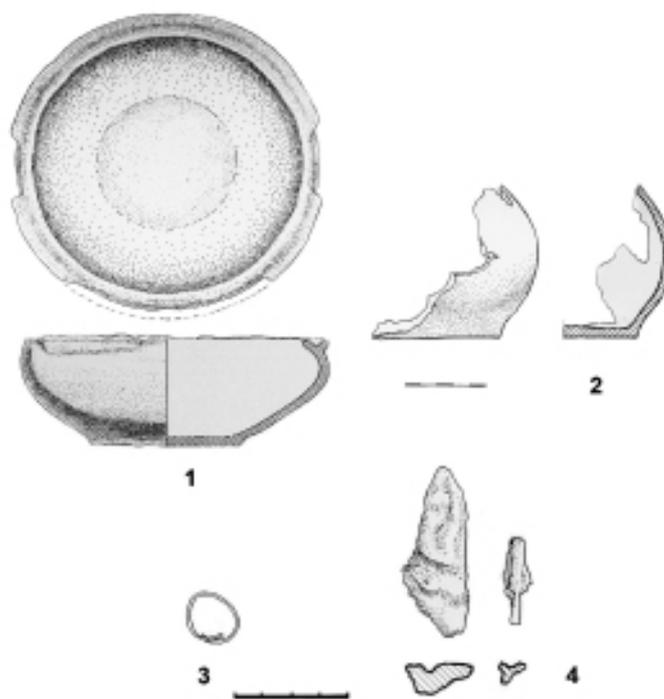

Рис. 3. Манаскентский могильник. Курган № 7, погребение № 2
Инвентарь: 1,2 – сосуды; 3 – бронзовое кольцо;
4 – железные наконечники стрел

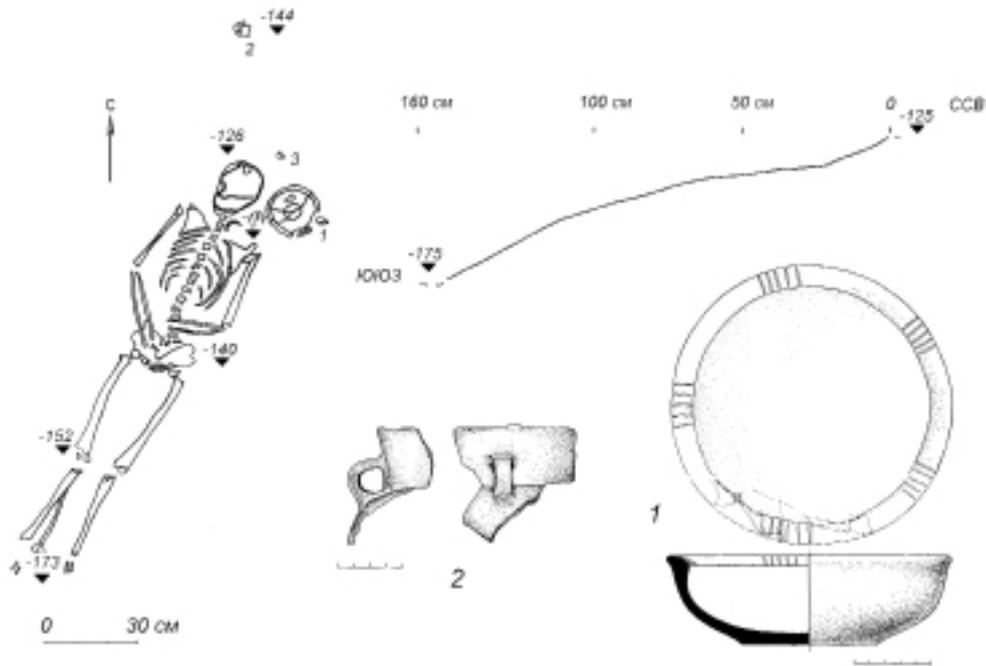

Рис. 4. Могильник Львовский VII. Курган № 4, погребение № 25
1 – миска; 2 – фрагмент кувшина; 3 – фрагмент керамики

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Красильников К.И., Пятых Г.Г., Отчёт о раскопках Дагестанской экспедиции в 1987 г. М., 1988. Научный архив ИА РАН. Ф. Р – 1. Д. № 13816–13819.
2. Салихов Б.М. Отчет отряда Дагестанской экспедиции АН СССР о раскопках Зеленоморского кургана в 1986 г. М.– Махачкала, 1987. Научный архив ИА РАН. Ф. Р – 1. Д. № 12226–12226-а. *Он же*: Отчет Приморского археологического отряда Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР о раскопках Зеленоморского кургана в 1988 г. Махачкала, 1988. Научный архив ИА РАН. Ф. Р – 1. Д. № 13650–13651.
3. Пятых Г.Г., Салихов Б.М., Шишлина Н.И. Отчёт о раскопках Дагестанской экспедиции в 1985 г. М., 1986. Научный архив ИА РАН. Ф. Р – 1. Д. № 11022–11022а.
4. Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья в середине VI – начале III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. М., 2005. С. 7, 8.
5. Керемов Б.М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические открытия на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985. Т. 2. С.135–184.
6. Ростунов В.Л., Березин Я.Б. Скифо-сарматский период на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. Часть 2. С. 12–14.
7. Бурков С.Б., Прокопенко Ю.А. Подкурганые погребения раннего железного века – эпохи раннего средневековья с территории предгорной Чечни. Ставрополь, 2008. С. 61–66; 91–161; 217–257.
8. Виноградов В.Б., Березин Я.Б. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н.э. – IV в. н.э. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 53.
9. Керемов Б.М. Чегемский курган-кладбище.... С. 171. Рис. 11; Ростунов В.Л., Березин Я.Б. Скифо-сарматский период.... С. 13. Рис. 6, 2, 4.

10. *Виноградов В.Б., Березин Я.Б.* Катакомбные погребения и их носители... С. 52, 53.
11. *Мошкова М.Г., Малашев В.Ю.* Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград, 1999. С. 182.
12. *Прокопенко Ю.А.* Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь, 2005. Рис. 50А, 2, 3; 52А, 2, 8; 54Б, 12.
13. *Марченко И.И.* Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. С. 84–91.
14. *Шевченко Н.Ф.* Степи Прикубанья и сираки в IV–III вв. до н.э. // ИАА. Вып.10. Армавир – Краснодар – М., 2011. С.48–55.
15. *Марченко И.И.* Сираки Кубани... Рис. 85, 1–5; 101, 3, 4.
16. *Бакушев М.А.* Погребальный обряд населения Дагестана албано-сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Ростов-на-Дону, 2008. С. 69, 70.
17. *Бакушев М.А., Абдуллаев А.М.* Хасавюртовский курган-II // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. Тезисы XXVII Крупновских чтений. Махачкала, 2012. С. 162, 163.
18. *Гаджиев М.С.* Между Европой и Азией: Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала, 1997. С. 12. Рис. 1, 3.
19. *Бакушев М.А., Абдуллаев А.М.* Хасавюртовский курган-II...Рис.1, 9. *Они же:* Доклад на XXVII Крупновских чтениях, Махачкала.
20. *Бакушев М.А., Гаджиев М.С.* О ритуальных сосудах Северо-Восточного Кавказа албано-сарматского времени // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный – М., 2011. С.163. Рис.1, 9–11.
21. *Салихов Б.М.* К вопросу о Манаскентской катакомбе Дагестана // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 3-го археологического семинара. Новочеркасск, 1993. С. 145–151.
22. *Пярых Г.Г., Салихов Б.М., Шишлина Н.И.* Отчет о раскопках Дагестанской экспедиции... С. 51.
23. *Прокопенко Ю.А.* Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья... Рис. 52Б; 53А; 54А.
24. *Шевченко Н.Ф.* Погребения с фибулами из курганных могильников у хутора Пролетарский // Древности Юга России: памяти Г.А. Атавина. М., 2008. С.
25. *Красильников К.И., Пярых Г.Г.* Отчет о раскопках Дагестанской экспедиции... Рис. 263; 264.
26. *Бурков С.Б., Прокопенко Ю.А.* Подкурганные погребения... С. 139–141. Рис. 71, 1.
27. *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. Рис. 36, 1.
28. *Марченко И.И.* Сираки Кубани... С. 95.
29. *Маслов В.Е., Красильников К.И., Пярых Г.Г.* Погребение с мечом из могильника Львовский–VII (Республика Дагестан) // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2012. Вып.1. С. 69. Рис. 1, 2.
30. *Керефов Б.М.* Чегемский курган-кладбище... С. 176.
31. *Пярых Г.Г., Салихов Б.М., Шишлина Н.И.* Отчет о раскопках Дагестанской экспедиции... Рис. 10; 20; 21; 66.
32. *Салихов Б.М.* Отчет Приморского археологического отряда... Рис. 6.
33. *Салихов Б.М.* К вопросу о Манаскентской катакомбе... С. 145–151.
34. Данный термин по-разному трактуется исследователями. Нам близко понимание этого термина, как процесса межкультурной интеграции, связанной с полной или частичной седентеризацией скотоводческого населения.

АМУЛЕТЫ И ТАЛИСМАНЫ ИЗ «ЕГИПЕТСКОГО» ФАЯНСА С ТЕРРИТОРИИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Изделия из т.н. «египетского фаянса»¹ в виде бус и амулетов разнообразных фигурных форм и их подражаний, происходящие с территории Кабардино-Балкарии, еще не становились объектом специального анализа и комплексной публикации, тогда как для некоторых других территорий эта работа уже произведена². В настоящее время существует ряд работ публикационного характера, в которых приводятся интересующие нас сведения. Так, в материалах В.Ф. Миллера и П.С. Уваровой присутствуют изображения и краткое описание предметов из «египетского» фаянса, найденные в долинах Баксана и Чегема. Они же имеются в работах А. Зичи и В. Тураева³. В статье Д.В. Айналова содержатся сведения о нахождении амулетов из «египетского» фаянса в склепе у пос. Былым⁴.

В дальнейшем, по мере их обнаружения, данные предметы становились объектом научного интереса, публикуясь как совместно с другими материалами раннего железного века, так и в составе некоторых сводок. Так, Л.П. Семенов упоминает о некоторых находках с территории республики⁵. Подобная информация содержится в сводных публикациях Б.Б. Пиотровского⁶. Е.И. Крупновым также приведены сведения о некоторых из них⁷. Данные о амулетах и талисманах, в том числе – с территории Кабардино-Балкарии, содержит статья М.А. Коростовцева⁸. В статье В.Б. Виноградова, посвященной месту и роли египетских амулетов в сакральном пространстве народов Северного Кавказа, приведены некоторые сведения о местонахождении находок из фаянса, найденных, в том числе, и на изучаемой нами территории. При публикации материалов фондов Кабардино-Балкарского краеведческого музея и отчетов об археологических раскопках в КБАССР за 1957–1967 гг. им же были учтены некоторые из интересующих нас находок, происходящих из разрушенных погребений⁹. В научно-популярной книге Г.И. Ионе и О.Л. Опрышко имеются краткие сведения и рисунки некоторых интересующих нас предметов¹⁰. Сведения о коллекциях амулетов и талисманов эпохи раннего железного века содержат монографии Б.М. Кеферова и Ю.А. Прокопенко¹¹. О некоторых предметах из коллекций конца XIX в. с территории Кабардино-Балкарии упоминает в своей монографии М.Х. Багаев¹².

Помимо представления уже найденных предметов, их перечень пополняется и путем полевых изысканий. Так, в ходе охранно-спасательных раскопок на территории строительства Кашхатауской ГЭС в Черекском районе КБР было изучено около 1200 погребений, в том числе – сарматского периода. К ним относится несколько сотен захоронений; в составе инвентаря присутствуют, в том числе, амулеты и талисманы из «египетского фаянса»¹³.

Несмотря на достаточно представительный список работ, посвященных интересующей нас теме, в них не учтены полностью все предметы подобного рода, в ряде случаев публикуемая информация оказывается противоречивой, требующей дополнительных изысканий и работы с первоисточниками. Кроме того, данные о некоторых находках содержатся только в тезисах докладов региональных конференций и полностью не введены в научный оборот.

В этой связи целью настоящей статьи является составление полной сводки амулетов и талисманов из «египетского» фаянса с указанной территории, а также

попытка их анализа и интерпретация возможной смысловой нагрузки в системе религиозно-магических представлений жителей региона эпохи раннего железного века.

Материалы ранних коллекций их публикаторами приводятся без указания на конкретные формы или их число, что создает дополнительные сложности при установлении действительного числа находок, места и условий их обнаружения. В ряде комплексов интересующие нас находки даны описательно, без указания их конкретного числа (например – «львы», «скарабеи»). В таких случаях, при статистических подсчетах, нами условно учитывались минимально два экземпляра. В некоторых публикациях сведения об интересующих нас предметах представлены без необходимой детализации, а их изображения – прежде всего, «скарабеи», демонстрирует лишь тыльную сторону этих изделий, что не позволяет точно определить их типологию. В части работ описание предметов дается без ссылок на их конкретные изображения, а общее количество представляемых находок не соответствует числу рисунков. При ссылке на некоторые коллекции, число и перечень интересующих нас предметов у различных авторов не совпадает, что порождает дополнительные трудности. Часть предметов входят одновременно в различные коллекции, что может приводить к их двойному учету. Описание амулетов крайне скудны, не указаны их размеры, в основном приводятся лишь сведения о цвете. Рисунки многих из них излишне схематичны, что не позволяет с уверенностью относить найденные предметы к тому или иному типу. Перечень находок дается с учетом времени их обнаружения. С учетом указанных выше обстоятельств, обратимся теперь к источниковой базе наших исследований.

В.Б. Виноградов в своей сводной работе, посвященной находкам египетских амулетов с территории Центрального и Северо-Восточного Кавказа отметил, что в коллекциях В.Ф. Миллера, собранных им в ущелье р. Чегем в 1883–1886 гг., в том числе, присутствовали многочисленные амулеты из голубого «египетского фаянса». При этом была сделана ссылка на публикацию 1888 г.¹⁴ При ознакомлении с первоисточником оказалось, что эти данные приведены в разделе, озаглавленном «Некоторые замечания о культуре, обнаруживаемой могильниками Осетии и горских обществ Кабарды». В тексте сказано, что интересующие нас предметы происходят из Чегемского могильника и состоят их привесок из голубой египетской пасты в виде львов на плакетках, скарабеев с иероглифическими знаками на оборотной стороне и миниатюрных черепах из голубой пасты. На приведенных здесь же таблицах имеются изображения 12 скарабеев, причем 9 из них показаны только с оборотной стороны, на которых видны изображения 3 животных кошачьего типа и 2 змей, остальные снабжены иероглифическими знаками; 1 показан с обеих сторон и еще 2 – только с внешней; 1 плакетка в виде скарабея с профилированными частями тела и 2 – гладких. Здесь же присутствует изображение сжатой в кулак вероятно, правой руки, 1 фигурка черепахи и 1 плакетка прямоугольной формы с лежащим львом¹⁵. Б.Б. Пиотровский уточняет, что одна из фигурок черепах из коллекции В.Ф. Миллера находится в собрании Археологического общества, №№ 342,55¹⁶. В монографии Б.М. Керефова приведена часть из этих находок, в составе 8 скарабеев (7 из них показаны в нижней проекции с изображением 2 кошачьих животных, 2 змей в сочетании с иероглифическими знаками, 1 изображение – возможно, насекомое и 1 – птица). Материалы представлены как происходящие из могильника на горе Донгат, расположенного на правом берегу р. Чегем в 500 м. к ЮВ от с. Верхний Чегем. Данные находки были переданы И. Урусбиевым В.Ф. Миллеру около 1883 г.¹⁷

По данным В.Б. Виноградова в коллекции графа А. Зичи, приобретенной им у И. Урусбиева в 1896 г. и собранной последним в ущельях Баксана и Чегема, имеются 2 статуэтки «Ушебти», фигурки Тауэрт и Исиды с Гором, 3 плакетки со

львами, подвески в виде барана, черепах и 12 скарабеев¹⁸. Графическое изображение части этой коллекции приведено у Б.М. Керефова. Среди прочих предметов присутствуют изображения 1 льва, 1 барана, 2 скарабеев, 1 подвески в виде кисти правой руки, фигурка в виде головы негра и по одной фигурке черепахи и «Ушебти»¹⁹. Кроме того, обратим внимание и на некоторое несоответствие в сносках двух упомянутых выше авторов относительно предметов из «египетского фаянса», опубликованных Бела де Поста (Б.Пошта или Бело Пошта – у других авторов)²⁰. По данным Ю.А. Прокопенко в эту коллекцию входят 10 скарабеев, 3 плакетки с лежащими львами, 1 рука, сжатая в кулак, 4 черепахи, 2 статуэтки Ушебти, 1 – Тауэрт, 1 – Исида с Гором, всего 22 предмета, что соответствует их общему числу, приведенного у В.Б. Виноградова с той лишь разницей, что число скарабеев и черепах разнятся. Кроме того, в таблице, приведенной в монографии Ю.А. Прокопенко, имеются изображения головы негра и фигурки барана. Последние 2 предмета в общий коллекционный перечень им включены не были²¹.

В своей работе 1946 г. Е.И. Крупнов упоминает, что в данную коллекцию, приобретенную в долинах рек Баксана и Чегема, входят фигурки 2 Ушебти, 1 Тауэрт, 1, 1 Исиды с Гором, 3 плакетки со львами, 1 с бараном, 4 черепахи и 12 скарабеев²². В дальнейшем он еще раз повторил эту же информацию, на этот раз снабдив ее ссылкой на публикацию интересующей нас коллекции 1897 г.²³ Интересно, что у Б.М. Керефова из данной коллекции на рисунке размещены 7 предметов, а у Ю.А. Прокопенко – 10, в том числе – фигурки в виде головы негра и руки, сжатой в кулак. Указания на то, что эти предметы входили в коллекцию графа А. Зичи, у Е.И. Крупнова и В.Б. Виноградова отсутствуют. Скорее всего, эти предметы принадлежат к коллекции В.Ф. Миллера²⁴, хотя у Б.М. Керефова они учтены как происходящие из коллекции А. Зичи. При этом подмеченное им дублирование предметов объяснено как перекрестная публикация ряда находок обоими авторами²⁵. У Б.Б. Пиотровского в работе 1936 г., в перечне предметов из этой коллекции присутствуют: 2 фигурки Ушебти, 1 Тауэрт из зеленой пасты, 1 Исиды с Гором, 3 плакетки с рельефными изображениями львов, 1 подвеска в виде барана из коричневой пасты, 4 фигурки черепах и 12 скарабеев, что идентично данным, приведенным Е.И. Крупновым²⁶.

Относительно числа и наименований самих предметов, в тексте работы отмечены фигурки 4 черепах, 1 барана, 3 львов, 1 «кулака правой руки», 1 «кулона в форме негра», 2 «терракоты в форме головы женщины», 1 «фигуры человека на стуле», 1 «идола с головой животного». Скарабеи в публикации представлены рисунками 2-х различных форм, однако в тексте их общее число не оговорено а обозначено как «скарабеи».

Таким образом, относительно данной коллекции в нашем распоряжении есть данные шести разных исследователей (с учетом публикации коллекции в монографии 1897 г.).

Предметы и их количество	Ушебти	Тауэрт и Исида с Гором	Лев	Баран	Черепаша	Скарабей	Негр	Рука
В.Б. Виноградов	2	2	3	1	?	12	-	-
М.Б. Керефов	1	-	1	1	1	2	1	1
Ю.А. Прокопенко	2	2	3	1	4	10	1	1
Е.И. Крупнов	2	2	3	1	4	12	-	-
Б.Б. Пиотровский	2	2	3	1	4	12	-	-
Жан Жанко и Бела де Поста	?	2	3	1	4	?	1	1

В результате сопоставления данных оказалось, что общее число фигурок «Ушебти» совпадает у 4 авторов из 6, Тауэрт и Исиды с Гором – у 5 из 6, львов – у

5 из 6, барана – у всех авторов, черепахи – у 5 из 6, скараabei – у 3 из 6, кисть правой руки и головы негра – у 3 из 6. Полное совпадения по числу и составу коллекции наблюдается у двух авторов – Б.Б. Пиотровского и Е.И. Крупнова, у Ю.А. Прокопенко различается лишь число скарабеев – 10 вместо 12. Таблица иллюстраций, приведенная при публикации коллекции А. Зичи Ж. Жанко и Б. Поста, содержит изображения двух типов скарабеев, терракотовой привески в виде женской головы, фигуры Ушебти, привески в виде головы негра, льва на плакетке прямоугольной формы, черепахи, барана, головы неопределённого животного, кулака правой руки, фигуры на стуле²⁷. Ссылки на таблицу с приведенными выше изображениями, у различных авторов также не совпадают: у В.Б. Виноградова – это XII–XVII, у Ю.А. Прокопенко – XII, р. 1–10, у Е.И. Крупнова – XXII, у Б.Б. Пиотровского – XXII, р. 461, что соответствует оригиналу. Уточним лишь, что на странице 461 размещен текст публикуемых предметов, а не иллюстративная таблица. Здесь же приведена информация о цвете предметов: плакетки со львами сине-зеленого, головы неопределенного животного и фигура на стуле – зеленого, барана – коричневого, привеска в виде головы негра и кулак – черного, черепашки – синего цвета. Относительно перекрестной публикации одних и тех же предметов разными авторами (Б.М. Керевов) укажем на то, что по данным В.Б. Виноградова, В.Ф. Миллер свою коллекцию в ущельях Чегема составлял в 1883–1886 гг. (по Б.М. Керевову – в 1883 г.), а граф А. Зичи приобрел предметы из «египетского» фаянса в 1896 г. Первая из них была опубликована в 1888 г., вторая – в 1897 г., т.е. разница в приобретении и опубликовании составляет соответственно 15 и 9 лет. Вряд ли одна и та же коллекция могла быть обработана различными авторами при такой разнице во времени. К сожалению, при публикации таких предметов, как скараabei, входящих в собрание древностей А. Зичи, не были представлены графические изображения или описания их тыльных сторон, что могло оказать существенную помощь при установлении точного соответствия находок в обеих коллекциях. Заметим, что в них совпадает число скарабеев, формы привески в виде кисти правой руки, привески в виде барана и головы негра, однако подобные предметы не относятся к индивидуальным изображениям и изготавливались сериями в одних и тех же формах. Только у одного автора (Б.Б. Пиотровский) в описании предметов присутствует цвет некоторых из них (Гауэрт, баран), чего нет в публикациях других исследователей. В его перечне отсутствует привеска в виде кисти руки, а также амулет в виде головы негра. Последняя, возможно, не была включена из-за материала: вероятно, это стекло. В тексте публикации 1897 г. присутствуют и сведения о расцветках предметов из фаянса. Это говорит о том, что Б.Б. Пиотровский был непосредственно знаком с этим изданием, что дает нам возможность принять за основу именно его данные, за исключением одного предмета (кисть руки). Совпадение перечня предметов у него и Е.И. Крупнова может быть объяснено тем, что последний просто воспользовался ранее опубликованными данными и просто перенес их в свою работу.

Из склепа у пос. Былым (аул Озороково) известны 2 плакетки из голубой «египетской» пасты: лев и скарабей²⁸. Б.Б. Пиотровский, со ссылкой на работу Л.П. Семенова, указывает на находку плакетки с изображением льва из желтовато-зеленоватой пасты, происходящую из хутора Тамбовского около г. Нальчика²⁹. Он же упоминает о том, что из раскопок у с. Гунделен (совр. Кенделен), произведенных в 1929 г., известны фигурка «Беса» и пронизка со львом. В его работе 1936 г. есть упоминание о том, что по сведениям М.И. Ермоленко у скупщика древностей Баранова имелись «подобные предметы, как будто из Чегема и Баксана», однако более предметная информация в статье отсутствует³⁰. В.Б. Виноградов указывает, что из случайно вскрытых захоронений у с. Гунделен в Кабардино-Балкарский республиканский краеведческий музей поступили и экспонируются:

плакетка с изображением льва и фигурка «Беса», а из Баксанского ущелья – скарабей, фигурка черепахи и плакетка со львом³¹. В работе Г.И. Ионе и О.Л. Опрышко приведены 3 скарабея, 2 из которых – гладкие, 2 плакетки со львом (один из них назван авторами «ящерицей»), фигурка черепахи, Беса и «Ушебти»³². Вполне вероятно, что в научно-популярном издании приведены не только вышеуказанные находки, но и происходящие их иных пунктов Кабардино-Балкарии, однако сопровождающий рисунки текст необходимой информации не содержит. Интересно, что ни В.Б. Виноградов, ни Б.М. Кереев, работавшие в свое время в фондах этого краеведческого музея, не упоминают о присутствии среди прочих предметов фигурки «Ушебти», приведенное у данных авторов. Судя по изображению, этот предмет был воспроизведен авторами по иллюстрации из другого издания. М.Х. Багаев пишет, что представленные у Г.И. Ионе и О.Л. Опрышко фигурки львов на плакетках происходят их с. Гунделен, однако при этом делается ссылка сразу на 9 страниц упомянутой книги, без указания месторасположения их конкретных изображений³³. В своей другой публикации, написанной по результатам работы в фондах Кабардино-Балкарского краеведческого музея и ознакомления с отчетами о произведенных в республике археологических исследованиях за период с 1957 по 1967 гг. В.Б. Виноградовым отмечается, что из случайных раскопок у с. Гунделен происходит плакетка со львом и фигурка «Беса», что соответствует данным, приведенным в его сводной работе. Б.М. Кеферовым приводятся те же данные с уточнением, что плакетка имеет овальную форму³⁴. Относительно находок из Баксанского ущелья ситуация несколько сложнее: в работе 1967 г. пишется о находке у с. Баксан 4 скарабеев, фигурки черепахи и плакетки со львом, на рисунке же показаны 1 скарабей и черепаха³⁵. У Б.М. Кереева приведен рисунок из публикации В.Б. Виноградова 1967 г. с комментариями о том, что графическое изображение этой коллекции, датируемой I–II вв. н.э., автором опубликовано частично, перечень находок – тот же (4 скарабея, черепаха, лев), что позволяет нам точно определить количество и конкретный список находок³⁶.

В коллекции Кабардино-Балкарского краеведческого музея находится ряд интересных нас амулетов и талисманов. На 1931 г. в его фондах хранились фигурка «Беса» и лев на плакетке, поступившие в 1929 г.³⁷ из окрестностей с. Гунделен (Инв. №№ 669 и 663). Кроме того, Б.Б. Пиотровский упоминает о подвеске из голубовато-зеленой пасты, происходящей из хищнических раскопок в с. Верхний Баксан, к сожалению – без указания на тип предмета³⁸. С паспортом «Случайные находки из Чегемского ущелья», поступившие в 1936 г., в музее хранятся и экспонируются 2 скарабея зеленоватого и серо-голубого цвета и 1 плакетка с лежащим львом темно-фиолетового цвета. По описанию главного хранителя фондов А.Б. Депеневой последнее изображение по форме напоминает рыбку или скорпиона. В этой связи отметим, что одна из плакеток с фигуркой льва в работе Г.И. Ионе и О.Л. Опрышко названа авторами «ящерицей». В актах приемки данная коллекция описана как «фигурки львов, «Беса», бронзовые черепашки и жучки-скарабеи»; в экспозиции присутствуют 2 скарабея, плакетка со львом и 3 бусины из «египетского» фаянса. Фигурка «Беса», упомянутая в данном акте, скорее всего, относится к поступлениям 1929 г. из с. Гунделен, а «бронзовые черепашки» – к т.н. «Баксанской коллекции»³⁹.

В своей сводной работе, посвященной египетским амулетам, В.Б. Виноградов отмечает, что в 1963 г. в случайно разрушенных подкурганых катакомбах III–V вв. н.э. у г. Нальчика были найдены 2 плакетки с фигурками лежащих львов из голубого фаянса. При этом автор дает ссылку на свою же работу, находящуюся в печати⁴⁰. При ознакомлении с оригиналом данной статьи выясняется, что единственный амулет – плакетка с лежащим львом была найдена в 1961 г., без уточнения – в какой из двух обнаруженных катакомб. У данного автора существуют

и некоторые разночтения относительно датировки данного комплекса: в работе 1967 г. – это III–IV вв. н.э., в работе 1968 г. – III–V вв. н.э., без приведения системы доказательств⁴¹.

В 1975 г. в погребении № 4 Чегемского кургана – кладбища (катакомба, косяк – первоначально вытянуто на спине, на ЗЮЗ) был найден гладкий скарабей светло-зеленого цвета. В погребении № 8 у костей ног одного из двух первоначально находившихся в разрушенной катакомбе косяков был найден скарабей, без рельефного оформления верхней части, светло-голубого цвета. В погребении № 111 (вероятно, катакомба, 3 косяка, при женском – вытянуто на спине, на ЮВ) у кисти левой руки обнаружен «амфориск». В погребении № 128 (катакомба, 2 косяка, вытянуто на спине, на Ю) среди прочих предметов быявлено 4 экземпляра бусин светло-зеленого цвета, имитирующих скарабеев (т.н. «скарабеиды»). Погребения №№ 4, 8, 111 и 128 датированы I–II вв. н.э.⁴²

В 1996–1997 гг., в ходе охранно-спасательных раскопок на территории строительства Кашхатауской ГЭС в Черекском районе КБР, в катакомбных погребениях II–III вв. н.э. Зарагижского 2-го могильника были найдены, в том числе, изделия из египетской пасты и фаянса: жуки – скарабеи, плакетки с изображениями лягушек и львов⁴³.

Этим пока исчерпывается перечень амулетов и талисманов из «египетского» фаянса с территории Кабардино-Балкарии, доступный для изучения. В ожидании публикации находок из раскопок 1996–1997 гг., подведем некоторые предварительные итоги.

Всего, исходя из современной источниковой базы, нам известно о 69 находках (с учетом предмета неопределенных форм из с. В. Баксан) из «египетского» фаянса, происходящих с территории Кабардино-Балкарии. Относительно «бронзовых черепашек», упомянутых в актах приемки Кабардино-Балкарского музея краеведения отметим, что без детального исследования материала, из которого действительно изготовлены данные предметы, включать их в свою сводку мы не можем. Тем более, что подобные предметы действительно изготавливались, в том числе, и из металла⁴⁴. Из учтенных в данной сводке изделий 40 были найдены в конце XIX в., и 29 – в XX в. Территориально 53 находки происходят из горной зоны, 15 – найдено на плоскости. Большая часть последних (13) происходит из катакомб, датированных I–II вв. н.э. (погребения №№ 4, 8 111 и 128 Чегемского кургана – кладбища), II–III вв. н.э. (Зарагижский могильник № 2) и III–IV вв. н.э. (подкурганные катакомбы у г. Нальчика, находка 1961 г.). Нам известно о находке 35 скарабеев и 4 «скарабеидов, всего – 39 предметов этой категории, 14 львов, 4 черепах, по 2 – лягушки, «Ушебти», подвесок в виде сжатой в кулак правой руки, по 1 – фигурки Изиды и Гора, Беса, Тауэрт, барана и «амфориска». Среди цветов, из которых сделаны амулеты, присутствует зеленый, желто-зеленый, серо-голубой, светло-голубой, сине-зеленый, синий, зеленый, темно-фиолетовый, коричневый, черный.

Вопросы датирования амулетов из горной зоны достаточно сложны, т.к. в основном это внекомплексные случайные сборы. Б.М. Керевов отнес предметы из могильника на р. Донгат, из ущелья Баксана и Чегема, в том числе – коллекции В.Ф. Миллера и А. Зичи – в той части, в которой имеются интересующие нас вещи, к первым векам н.э., коллекцию из с. Гунделен и находки из Баксана – к I–II вв. н.э.⁴⁵

По разнообразию форм коллекция из КБР соответствует по численности подобным же предметам из РСО-А – по 12, в Чечне встречено 7 различных типов изделий из фаянса. В нашем случае дореволюционные находки соотносятся с 8 различными формами, современные – с 5. В анализируемой коллекции полностью отсутствуют растительные мотивы, т.н. «алтарики», «фаллические привески», «кукиши» и «сдвоенные цилиндрики». Из 69 предметов 16 связано

с погребальными комплексами, остальные найдены случайно. Ни один из предметов не был обнаружен на бытовых памятниках. Статистические подсчеты относительно погребальных комплексов пока затруднены из-за отсутствия публикации всех известных на сегодня материалов. Из 433 погребальных комплексов Зарагижского могильника № 2 трупоположение было зафиксировано только в 168 случаях, ориентировка – головой на ЮЗ, камеры катакомб – вдоль оси СЗ–ЮВ, 98 костяков лежали вытянуто на спине, 64 – скорчено на боку, 8 – на спине с подогнутыми ногами. В 48 катакомбах были выявлены парные захоронения, в 10 – по 3 костяка, в 1–4 погребенных. Однако нам не известно, с какими из вышеназванных захоронений связаны находки изделий из «египетской» пасты⁴⁶. В качестве аналогий нашим наблюдениям, приведем некоторые сведения, установленные для коллекций с территориями Северной Осетии и Чечни.

Для 1-го этапа (дореволюционного) в РСО-А установлено наличие 10 различных видов, для последующего времени – 8, при полном отсутствии растительных мотивов, присутствовавших в дореволюционных находках. Цветовая гамма находок разнообразна: серый, синий, голубой, бирюзовый, желтоватый, грязно-белый. Более всего найдено: скарабеев – 25, львов – 19, сдвоенные цилиндры – 7, фаллические подвески – 6, амфорисков и лягушек – по 4, фигурки «Беса» – 3, кукиш, «Гарпократ», виноградные грозди и «шишечки» – по 2 экземпляра, алтарик, «Силен» – по 1. По сравнению с соседними территориями (Чечня) для Северной Осетии характерно наличие антропоморфных изображений и предметов в виде шишечек и виноградных гроздей.

Относительно количества фигурных форм из «египетского фаянса»: в горной зоне Чечни найдено 25, на плоскости – 20 экземпляров, там же больше и типологическое разнообразие форм – 7 категорий против 3. Среди наиболее популярных подвесок – львов и скарабеев – количество первых больше в горах, чем на плоскости – 12 против 4, вторых – наоборот: в горах найдено 5, на плоскости – 15 экземпляров.

В изделиях из «египетской пасты» преобладают синий и голубой цвета, который более всего характерен для «гениталий», двойных цилиндриков и фигурок львов, размещенных на плакетках только прямоугольной формы. Среди скарабеев, помимо голубого, имеются изделия из пасты зеленого и лимонного цвета. Единичные формы (лягушка, амфориск, «алтарики») – зеленого и бирюзового цветов. На территории Чечни нет ни одной находки антропоморфного типа, выполненной из «египетской пасты». Кроме того, отсутствуют и предметы, отнесенные Е.М. Алексеевой к группе III – «растительные мотивы».

Из общего числа учтенных предметов (45 находок) для территории ЧР, 6 входят в состав различных коллекций либо найдены в культурных слоях поселений, 18 происходят из разрушенных погребений, в которых погребальный обряд остался неустановленным, либо были найдены случайно и 21 находка известна из погребений, где были зафиксированы как погребальные сооружения, так и обряд захоронения. Всего нами учтено 14 внекомплексных находок, 31 предмет присутствуют в составе комплексов. Выделение части из них достаточно условно, т.к. некоторые погребения при их обнаружении были уже потревожены⁴⁷. Кроме того, обратим внимание еще на одну особенность коллекции из Кабардино-Балкарии. В погребении № 128 Чегемского кургана-кладбища были найдены 4 т.н. «скарабеоида». Подобных находок нет в Северной Осетии и Чечне, но они присутствуют в соседнем Ставропольском крае. Так, в 1988 г. в погребении № 1 в кургане № 11 могильника Айгурский-2 при костяке № 1 (подросток 13–14 лет, размещался вытянуто на спине, на ЮЮВ), в районе грудной клетки, среди прочих предметов, были найдены 13 подвесок из «египетского фаянса», выполненных в виде схематизированных скарабеев. Датировка погребения – в пределах

I – начала II вв. н.э.⁴⁸ В гробнице № 1 Вербовского могильника, датированной концом IV – началом II в. до н.э., была найдена бусина в форме скарабея из прозрачного темно-синего стекла⁴⁹.

Таким образом, все известные на сегодня находки из «египетского» фаянса с территории КБР относятся к погребениям, в целом датированных I–III вв. н.э., и только в одном случае присутствует дата – IV в. н.э. (разрушенные катакомбы у г. Нальчика, находка 1961 г.).

Возможно, что «переживание» или повторное использование подобных предметов было связано с сохранявшимися религиозными представлениями и обрядовыми действиями, имеющими надэтнический характер и развивавшимися в зависимости от исторических условий существования. Их формирование происходило в условиях образования этнических сообществ раннежелезного века, когда складывались общие для большинства из них элементы материальной и духовной культуры⁵⁰. Эти процессы продолжались и последующие эпохи.

Некоторые формы и изображения, близкие к изучаемым нами предметам, встречаются и в дальнейшем. Например, Ю.А. Прокопенко в своих сводках, посвященных сасанитским геммам и инталиям из памятников Северного Кавказа, среди прочих, приводит находку со щитком овальной формы с изображением льва, происходящую из с. Камунта, и подобный же предмет – с изображением тигра с поднятыми лапами⁵¹. Характер изображения гривы первого животного, переданной косыми параллельными штрихами, напоминает манеру, присущую фигуркам на плакетках, в том числе – овальной формы, встреченных в погребениях начала н.э., а рисунок тигра по своим внешним признакам вполне сопоставим с фигуркой львицы на плакетке из катакомбы № 3 Подкумского могильника⁵². Им же приведено мнение М.И. Максимовой о том, что печати, как и амулеты, несли в себе сакральные функции⁵³. Представления о роли этих предметов, сформировавшиеся у исследовательницы на материалах Закавказья⁵⁴, на наш взгляд, вполне применимы к практике их последующего использования в роли амулетов и талисманов, в том числе, среди населения изучаемой территории. Так, В.Ф. Миллер в Атажукинском ауле отметил наличие в ожерелье одной из девушек плакетку с фигуркой льва из «египетской» пасты голубого цвета, до этого случайно найденную в земле⁵⁵.

Вполне вероятно, что он был включен в его состав в связи с массовыми находками подобных предметов из горных могильников, предлагаемых к продаже местным населением. Скарабеи с иероглифами на тыльной стороне могли быть в последующем использованы в качестве именных печаток в том числе – в процессе утверждения в крае ислама, особенно – на его начальной стадии в эпоху раннего средневековья. Об этом косвенно может свидетельствовать эпизод с «прочтением» одним из дагестанских мулл текста, помещенного на оборотной стороне скарабея, найденного в Ичкерии, приведенного в «Терских ведомостях»⁵⁶. Практика изображений на тыльной стороне скарабеев имён частных лиц была распространена в более ранние периоды⁵⁷. Именно скарабеи, с присущей им символикой хтонического характера, использовались в древности как печати которые, по мнению их владельцев, могли придавать скрепляемым ими посланиями особую силу⁵⁸.

Тема, связанная с причинами использования предметов предшествующих эпох на Кавказе нуждается в отдельном комплексном анализе, с привлечением данных, имеющих отношение к религиозно-магическим практикам. Их применение в качестве датирующих предметов в горных условиях, на наш взгляд, серьёзно ограничены, прежде всего – в связи с длительным существованием многих типовых предметов (украшения, керамика) предшествующих эпох. Это особенно характерно для тех этнических сообществ, погребальные памятники которых формировались длительное время и на одной и той же территории. Некоторые предметы предшествующих исторических периодов использовались в последующие эпохи, в том

числе – в сарматское время. Бытование в более поздних комплексах предметов более раннего времени и даже эпох было зафиксировано как в сарматских памятниках Предкавказья, так и в погребениях горно – предгорной зоны⁵⁹. Подобная практика бытовала и позднее. Так, в катакомбе № 28 могильника «Мокрая балка», вместе с амулетом в виде фигурки «Беса» была обнаружена подвеска в виде птички, характерная для кобанских древностей. Дата погребения – 2-я половина VI – первая четверть VII в. н.э.⁶⁰

Полная публикация комплексов с предметами из «египетского» фаянса с территории Кабардино-Балкарии, изученных в 1996–1997 гг., позволит скорректировать и наполнить новым содержанием те историко-культурные построения, которые возможны в настоящее время на имеющихся в нашем распоряжении материалах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Название «египетский фаянс» условно, т.к. у предметов этой группы нет глинистой основы, характерной для фаянса. Под этим понимаются изделия, основу которых составляет измельченный кварц, покрытый сверху стекловидной глазурью – см.: *Алексеева Е.М.* Предметы из египетского фаянса VI в. до н.э. – IV в. н.э. в Северном Причерноморье // КСИА. М., 1972. Вып. 130. С. 3.

2. *Бурков С.Б.* Амулеты и талисманы из «египетского фаянса» с территории Чечни // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и образование в Чеченской Республике: состояние и перспективы развития». Грозный, 2011, С. 543–545; *Он же:* Находки фигурных форм из «египетского фаянса» и стекла эпохи раннего железного века с территории Чечни // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 2012 (в печати); *Он же:* Амулеты и талисманы из «египетского фаянса» с территории Осетии // Материалы Всероссийской научной конференции «История, этнология, культура. К 60-летию со дня рождения В.С. Уарзиати». Владикавказ, 2012 (в печати).

3. *Миллер В.Ф.* Терская область: археологические экскурсии // МАК. М., 1881. Вып. 1. Табл. XXII, XXVI; ОАК за 1882–1888 гг. СПб., 1891, С. CCL, CCLXXXIV, CCCII; *Уварова Л.С.* Могильники Северного Кавказа // МАК. М., 1900. Вып. VIII. С. 138, 160, 233, 332. Рис. 116–118, 195, 261, 262, 264–265; табл.: LXXII, LXXV; *Zichy Jenő* Drof. *Caukasusi es Kozepzias Utazasai comte eugenedie Zichy Voyages au Caucase et Asie Centrale.* Budapest, 1897. Т. II. Pl. XII, 1–10. С. 461; *B. Touraieff,* *Objets egyptiens et egyptisants trouves dans la Russie meridionale.* *Revue Archeologique,* (1911). Т. XVIII. С. 20–35.

4. *Айналов Д.В.* Обломок пиксулы и другие древности, находящиеся в Историческом музее // Известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. М., 1894. № 1. С. 2.

5. *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингуши в 1928 и 1929 гг. // Известия Ингушского института краеведения. Владикавказ, 1930. Т. II–III. С. 384–385.

6. *Пиотровский Б.Б.* Египетские предметы в Северо-Кавказском крае // Сообщения ГАИМК. М., 1931. № 6. С. 28–30; *Он же:* Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // СА, 1958. № 1. С. 20–27.

7. *Крупнов Е.И.* Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик, 1946, С. 33; *он же:* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. С. 168.

8. *Коростовцев М.А.* Древнеегипетские находки в СССР // ВИМК. 1957. № 2. С. 72–87.

9. *Биноградов В.Б.* Археологические памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии. // Известия КБНИИ. Нальчик, 1967. Вып. XXV. С. 128–146; *Он же:* Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев // АЭС. Грозный, 1968. Т. II. С. 39–54.

10. *Ионе Г.И., Опрышко О.Л.* Памятники рассказывают. Нальчик, 1963. С. 44–45.

11. *Кеферов Б.М.* Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988. С. 16; рис. 3, 27–38; *Прокопенко Ю.А.* История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э. Ставрополь, 1999. С. 44–46; С. 184–188.

12. Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в. до н.э. – XII в. н.э.). М., 2008. С. 71.
13. Атабиев Б.Х. Зарагижский и Кашхатауский катакомбные могильники. Некоторые итоги исследований // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2008. Вып. VIII. С. 611; *Он же*: Археологические открытия в Кабардино-Балкарии // XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной конференции. Владикавказ, 2008. С. 13.
14. Виноградов В.Б. Место египетских амулетов... С. 39. Сноска 1.
15. Миллер В.Ф. Терская область (Археологические экскурсии). МАК. 1888. Вып. 1. Табл. XXII, 23-а,в; табл. XXVI, 81–84,85-а,в; 86–89, 105, 113 – а,в; 119.
16. Пиотровский Б.Б. Египетские предметы... С. 29.
17. Кереев Б.М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. С. 16. Рис. 3,27–38.
18. Виноградов В.Б. Место египетских амулетов... С. 39.
19. Кереев Б.М. Памятники сарматского времени... С. 17. Рис. 3, 9, 11–15, 17.
20. Виноградов В.Б.: *P. Zichi. Voyages au Caucase et en Asie Centrale. Budapest, 1897. Т. III. Табл. IX–X; Б.М. Кереев: P. Zichi. Voyages au Caucase et en Asie Centrale. II Description de la collection archeologique partie Dr. Bela Posta. Budapest, 1897. VI табл. XII–XVII.*
21. Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей... С. 45; С. 188. Рис. 21. У данного автора ссылка на первоисточник также выглядит иначе: *Zichy Jenő Drof. Caukasusi es Közepzai Utazasai comte euenedie Zichy Voyages au Caucase et Asie Centrale. Budapest, 1897. Т. II. Pl. XII, 1–10.*
22. Крупнов Е.И. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. С. 33.
23. Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. С. 168; ссылка на публикацию коллекции у него выглядит следующим образом: *J. Zichi. Voqagesau Caucase et en Asie Centrale. Budapest, 1897. Т. III. Табл. XXII.*
24. Миллер В.Ф. Терская область (Археологические экскурсии). Табл. XXVI, 111.
25. Кереев Б.М. Памятники сарматского времени... С. 17–18.
26. Пиотровский Б.Б. Египетские предметы... С. 29. При этом ссылка на первоисточник выглядит следующим образом: (*Zichi. Voyages en Caucase et en Asie Centrale II. Description de la collection archeologique (Budapest, 1897). Pl. XXII, p. 461.* При ознакомлении с оригиналом публикации было установлено точное наименование данной работы, а именно: *Comte Eugene de Zichy Jenő Drof. Voyages au Caucase et en Asie Centrale. La migration de la race Hongroise. La Description des collections. Budapest, 1897. Т. II. Pl. XXII. P. 461–462.*
27. Там же. Табл. XXII, 1–10, 12, 13.
28. Айналов Д.В. Обломок пиксулы и другие древности, находящиеся в Историческом музее // Известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. С. 2.
29. Пиотровский Б.Б. Египетские предметы... С. 29; Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингуши в 1928 и 1929 гг. // Известия Ингушского института краеведения. С. 384–385.
30. Пиотровский Б.Б. Египетские предметы в Северо-Кавказском крае. С. 29; *Он же*: Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. С. 27. Инв. № 669 и 663.
31. Виноградов В.Б. Место египетских амулетов... С. 41; *Ионе Г.И., Опрышко О.Л.* Памятники рассказывают. Нальчик, 1963. С. 44–45.
32. *Ионе Г.И., Опрышко О.Л.* Памятники рассказывают. С. 37, 45, 48.
33. Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в. до н.э. – XII в. н.э.). М., 2008. С. 71.
34. Виноградов В.Б. Археологические памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии // Известия КБНИИ. Нальчик, 1967. Т. XXV. С. 142–144. Рис. 6, 9–10; *Кереев Б.М.* Памятники сарматского времени... С. 18.
35. Виноградов В.Б. Археологические памятники сарматского времени... С. 143. С. 142. Рис. 6, 11–12.
36. Кереев Б.М. Памятники сарматского времени... С. 24.
37. По данным Б.М. Кереева – в 1927 г. см.: *Кереев Б.М.* Указ. соч. С. 18.
38. Пиотровский Б.Б. Египетские предметы... С. 29.
39. Инв. № ИК – 2675. Автор благодарен главному хранителю фондов Кабардино-Балкарского краеведческого музея А.Б. Депеневой за содействие в установлении местонахождения данной коллекции и её описания.

40. *Виноградов В.Б.* Место египетских амулетов... С. 42. Сноска № 3.
41. *Виноградов В.Б.* Археологические памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии, 1967. С. 136; С. 139. Рис. 5, 6; *Он же:* Место египетских амулетов... С. 42.
42. *Керефов Б.М.* Чегемский курган – кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1985, Т. 2. С. 141, 205, 217. Рис. 5, 41; рис. 16, 88, 92; рис. 18, 8–8; рис. 25, 35; С. 182–183.
43. *Атабиев Б.Х.* Зарагигский и Кашхатауский катакомбные могильники. Некоторые итоги исследований // XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной научной конференции. С. 611.
44. *Вольная Г.Н., Сокаева Д.В.* К этнокультурной интерпретации образа лягушки – черепахи в зооморфном искусстве поздней бронзы и раннего железного века Кавказа // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сборник научных трудов. Одесса, Омск, 2007. С. 238–242. Табл. 1, 15–21.
45. *Керефов Б.М.* Памятники сарматского времени... С. 16–18.
46. *Атабиев Б.Х.* Зарагигский и Кашхатауский катакомбные могильники. Некоторые итоги исследований. С. 610.
47. *Бурков С.Б.* Амулеты и талисманы из «египетского фаянса» с территории Чечни, С. 545; *он же:* Амулеты и талисманы из «египетского фаянса» с территории Осетии.
48. *Бабенко В.А., Березин Я.Б.* Сарматские погребения могильников Айгурский-2 и Барханчак-2 (северное Ставрополье) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 2009. Вып. IX. С. 287, 289. Рис. 8, 7, 12.
49. *Прокопенко Ю.А., Охонько Н.А.* Вербовский могильник конца IV–III в. до н.э. (Северо-Западные окрестности г. Ставрополя). Ставрополь, 2012. С. 7, 13. Рис. 4, 22.
50. *Туалагов А.А.* Северный Кавказ: от скифов до ранних алан. Владикавказ, 2007. С. 53–55.
51. *Прокопенко Ю.А.* Сасанитские геммы из памятников Северного Кавказа (каталог) // Древности Юга России. М., 2008. № 36. С. 372. Рис. 2, 4; № 61. С. 383; *Он же:* Сасанитские геммы (и инталии) и подражания им из памятников Северного Кавказа // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь, 2009. Вып. 1. № 36, С. 45. Рис. 2,4; № 61. Гемма с изображением льва дана по: *Уварова П.С.* Могильники Северного Кавказа. МАК. М., 1900. Вып. VIII. Абл. СХХVII, 14; с изображением тигра – Архив ИИМК РАН. 1890 г. № 13. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29.
52. *Абрамова М.П.* Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры... Рис. 9, 19.
53. *Прокопенко Ю.А.* Сасанитские геммы из памятников Северного Кавказа. С. 385.
54. *Максимова М.И.* Геммы из некрополя Мцхеты – Самтавро (раскопки 1938–1939 гг.) // Вестник государственного музея Грузии. Тбилиси, 1950. Вып. 16. С. 274.
55. *Миллер В.Ф.* Терская область. Археологические экскурсии. С. 114.
56. *Будаев Г.* Заметка о древних могильниках Ичкерии и найденных в них предметах // «Терские ведомости». № 83 за 1890 г.
57. *Расулова М.М.* Торгово-экономические и культурные связи Кавказской Албании с античным и эллинистическим миром: IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку, 2008. С. 166.
58. *Эдакое А.В.* Египетские скарабеи в Скифии // Античная цивилизация и варварский мир (материалы III археологического семинара). Новочеркасск, 1993. Ч. II. С. 139–142.
59. *Петренко В.А.* Архаизмы в материальной культуре сарматского времени Предкавказья // XI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Новороссийск, 1981, С. 57–59; *Багаев М.Х.* Культура горной Чечни и Дагестана... С. 96, 99–100.
60. *Рунич А.П.* Аланский катакомбный могильник в «Мокрой Балке» у города Кисловодска // МАДИСО. Орджоникидзе, 1975. Т. III. С. 147; С. 139. Рис. 4, 24; (*Афанасьев Г.Е., Рунич А.П.* Мокрая балка. Дневник раскопок. М., 2001. Вып. 1. С. 38–39, 48; 101. Рис. 46, 10; С. 101. Рис. 46, 11.

И.М. Чеченов

**К ИСТОРИОГРАФИИ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИИ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: КРУПНОВ Е.И. (1904–1970 гг.)
И КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ (1971–2012 гг.)**

В истории археологического изучения северокавказского региона, начавшейся в основном в конце XVIII – начале XIX вв., особый интерес представляет относительно непродолжительный период, ограниченный в пределах 1950-х – начала 1970-х годов, который несомненно можно назвать переломным в становлении и развитии археологии на Северном Кавказе. Именно в течение этого двадцатилетнего периода в регионе произошли весьма существенные положительные сдвиги, чему способствовала главным образом напряженная научно-исследовательская и организационная деятельность выдающегося ученого-кавказоведа, профессора Е.И. Крупнова. На страницах академических (центральных) и местных (региональных) изданий опубликовано большое количество посвященных ему статей биографического и справочного характера¹. И все же считаем вполне уместным здесь же, в нашей небольшой статье, содержание которой неразрывно связано с именем Евгения Игнатьевича, еще раз напомнить вкратце о некоторых эпизодах его активной жизни и научной деятельности.

Е.И. Крупнов родился 16 марта 1904 г. в гор. Моздоке Северной Осетии; здесь же он получил среднее образование. Евгений Игнатьевич рано начал нелегкую жизнь; после смерти отца в 1919 г. ему пришлось работать в разных местах то в качестве землекопа, то в шорных мастерских, то на нефтепромыслах... Важным событием в жизни Евгения Игнатьевича явился тот отрадный факт, что в 1924 г. он поступил на этнографическое отделение Северо-Кавказского (Горского) пединститута, а через три года перевелся на исторический факультет Московского госуниверситета, где под руководством знаменитого археолога В.А. Городцова стал целенаправленно заниматься историко-археологической проблематикой Кавказа.

После окончания учебы в МГУ (1930) Е.И. Крупнов был зачислен в качестве научного сотрудника в штат Государственного исторического музея (ГИМ), а в 1937 г. он начал работать по совместительству в Московском отделении Института материальной культуры (МО ГАИМК, позднее ИИМК АН СССР, а ныне Институт археологии РАН).

Необычайное трудолюбие, целеустремленность и чувство ответственности, проявившиеся у Евгения Игнатьевича еще в довоенные 1930-е годы, могут служить наглядным примером для ученых, особенно для молодых исследователей, посвятивших себя служению науке. Достаточно сказать что, несмотря на довольно сложные условия для научно-исследовательской деятельности, Е.И. Крупновым за 10–12 лет (1929–1941 гг.) опубликовано около 30 разных статей, рецензий, очерков для энциклопедии, информационных справок, посвященных многим вопросам ранней истории и археологии. В те же довоенные он начал на Кавказе свои первые полевые исследования, которые проводились главным образом на территории Дагестана, Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. Определенного внимания заслуживает и то, что тогда же, незадолго до начала войны с фашистской Германией, Евгений Игнатьевич завершил и представил Ученому

совету исторического факультета МГУ рукопись кандидатской диссертации под названием «История Ингушетии с древнейших времен до XVIII века». Значительно позднее, уже после смерти автора, она была издана полностью под названием «Средневековая Ингушетия» (М., 1971)².

Когда грянула война Е.И. Крупнов вместе с несколькими своими коллегами-археологами ИИМК вступил в ряды Московского народного ополчения и в качестве рядового бойца стрелковой дивизии, участвовал в боях под Смоленском, Ельней и др. В одном из сражений он был ранен в ногу, а после оказания первичной медицинской помощи в прифронтовом госпитале его эвакуировали для оперирования и лечения в г. Козельск. В начале октября, когда Евгений Игнатьевич еще лежал в госпитале, ему через Ученого секретаря МО ГАИМК (ИИМК) сообщили, что подошла его очередь для защиты кандидатской диссертации. И действительно, вскоре, после соответствующего ходатайства, Евгения Игнатьевича отпустили на три дня в Москву, хотя он еще заметно хромотал. Защита состоялась 7 октября в МГУ, а на следующий день в газете «Московская правда» появилась статья с его фотографией, которая называлась «Солдат защищает диссертацию». Через день после защиты Е.И. Крупнов прибыл в воинскую часть, где стал служить лектором политотдела дивизии. Такие беглые сведения о защите раненым Крупновым Е.И. кандидатской диссертации приобретают особый смысл, если иметь в виду, что октябрьские дни 1941 года оказались для нашей страны самыми опасными, самыми тревожными и тягостными в период Великой отечественной войны с фашизмом, а, может быть, даже во всей ее истории; вспомним, что именно в те октябрьские дни немецкие войска вплотную приблизились к Москве и готовились к генеральному штурму столицы.

Демобилизовался Е.И. Крупнов в августе 1945 г. и вскоре же приступил к работе в прежних местах – ГИМ-е и МО ГАИМК (ИИМК). Свои первые археологические исследования в послевоенные годы Евгений Игнатьевич начал в основном с территории Кабардино-Балкарии, переименованной в тот период в связи с депортацией балкарцев в Кабардинскую АССР. Так, с 1946 по 1951 годы он по совместительству был зачислен в штат Кабардинского НИИ (ныне Кабардино-Балкарский Институт гуманитарных исследований). В те же годы на территории республики им раскопаны курганы эпохи ранней и средней бронзы у селений Урух и Старый Лескен, несколько курганов эпохи поздней бронзы около селения Каменномосткое, обследованы городища близ гор. Майского, селения Старый Лескен и др. Кроме того, в эти же послевоенные годы Е.И. Крупновым опубликованы более десятка научных статей. Примечательно, что тогда же появились в печати первые монографические работы, написанные главным образом на основании анализа материалов с территории Кабардино-Балкарии. Имеются в виду две небольшие по объему, но достаточно интересные по содержанию книги: «Краткий очерк археологии Кабардинской АССР» (Нальчик, 1946) и «Жемталинский клад» (М., 1952)³.

Е.И. Крупнов, обращаясь с просьбой освободить его от должности штатного сотрудника КНИИ, обещал и в дальнейшем продолжить сотрудничать с институтом. И действительно, в 1957 г. он опубликовал солидную монографию «Древняя история и культура Кабарды», которую посвятил 400-летию добровольного вхождения кабардинцев в состав России⁴. По сути книга представляет собой первый обобщающий труд по ранней истории и археологии населения Центрального и Северо-Западного Кавказа, хронологически охватывающий период, начиная от каменного века до эпохи поздней бронзы и раннего железа⁵. Особого внимания заслуживает тот факт, что определенные группы памятников эпохи ранней бронзы, распространенных на указанной территории региона и сближающихся между собой по ряду существенных признаков, Е.И. Крупнов предложил объединить под общим

наименованием «Майкопская культура», и эта версия получила в науке всеобщее признание. К изложенным выше сведениям можно добавить, что Е.И. Крупнов участвовал так же в подготовке обобщающих сводных трудов по истории народов Кабардино-Балкарии. Так, для подготовки к изданию «Истории Кабарды» (М., 1967) он разработал совместно с доктором исторических наук С.Н. Смирновым план-конспект, хронологически охватывающий в целом вопросы исторического развития населения республики с древнейших времен до октябрьской революции 1917 года⁶. Помимо того, в двухтомном академическом издании «История Кабардино-Балкарской АССР»... (М., 1967) Е.И. Крупновым написаны первые главы, которые были посвящены ранним историческим периодам территории республики, начиная от каменного века до позднесарматского (раннеаланского) времени⁷.

Освободившись от должности штатного сотрудника Государственного исторического музея и Кабардинского НИИ, но не прерывая научно-творческих связей с этими учреждениями, Е.И. Крупнов активно продолжал свою исследовательскую, научно-организационную и общественную деятельность в Институте археологии АН СССР (быв. ИИМК, ныне Институт археологии РАН). В 1951–1960-е годы он занимал должность зам. директора этого Института, а с 1962 до 1970 г. (т.е. до конца жизни) возглавлял там же сектор неолита и бронзы. В этой связи прежде всего значительного внимания заслуживает то, что Евгений Игнатьевич был организатором и первым руководителем одной из крупнейших новостроечных экспедиций ИИМК АН СССР, работавшей в 1951–1954 гг. в зоне сооружения Сталинградской ГЭС в Нижнем Поволжье⁸. Он же вполне правомерно считается инициатором создания специальной экспедиции для проведения институтом стационарных археологических исследований в Месопотамии.

К сожалению из-за ухудшения здоровья Евгений Игнатьевич не имел возможности участвовать в этих полевых работах, но они были весьма успешно выполнены его коллегами из Института археологии АН СССР (ИИМК). Достаточно сказать, что с 1968 до 2002 года Месопотамская экспедиция, работающая с некоторыми перерывами, проводила свои археологические изыскания на территории Ирака и Сирии в течении почти 30 полевых сезонов. В результате было выявлено огромное количество ценных материалов, в значительной мере способствовавших более полному и четкому освещению ряда вопросов древней истории и археологии Ближнего Востока и вызвавших большой интерес у широкого круга специалистов в нашей стране и за рубежом – в Европе, США, Японии, Ираке, Сирии⁹. Примечательно, что многие из этих месопотамских экспедиционных исследований возглавил Р.М. Мунчаев – один из первых учеников Е.И. Крупнова.

При всем этом, основные усилия научно-организационной и научно-исследовательской деятельности Е.И. Крупнова были направлены на системное и целенаправленное изучение археологии и ранней этнической истории Северного Кавказа. Так, на основе руководимой им экспедиции Института археологии АН СССР (ИА), по его же инициативе была создана единая Северо-Кавказская экспедиция (СКАЭ), в составе которой более или менее активно участвовали сотрудники научно-исследовательских институтов и краеведческих музеев Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Карачаево-Черкесии, Юга Ставрополя. Экспедиция, которая состояла из нескольких отрядов, возглавляемых в основном бывшими аспирантами и учениками Евгения Игнатьевича (Р.М. Мунчаев, В.И. Марковин, В.А. Кузнецов и др.), развернула крупномасштабные археологические работы на обширной территории, простиравшейся от Дагестана и Северо-Западного Прикаспия до района Пятигорья¹⁰.

Особенно интенсивные и обширные исследования развернулись в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. В частности, в пределах современной территории Чеченской республики проводились раскопки: многочисленных курганов

Майкопской и т.н. Северокавказской культур эпохи ранней и средней бронзы, расположенных у ст-цы Мекенской и сел. Бамут; поселения кобанской культуры периода поздней бронзы и кабардинских курганов позднего средневековья в районе того же сел. Бамут; могильников периода средней бронзы около сел. Гатын-кала и Малый Харсеной; своеобразного могильника близ селения Зандак, сочетающего признаки смешения двух культур эпохи поздней бронзы – кобанской и каякентско-хорочевской; крупного могильника кобанской культуры около сел. Мужичи; скифских курганов VI–V вв. до н.э. у сел. Гойтты; двух поселений и могильника около сел. Сержень-юрт, относящихся в основном к кобанской культуре, и к тому же содержащих в нижнем слое одного из поселений материалы куро-аракской культуры раннебронзового века¹¹.

Что касается полевых работ СКАЭ в Осетии, то наибольший интерес, в числе прочих, представляют итоги раскопок в районе ст-цы Змейской и сел. Эльхотово ряда памятников: поселка кобанской культуры (IX–VIII вв. до н.э.); раннесредневекового селища; крупного аланского катакомбного могильника XI–XII вв.; обширного городища золотоордынского времени Татартул (Верхний Джулат) с его остатками мечетей, церквей, христианским могильником XIII – начала XV вв. и др.¹²

Многочисленные и разнообразные материалы, выявленные в ходе полевых работ СКАЭ в конце 1950-х–1960-х годов, были широко использованы участниками экспедиции при написании ряда монографий, а также опубликованы в многочисленных статьях, в том числе на страницах нескольких специальных изданий¹³. Надо сказать, что без всестороннего учета этих материалов, относящихся к разным археологическим культурам и периодам, начиная от палеолита и кончая поздним средневековьем, сколько-нибудь полное и четкое освещение ранней истории народов Северо-Восточного и Центрального Кавказа не представляется возможным.

В течении своей почти 40-летней исследовательской деятельности Е.И. Крупнов опубликовал около 230 научных работ, в том числе и несколько монографий¹⁴. Они в целом посвящены главным образом разностороннему освещению многочисленных вопросов ранней истории и археологии Северного Кавказа. Причем, наибольшее внимание он уделял изучению проблемы экономического и этнокультурного развития региона в эпоху поздней бронзы и раннего железа, конкретнее, в период бытования кобанской культуры (последние века II–I тыс. до н.э.). Именно на основании глубокого анализа богатых и во многом уникальных материалов этой прославленной культуры, в значительной мере полученных в результате полевых работ самого Евгения Игнатьевича, а также выявленных другими археологами, была написана капитальная монография «Древняя история Северного Кавказа» (М., 1960), за которую ему была присуждена Ленинская премия.

Велики заслуги Е.И. Крупнова в подготовке научных кадров-кавказоведов. Причем особую чуткость и заботу он проявлял к воспитанию специалистов-археологов из числа представителей коренных национальностей региона. Официально его учениками считаются более 20 аспирантов. Некоторые ученики Евгения Игнатьевича со временем стали крупными учеными, широко известными не только на Кавказе, но и далеко за его пределами. В Закавказье – это сотрудники Института археологии и этнографии Академии наук Азербайджана академик Национальной академии наук (НАН) Т.А. Бунятов, чл.-корр. НАН Азербайджана И.Г. Нариманов, Г.П. Кесманлы и Д.А. Халилов, а также российские археологи чл.-корр. Института археологии РАН (ИА) Р.М. Мунчаев, заслуженный деятель науки Российской Федерации (РФ) и Дагестана, доктор исторических наук В.И. Марковин, заслуженный деятель науки РФ и Северной Осетии, доктор исторических наук В.А. Кузнецов и др. Кроме них аспирантами Евгения Игна-

тьевича, ставшими впоследствии квалифицированными археологами-кавказоведами, были доктора исторических наук М.Х. Багаев (Грозный), М.Б. Мужухоев, (Назрань–Магас), О.М. Давудов (Махачкала), Х.Х. Биджиев (Черкесск), кандидаты исторических наук И.М. Мизиев, А.Х. Нагоев, В.М. Батчаев (Нальчик), В.В. Бжания и О.Х. Бгажба (Сухуми) и др.¹⁵

При всем при этом весьма показательно то, что своим учителем Е.И. Крупнова считают многие кавказоведы, которые не были официально его аспирантами, но более или менее часто общались и советовались с ним, получали от него разностороннюю научно-теоретическую и практическую помощь. Редко кто из исследователей, специализировавшихся по ранней истории и археологии Северного Кавказа, не испытал на себе благодетельного научного, интеллектуального чисто человеческого влияния Евгения Игнатьевича.

И, наконец, впечатляют масштабы и многосторонний характер активной работы, которую Е.И. Крупнов выполнял на общественных началах. Так, на протяжении многих лет он был членом экспертного совета по историческим наукам ВАК СССР, избирался депутатом районного совета г. Москвы, работал в должности редактора-консультанта «Советской исторической энциклопедии» и др. Будучи заместителем председателя исторической секции и руководителем археологической комиссии Центрального совета Всероссийского общества ОПИК активно участвовал в деле охраны и пропаганды культурно-исторического наследия народов Северного Кавказа и других регионов, постоянно заботился о развитии краеведения на местах. Е.И. Крупнов неоднократно бывал за границей (в Сирии, Ливане, Ираке, Турции, Югославии), где содействовал развитию культурных, и творческих связей между учеными нашей страны и зарубежных государств.

Значительные усилия Евгений Игнатьевич прилагал к сплочению и координации творческой деятельности исследователей-кавказоведов. Напомним, что актуальность и вместе с тем сложность такой работы обуславливалось несколькими факторами. Во-первых, необычайной этнической пестротой населения региона; во-вторых, разноступенчатым характером в тот период национального-государственного статуса его народов (разделенность на автономные области, автономные республики, края); в-третьих, явно неравномерной изученностью ранней истории и археологии их предков, что в определенной мере было связано насильственной депортацией 1943–1957 годах некоторых из них (чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев) в Среднюю Азию и Казахстан.

Евгений Игнатьевич хорошо знал и любил историю и культуру, обычаи и нравы народов Кавказа, которые, в свою очередь, также проявляли к нему чувство глубокого уважения и признательности и для которых он был желанным гостем всегда. И где бы ни находился Евгений Игнатьевич – среди московских коллег и близких знакомых или в поездках по нашей стране и за рубежом, он с большим удовлетворением и гордостью рассказывал об успешном функционировании во всех республиках и краях Северного Кавказа множества национальных музеев, НИИ, вузов.

Можно определенно сказать, что будучи подлинным ученым с устоявшимся историзмом в мышлении и поступках Е.И. Крупнов олицетворял лучшие черты представителей прогрессивной русской интеллигенции. Для него в корне были чужды великодержавный шовинизм, нездоровый местничковый национализм и всякие проявления лжепатриотизма. Он крайне отрицательно реагировал на любые попытки преднамеренно исказить, необоснованно приукрашивать, идеализировать историческое прошлое того или иного периода, от кого бы и по какому поводу это не исходило¹⁶.

Такая принципиальная позиция Е.И. Крупнова в научной и общественной жизни, его стремление к консолидации творческих усилий ученых-кавказоведов

представляются сегодня особенно актуальными и понятными в связи известными негативными событиями 1990-х – начала 2000-х годов¹⁷.

Разносторонний самоотверженный труд Е.И. Крупнова, его весомый вклад в изучение ранней истории и археологии Северного Кавказа и неустанная забота о воспитании молодых специалистов-кавказоведов, а также многогранная организационная и общественная деятельность получили достойную оценку. Он был награжден орденом Трудового Красного знамени и несколькими медалями правительства. Евгений Игнатьевич одним из первых среди археологов был удостоен Ленинской премии СССР (1963); ему были присвоены также звания заслуженного деятеля Чечено-Ингушетии (1966 г.) и Кабардино-Балкарии (1967 г.). Кроме того, за заслуги в освещении и укреплении культурных связей населения некоторых наших южных регионов с народами Ближнего Востока Е.И. Крупнов получил престижную премию известного арабского писателя и общественного деятеля Саида Акля¹⁸.

В конце сентября 1970 г. Евгения Игнатьевича не стало; ушел из жизни настоящий Ученый и Учитель, замечательный Человек... Но живы воспоминания о нем, не забыто многое из того, что он сделал для науки, к чему стремился и призывал. Сегодня можно сказать, что этому в значительной мере способствовала регулярная, более чем 40-летняя работа межрегиональных (ныне международных) научных конференций по археологии Северного Кавказа – «Крупновских чтений», зародившихся по инициативе Кабардино-Балкарского и Северо-Осетинского научно-исследовательских институтов (соответственно, КБНИИ и СОНИИ)¹⁹.

Надо заметить, что по вопросам становления и развития Крупновских чтений в печати временами появляются разноречивые, а порой не вполне достоверные сведения. Для уточнения одного из таких вопросов, касающегося начальной стадии зарождения этих конференций, значительного внимания заслуживает тот факт, что в середине июня 1970 г. (то есть еще при жизни Евгения Игнатьевича) в г. Нальчике состоялось совместное заседание секторов археологии КБНИИ (зав. И.М. Чеченов) и СОНИИ (зав. В.А. Кузнецов), в работе которого участвовали 6 человек. На заседании были обсуждены и рекомендованы в печать несколько докладов, а также рассмотрены некоторые организационные вопросы. Но, главное, тогда же постановили: впредь проводить подобные совместные заседания ежегодно, расширив круг их участников за счет приглашения археологов-кавказоведов из других городов.

На основании того же постановления в г. Нальчике (июнь, 1970 г.) наше следующее совместное заседание проводилось весной 1971 г. в гор. Орджоникидзе (Владикавказ), на базе СОНИИ²⁰. Это второе совместное заседание открылось 16 марта – в день 67-летия рождения Евгения Игнатьевича (и менее чем через полгода после его смерти). На заседании присутствовали 9 участников; причем, археологов насчитывалось всего 6 человек (из них по два представителя из Орджоникидзе и Нальчика, по одному – из Грозного и Махачкалы). Надо особо отметить, что в тот же день все присутствовавшие в зале единодушно одобрили решение: отныне проводить наши археологические заседания как мемориал памяти Е.И. Крупнова и утвердить за ним название «Крупновские чтения».

В соответствии с таким решением совместное заседание секторов археологии СОНИИ и КБНИИ в Орджоникидзе (1971 г.) получило вполне правомерное наименование – «Крупновские чтения».

На II «Крупновских чтениях» (II КЧ), организованных в 1972 г. на базе Кабардино-Балкарского НИИ в Нальчике, присутствовали около 20 человек, в том числе 11 археологов из гор. Грозного, Орджоникидзе, Ставрополя, Черкесска, а также несколько преподавателей Кабардино-Балкарского госуниверситета и сотрудников КБИГИ и республиканского краеведческого музея КБАССР. Всего

были заслушаны и обсуждены 9 докладов, и кроме того рассмотрены некоторые организационные вопросы, связанные с дальнейшим совершенствованием и улучшением работы «Крупновских чтений».

На тех же «Нальчикских чтениях» (II КЧ–1972), был согласован также вопрос о проведении следующих «чтений» (III КЧ–1973) в гор. Грозном. На «чтениях», организованных Чечено-Ингушским НИИ, были заслушаны и обсуждены 20 докладов и сообщений, представленных в основном местными Грозненскими археологами. Но кроме них, там же выступили с научными докладами археологикавказоведы из Киева, Краснодара, ст-цы Отрадной (Краснодарский край), Нальчика, Орджоникидзе²¹. Вместе с тем важно отметить, что регулярная публикация тезисов докладов всех «Крупновских чтений» началась с III КЧ в гор. Грозном (1973 г.)²².

Очередные «Крупновские чтения» (IV КЧ, середина марта 1974 г.), которые по времени совпали с 70-летием со дня рождения Евгения Игнатьевича, решили провести в Моздоке – в городе, где он родился и учился в школе. Причем, предварительно, по инициативе секторов археологии СОНИИ и КБНИИ, руководители этих институтов обратились к соответствующим органам власти с ходатайством: в связи с юбилеем Е.И. Крупнова увековечить память о нем на его родине. В результате местные власти приняли постановление о присвоении одной из улиц Моздока имени Е.И. Крупнова, а на стене дома, где он родился, была установлена памятная доска²³.

На IV «чтении» в Моздоке (1974) съехалось около 30 археологов-кавказоведов из Москвы, Киева, Тбилиси, Цхинвали, Краснодара, Ставрополя, Черкесска, Пятигорска, Махачкалы, Нальчика, Орджоникидзе. Как видно, по сравнению с предшествующими I, II–III КЧ (1971, 1972 и 1973 гг.), Моздокские IV КЧ в 1974 г. значительно отличались многочисленностью участников и разнообразием тематики их докладов, представленных археологами из более широкого, чем прежде круга городов²⁴.

В первые годы (1970–1974) не было никаких постоянных инициативных групп или оргкомитетов, занимавшихся подготовкой и проведением I–IV КЧ. Такие проблемы решались довольно упрощенно: «самоутвердившиеся активисты» В.А. Кузнецов и И.М. Чеченов предварительно согласовали и уточняли организационные вопросы с местными археологами и руководителями тех научных учреждений, где планировалось проведение очередных КЧ. Там же, на месте, создавался временный (разовый) оргкомитет, который сразу же самораспускался после окончания этих Крупновских чтений²⁵.

Существенное улучшение организационной структуры Крупновских чтений, а вместе с тем и повышение их научно-теоретического уровня стали достаточно отчетливо проявляться с 1975 г. (V КЧ), когда они состоялись в гор. Махачкале, на базе Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Можно с определенными оговорками сказать, что именно с этого времени Крупновские «чтения» приобрели статус полнокровных, достаточно успешно проводимых научных конференций, получивших вскоре широкую известность. В этой связи здесь же, кстати, следует обратить внимание на то, что к открытию V КЧ–1975, в Махачкале были опубликованы более 60 тезисов докладов, представленных археологами Москвы, Ленинграда, Элисты, Баку, Тбилиси, Цхинвали, а также столиц всех автономных республик Северного Кавказа и нескольких городов Краснодарского и Ставропольского краев. Тематика докладов была весьма разнообразной и в целом включала обширный круг вопросов, охватывающий в целом огромный хронологический диапазон от раннего палеолита до позднего средневековья²⁶.

Но особо значимым представляется тот факт, что на V – 1975 в Махачкале был впервые сформирован на выборной основе регулярно функционирующий

орган Крупновских чтений – Постоянный координационный совет межрегиональных (ныне международных) конференции по археологии Северного Кавказа (ПКС КЧ). Все последующие годы ПКС КЧ возглавлял в основном работу по подготовке и проведению конференции на соответствующем научном уровне. Тогда же в Махачкале (1975), по желанию участников конференции, Институт археологии АН СССР стал куратором наших «чтений». Почетным председателем Постоянного координационного совета КЧ были избраны директор Института археологии АН СССР акад. Б.А. Рыбаков, председателем В.А. Кузнецов, зам. председателя И.М. Чеченов. Членами ПКС КЧ стали Н.В. Анфимов (г. Краснодар), Х.Х. Биджиев (Черкесск), В.И. Козенкова и В.И. Марковин (Москва), В.Г. Котович (Махачкала), М.Б. Мужухоев (Грозный).

Впоследствии состав ПКС неоднократно обновлялся в результате ротации или по иным причинам; в частности, в связи с переходом В.А. Кузнецова на депутатскую работу в Верховном совете РСФСР, председателем Постоянного координационного совета на XVI КЧ–1990 в Ставрополе был избран И.М. Чеченов, его заместителем Н.В. Анфимов, а позднее С.Н. Савенко²⁷. К тому же численность ПКС со временем значительно увеличился за счет включения в него представителей всех регионов Северного Кавказа, а также Элисты, Петербурга, Ростова-на-Дону, Сухуми. Так, если на V КЧ (Махачкала, 1975) или на X КЧ (Москва, 1980) в состав Координационного совета входили всего по 9 человек, то их численность на выборах XXIX КЧ (Нальчик, 2006) увеличилось до 18 представителей совета²⁸. Тогда же на XI КЧ в Москве (1996) в составе совета были утверждены должности координатора и ответственного секретаря; координатором избрали В.А. Кузнецова, секретарем В.И. Козенкову²⁹.

И наконец на заседании учасников XXIV КЧ в Нальчике (2006 г.) основательно обновился и «помолодел» состав руководителей Постоянного координационного совета. Так, по своей просьбе И.М. Чеченов был освобожден от должности председателя ПКС КЧ, которую занимал в течении длительного периода (1990–2006 гг.); на его место избран проф. Багаев М.Х. (Грозный). Заместителем председателя избраны докт. ист. наук Гаджиев М.С. (Махачкала) и (повторно) канд. ист. наук Савенко С.Н. (Кисловодск), а координатором – канд. ист. наук А.Б. Белинский (Ставрополь) и ответ. секретарем – канд. ист. наук Албегова З.Х. (Москва). Тогда же участники Нальчикской конференции (XXIV КЧ–2006) постановили учредить в составе ПКС «институт почетных членов»; его «первыми почетными членами» избраны В.А. Кузнецов, И.М. Чеченов и В.И. Козенкова³⁰.

С 1971 по 1982 гг. Крупновские чтения проводились ежегодно, а впоследствии через каждые два года. Причем, в некоторых городах они состоялись неоднократно. Так, по три раза «чтения» проводились в Орджоникидзе – Владикавказе (I КЧ–1971, XIV КЧ–1984, XXV КЧ–2008), Нальчике (II КЧ–1971, VIII КЧ–1978, XXIV КЧ–2006), Махачкале (V КЧ–1975, XV–1988, XXVII КЧ–2012), Москве (X КЧ–1980, XIX КЧ–1996, XXIII), Кисловодске (XVIII КЧ–1994, XXII КЧ–2000, XXII КЧ–2002); дважды конференции состоялись в Майкопе (XIII КЧ–1984, XVII КЧ–1992)³¹.

По окончании каждой конференции о ее работе систематически публиковалась краткая информация в ж. Советская (ныне Российская) археология, а нередко и в других научных изданиях и СМИ.

В первые годы содержание докладов сводилось к оперативному ознакомлению участников конференции с результатами экспедиционных и полевых исследований. Такое верное и важное в целом направление сохранялось в преобладающей мере и в дальнейшей работе конференции. Но вместе с тем на VI КЧ в Краснодаре (1976 г.) было принято решение: предварительно намечать для каждой последующей конференции определенную приоритетную тематику, посвященную более или менее крупным и актуальным историко-археологическим проблемам Северного

Кавказа, и рассматривать такие доклады в течение одного или двух первых дней конференции на пленарных заседаниях³².

В соответствии с этим решением участников Краснодарской конференции (VI КЧ–1976) впоследствии были заслушаны и обсуждены, в частности, обобщающие доклады, освещающие следующие недостаточно исследованные и спорные вопросы ранней истории и археологии региона: зарождение и развитие первых городов (VII КЧ–1977 в Черкесске); этногенез и этническая история (VIII КЧ–1978 в Нальчике, XIV КЧ–1986 в Орджоникидзе); особенности экономического и этнокультурного развития оседлых племен и кочевников в эпоху бронзы и средние века (IX КЧ–1979 в Элисте, XV КЧ–1988 в Махачкале, XVII КЧ–1992 в Майкопе); религиозные верования (X КЧ–1980 в Москве) и др.³³

Как и проблемы этнической истории, в качестве приоритетной темы на наших конференциях неоднократно рассматривались также вопросы, связанные с историографией историко-археологического изучения Северного Кавказа (XVI КЧ–1990 в Ставрополе, XVIII КЧ–1994 и XXI КЧ–2000 в Кисловодске, XIX КЧ–1996 в Москве) и др. В таких историографических докладах, заслушанных на Крупновских «чтениях» в 1990 – начале 2000 гг., главное внимание уделялось не только и не столько достижениям в археологическом изучении региона, сколько разносторонней критике бесчисленного множества различных антинаучных концепций и учений, в корне вульгаризирующих и извращающих ранние периоды истории и археологии северокавказских народов. Напомним, что подобные методологически и фактологически несостоятельные построения и учения, получившие через всевозможные каналы информации необычайно широкое распространение, не только дискредитируют историко-археологическую науку, но основательно деформируют и искажают историческое сознание у широких слоев населения и явно способствуют нагнетанию напряженности в межнациональных отношениях на Северном Кавказе, а в определенной мере и за его пределами³⁴. Здесь же уместно будет добавить, что по поручению участников XVIII КЧ в Кисловодске (1994), И.М. Чеченов подготовил развернутое «Обращение... к историкам-кавказоведам, ко всем представителям науки и образования»... с призывом: объединить усилия для ограждения отечественной историко-археологической науки от всяких попыток вульгаризации и фальсификации³⁵. «Обращение» ... было полностью одобрено и утверждено на общем заседании участников XIX КЧ в Москве (1996) и без изменений опубликовано в ж. «Российская археология» и некоторых других научных журналах, а также на страницах отдельных монографии в виде приложения; кроме того, оно неоднократно оглашалась через региональные каналы СМИ³⁶. Следует заметить, что «Обращение»..., получившее столь широкое распространение среди археологов-кавказоведов более 15–17 лет тому назад, но не утратившее своей актуальности в наши дни, является одним из примеров научно-общественной активности членов Постоянного координационного совета и многих участников Крупновских чтений. В этой связи представляется целесообразным опубликовать данный документ еще раз в виде Приложения здесь же, в конце нашей статьи.

Среди прочих сведений о научно-организационной работе наших конференций определенного внимания заслуживает тот факт, что обращения с ходатайством к местным властям участников IX КЧ в Элисте (1979) и XVII КЧ в Майкопе (1992) способствовали открытию секторов археологии в Калмыцком и Адыгейском НИИ³⁷. И еще, в резолюциях XII КЧ в Новороссийске (1982) и XX КЧ в Железноводске (1998) обращено внимание представителей местных властей на необходимость улучшения положения с кадрами в этих музеях и укрепления их материально-технической базы³⁸.

Кроме того, участники Крупновских чтений постоянно заботились о проблемах охраны историко-археологических памятников Северного Кавказа. Причем, такие вопросы

неоднократно рассматривались не только на заседаниях наших конференций, но нередко освещались через каналы СМИ. В этой связи, к примеру, можно отметить, что в рамках Крупновских чтений (Кисловодск, 2011) состоялся обширный «круглый стол», организованный в г. Ессентуки на основе постановления региональной администрации. В зале, где проводилось это мероприятие, присутствовали руководители администрации Кавминвод, работники культуры и образования района, краеведы, представители местных СМИ и многие участники XXI Крупновских чтений. За круглым столом обсуждалась главным образом достаточно актуальная и сложная тема: повышение ответственности археологов в освещении исторического прошлого народов Северного Кавказа и усиление активности в выступлениях против дилетантов и фальсификаторов науки. Но вместе с тем участники круглого стола вновь убедительно говорили о необходимости коренного улучшения работы по охране и популяризации памятников истории и культуры³⁹. Имеются и другие данные о научно-организационной и общественной работе Постоянного координационного совета и временных оргкомитетов Крупновских чтений. При всем этом основным итогом 42-летнего функционирования «КЧ» следует считать их научно-исследовательскую деятельность. Достаточно сказать, что в связи с подготовкой и проведением наших чтений в течение указанного времени было опубликовано не менее 1670 тезисов научных докладов и сообщений разных авторов, заявлявших о своем желании участвовать в работе этих форумов. Причем, особое удовлетворение вызывает тот отрадный факт, что тезисы III–XXIV КЧ (1973–2006 гг.) опубликованы вторично отдельной книгой; общий объем ее составляет 144 п.л. Основная заслуга в переиздании тезисов наших конференций в такой форме и в таком необычно большом объеме принадлежит директору ГУП МК Ставропольского края, канд. ист. наук А.Б. Белинскому. Опубликованы в небывалом прежде красочном оформлении и на весьма высоком качественном уровне и тезисы «чтений» последнего времени (XXV КЧ–2008, Владикавказ; XXVI КЧ–2010, Магас; XXVII КЧ–2012, Махачкала)⁴⁰.

Надо признаться, что по своему научно-теоретическому уровню далеко не все доклады на Крупновских чтениях соответствовали современным требованиям. Но вместе с тем многие доклады отличались глубиной научного анализа фактов и оригинальными суждениями и выводами по определенным проблемам археологии, а также ценными сведениями о новейших, нередко уникальных и сенсационных открытиях, сделанных во время экспедиционных исследований.

Научное значение Крупновских чтений не ограничивается лишь количеством и содержанием представленных в них докладов. Участие многих молодых археологов из разных городов Северного Кавказа и других регионов совместно с более опытными и компетентными коллегами в работе наших форумов, взаимный обмен ими в перерывах между заседаниями новейшими идеями, публикациями и дополнительными сведениями о результатах последних экспедиционных работ, дискуссии по вопросам археологии и ранней истории, продолжавшиеся в свободное от заседаний время в неформальной обстановке, регулярные научно-познавательные экскурсии к местам расположения историко-археологических памятников той республики и края, где проводилась очередная конференция – таковы иные формы и содержание деятельности Крупновских чтений. Несомненно, все это значительно способствовало упрочению творческих, деловых и чисто человеческих отношений между археологами-кавказоведами разных регионов⁴¹.

Определенного внимания заслуживает тот факт, что консолидирующее влияние Крупновских чтений наиболее отчетливо и активно проявилось в течение двух последних десятилетий. И это представляется не случайным, если еще раз вспомнить, что именно в тот период в связи с глубочайшим всеобщим кризисом в стране и беспредельным разгулом так называемой «демократии» крайне

обострились межнациональные отношения, начались «парады суверенитетов» и участились межэтнические столкновения. Вместе с тем, как отмечалось выше, разрушалась наука и, как результат, стали ослабевать и прерываться былые научно-творческие связи между учеными, что наиболее остро и болезненно отражалось в таком этнически необычайно пестром регионе, как Северный Кавказ⁴². Достоинно особого внимания, что в условиях того многосложного рыночно-перестроечного времени Крупновские чтения не только выстояли и проводились системно, без единого срыва, но и значительно увеличили с годами численность своих участников. А, главное, в то же самое время явно повысился научный уровень конференции⁴³. В числе прочих факторов этому способствовало то, что явно возросло количество докладов, подготовленных авторами с разносторонним использованием данных естественных, технических, математических и других наук. Весьма показательны также, что начиная со второй половины 1990-х годов научные связи участников Крупновских чтений заметно расширились с коллегами из стран ближнего зарубежья (Азербайджан, Украина и др.) и особенно с археологами дальнего зарубежья (Германия, Франция, Англия, США и т.д.). В связи с этим и другими подобными сведениями, изложенными выше, представляется вполне правомерным, что с конца 1990-х годов Крупновские чтения стали проводиться, за редким исключением, как международные конференции⁴⁴. Показательно, что, насколько нам известно, среди аналогичных археологических конференций, регулярно и часто проводившихся на территории бывшего СССР, наши «чтения» оказались наиболее стойкими и жизнеспособными по продолжительности своего системно-периодического функционирования.

Во многом все это стало возможным благодаря содействию Института археологии АН СССР (РАН), со стороны которого оказывалась разносторонняя поддержка (директор – акад. Рыбаков Б.А., акад. Алексеев В.П., член-корр. РАН Р.М. Мунчаев). И еще, там где проводились наши конференции, члены Постоянного координационного совета «КЧ» почти всегда получали необходимую реальную помощь от представителей местных властей и руководителей научных учреждений и музеев. Причем в 1990 – начале 2000 годов наиболее весомый положительный вклад в подготовку и проведение «чтений» внес Ставропольский край, особенно район Кавминвод. Именно в этом районе в вышеуказанные «нулевые» годы состоялись в большинстве случаев наши конференции, за отличную подготовку и успешное проведение которых мы в значительной мере благодарны директору Кисловодского музея краеведения, канд. ист. наук Савенко С.Н. и директору ГУП «Наследие» МК. Ставропольского края, канд. ист. наук Белинскому А.Б. Таковы далеко неполные сведения о Крупновских чтениях межрегиональных (ныне международных) научных конференциях, которые, несмотря на определенные сложности, недостатки и просчеты, превратились в достаточно дееспособную научно-общественную организацию, явно способствующую тесному творческому сближению археологов многонационального Северного Кавказа и сплачивающую их усилия для дальнейшего, более полного и объективного освещения исторического прошлого региона. Иными словами, представляется очевидным, что Крупновские чтения оказывают на развитие историко-археологической науки на Северный Кавказ довольно ощутимое позитивное влияние.

ПРИЛОЖЕНИЕ*ОБРАЩЕНИЕ*

участников XIX межрегиональной научной конференции по археологии Северного Кавказа («Крупновские чтения») к историкам-кавказоведам, ко всем представителям науки и образования.

За последнее 10-летие в России и других странах СНГ резко возросло количество всякого рода лженаучных «открытий» и учений, претендующих на новизну и сенсационность и широко распространяемых через всевозможные каналы информации. Стало обычным явлением бесцеремонное вторжение многочисленных любителей подобных «сенсаций» в те сугубо профессиональные направления конкретных наук, которые далеко не всегда соответствуют их основной специальности и профессии. К сожалению, в рядах таковых сегодня, в числе прочих, немало дипломированных ученых: кандидатов и докторов наук, доцентов и профессоров. Они не только способствуют формированию и распространению псевдонаучных знаний среди широких слоев населения, но и явно дискредитируют науку.

Сказанное в полной мере относится и к отечественной историографии. Неправомерно используя свободу слова и печати, спекулируя на ускоренном росте национального самосознания и повышении интереса народов к своей истории и культуре, определенные категории некомпетентных или предвзято настроенных людей активно пропагандируют научно необоснованные, тенденциозные, заведомо популистские версии и концепции, в корне извращающие картину объективного исторического развития этих народов.

Творцы таких антинаучных концепций, при всех их национальных и профессиональных различиях и расхождениях по тематике выступлений, в принципе проявляют между собой очевидное сходство в одном – в стремлении к чрезмерному приукрашиванию и преувеличению, вопреки фактам, былой исторической роли своих народов, в способах внушения им чувства собственной национальной исключительности и превосходства, идеи этноцентризма. Нагляднее и чаще всего это находит выражение в преднамеренных попытках того или иного автора доказать, что его народ является достаточно «чистокровным» по происхождению и одним из древнейших в Евразии, что он относился в прошлом к числу весьма крупных и цивилизованных этносов, имел достаточно развитые формы своей ранней государственности, занимал более обширную, чем ныне, территорию и т.п. Причем в подобных версиях зачастую вольно или невольно принижается, а то и вовсе игнорируется историческая роль других народов.

Нетрудно заметить, что стремительному росту численности, активности и сомнительной популярности представителей паранауки, занимающихся непомерной идеализацией истории своих народов, способствует их ориентация на определенную конъюнктуру, сложившуюся в условиях нашего многосложного времени на основе обострения межнациональных отношений, усиления сепаратистских тенденций и ускорения процессов суверенизации. Факты свидетельствуют, что, развивая свою бурную псевдотворческую деятельность, некоторые современные «новаторы» от обществоведения преследуют вполне конкретные цели: «научно обосновать» политические и территориальные претензии к соседним народам.

На Кавказе, в условиях малоземелья, необычайной этнической пестроты и многообразия национально-государственного статуса его народов, реальные негативные последствия общего кризиса в стране проявляются, как известно, в наиболее острой и сложной форме. Они соответствующим образом отражаются

и на состоянии гуманитарных наук, заметно деформируют их развитие. Центробежные устремления в регионе, неугасаемые «горячие точки» и другие факторы ослабляют традиционные творческие связи историков-кавказоведов, препятствуют координации их усилий в организации фундаментальных исследований. Представляется не случайным, что предвзятое, крайне искаженное освещение истории кавказских народов, ее фальсификация и политизация достигли небывалых прежде масштабов именно во второй половине 80-х годов и особенно в течение последних шести-семи лет, когда раздавались открытые призывы к национальному обособлению и проходил «парад суверенитетов»

К примеру, факты искажений, идеализации и идеологизации ранней истории и археологии Северного Кавказа находят свое выражение в том, что на коренное этнолингвистическое, генетическое родство своих предков с шумерами, египтянами, этрусками, скифо-сарматами и другими теми или иными известными этносами древних эпох одновременно претендуют в разных республиках региона представители и тюркоязычных народов (балкаро-карачаевцы, кумыки), и адыгов (кабардино-черкесы, адыгейцы), и вайнахов (чеченцы, ингуши), а формирование осетин прямолинейно связывают с индо-арийцами эпохи ранней бронзы (III тыс. до н.э.). Эти «сенсационные открытия» дополняются парадоксальными суждениями и выводами о скифо-алано-осетинском происхождении девы Марии, Иисуса Христа и 11 апостолов, а также германского императора Фридриха Барбароссы; об этническом тождестве в эпоху бронзы вайнахов и англичан; о генетическом единстве летописных касогов (предков адыгов) с китайцами или с казаками, а тех же казаков с половцами; о принадлежности тюркам почти всех древних и средневековых кочевнических культур евроазиатских степей и о создании ими же нескольких ранних цивилизаций.

Вместе с тем авторы таких «сенсаций» пытаются доказать, что в ранние периоды истории именно родственные им этносы занимали огромные территории: предки осетин – «от Палестины до Британии», вайнахов – от Кавказа до Дона и Днестра, адыгов – от Малой Азии и Средиземноморья до Каспия, балкаро-карачаевцев и кумыков – от Эгейского моря до Сибири и от Месопотамии до Поволжья и Урала.

В разгар массового внедрения в обыденное сознание подобных измышлений на разных уровнях поднимались вопросы о необходимости принципиальных изменений в национально-территориальном устройстве отдельных республик (Осетии, Дагестане, Кабардино-Балкарии и др.) и об их переименовании с учетом известных в истории названий государственных и этнотерриториальных образований эпохи средневековья – Алании, Кыпчакетии, Черкесии и т.п. Напомним, что в отдельных случаях эти вопросы уже частично решены на местах (например, утверждение на парламентском уровне названия «Республика Северная Осетия – Алания»). Как известно, границы каждого из упомянутых выше средневековых этнополитических образований были соответственно несравнимо более обширными, чем основные территории проживания в наше время осетин или кумыков и балкаро-карачаевцев, адыгейцев и кабардино-черкесов.

Усердно «уточняются» границы и республик Закавказья. Так, в Тбилиси издана карта, согласно которой границы Грузии в прошлом охватывали значительную часть территории северокавказских горцев. А в одной «Исторической справке» (Степанакерт, 1992) заявлено, что еще с медно-каменного века весь Северный Кавказ до Ростовской области принадлежал армянам и что русские и остальные народы являются здесь «пришельцами и изгоями».

Таковы лишь отдельные, наиболее характерные примеры из огромного количества фактов фальсификации истории и археологии народов Северного Кавказа. Нет необходимости доказывать, сколь опасна и неприглядна псевдо-творческая

активность современных «новаторов» от историографии, в какую бы форму национального этноцентризма они не рядились – индоарийскую, индоиранскую, тюркскую, кавказско-иберийскую, адыго-абхазскую, нахо-дагестанскую. Это очевидно. Отметим только, что авторы более чем сомнительных исторических версий и концепций все активнее настаивают на практической реализации результатов своих «исследований». И они в этом находят немало сторонников, получают от последних моральную и материальную поддержку. Те или иные их суждения и выводы стали проникать на страницы учебных программ и пособий; они используются некоторыми представителями общественно-политических движений, вузов и НИИ, специальных экспертных комиссий и даже официальных властей при их выступлениях по вопросам межнациональных отношений, административно-территориального устройства, культуры, народного образования. У нас нет сомнений, что такое неправомерное использование исторической науки, ее понижающая идеологизация и политизация, в той или иной мере характерные и для других регионов бывшего СССР, играет ощутимую деструктивную роль в межнациональных отношениях на Северном Кавказе и за его пределами.

Выражая свою тревогу и озабоченность по поводу изложенных выше негативных явлений, осознавая глубину их разрушительных последствий, мы обращаемся к ученым-кавказоведам, к представителям творческой интеллигенции Северного Кавказа, других регионов России и всего СНГ с призывом: объединить усилия для координированного, более активного распространения объективных, подлинно научных знаний об историческом прошлом наших народов, для последовательной и широкой популяризации объективных научных достижений в области гуманитарных исследований, для системного и действенного ограждения отечественной науки от всяких проявлений нацчванства и конъюнктуры, от всяких попыток ее фальсификации и дискредитации.

Председатель Постоянного координационного совета межрегиональных (ныне международных) конференции по археологии Северного Кавказа (Крупновские чтения), заслуженный деятель науки КБР, ведущий научный сотрудник КБИГИ, канд. ист. наук И.М. Чеченов.

Москва. 17 апреля 1996 г.

Евгений Игнатьевич Крупнов

*Нальчик, 1972 г. Открытие II Крупновских чтений (КЧ)
Выступление И.М. Чеченова*

*Махачкала, 1988 г. XV Крупновские чтения.
Участники конференции на экскурсии у средневековых крепостных стен г. Дербента*

*Москва, 1996 г. XIX Крупновские чтения.
Выступает директор Института археологии РАН, член-корр. Р.М. Мунчаев*

*Железноводск, 1988 г. XX юбилейные Крупновские чтения.
Международная научная конференция по археологии Северного Кавказа.
Участники конференции*

*Ессентуки–Кисловодск, 2002 г. XXII Крупновские чтения.
Президиум обширного круглого стола, состоящий из представителей руководства
региона Кавминвод, работников науки и образования, СМИ и археологов – участников
конференции. Выступает (крайний слева) председатель
Постоянного координационного совета (ПКС) КЧ И.М. Чеченов*

*Нальчик, 2006 г. XXIV Крупновские чтения. Открытие конференции.
Выступает секретарь – академик отделения истории и филологии РАН,
академик А.П. Дервянко*

*Нальчик, 2006 г. XXIV Крупновские чтения.
Выступает с докладом координатор ПКС КЧ А.Б. Белинский.
Заседание проводит зам. председателя ПКС КЧ С.Н. Савенко*

*Нальчик, 2006 г. XXIV Крупновские чтения.
В переднем ряду слева направо сидят: быв. координатор ПКС КЧ
В.А. Кузнецов (Мин. Воды), Р.Г. Джатиев (Владикавказ),
С.Н. Савенко (Кисловодск), З.В. Доде (Ставрополь)*

*Владикавказ, 2008 г. XXV юбилейные Крупновские чтения.
В переднем ряду слева направо сидят: нынешний председатель ПКС КЧ
М.Х. Багаев (Грозный), заместитель председателя М.С. Гаджиев (Махачкала),
быв. ответ. секретарь ПКС КЧ В.И. Козенкова (Москва)*

*Магас, 2010 г. XXVI Крупновские чтения.
Международная конференция по археологии Северного Кавказа.
Беседа главы администрации Ингушетии Ю.Б. Евкурова с участниками конференции*

*Магас, 2010 г. XXVI Крупновские чтения.
Международная конференция по археологии Северного Кавказа.
Коллективная фотография участников конференции
у средневекового христианского храма Тхба-ерды*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Более или менее подробные сведения по данному вопросу содержатся, в частности, в публикациях: *Мунчаев Р.М.* К 60-летию Евгения Игнатьевича Крупнова // Советская археология. 1964. № 1. С. 3–7; *Он же.* Евгений Игнатьевич Крупнов // Советская археология. 1971. № 1. С. 311–315; *Он же.* Памяти автора. Предисловие в кн: Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М. 1971. С. 5–9; *Он же.* Евгений Игнатьевич Крупнов: к 100-летию рождения // Российская археология. 2004. № 1. С. 5–14; *Кузнецов В.А.* Евгений Игнатьевич Крупнов // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 1–7; *Чеченов И.М.* К 90-летию рождения Е.И. Крупнова // Предисловие к тезисам докладов «XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа». Кисловодск. 1994. С. 3–5; *Козенкова В.И.* Евгений Игнатьевич Крупнов (к 90-летию со дня рождения // Российская археология. 1994. № 1. С. 191–196); *Виноградов В.Б.* Вехи жизни и творчества Е.И. Крупнова. Армавир. 1994. С. 5–13 (отдельный оттиск).
2. *Мунчаев Р.М.* Памяти автора. Предисловие в кн. «Средневековая Ингушетия» С. 5, 9 и сл.
3. *Крупнов Е.И.* Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик, 1946; *Он же.* Жемталинский клад. М., 1952.
4. *Крупнов Е.И.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.
5. *Крупнов Е.И.* Там же. С. 46–67. *Он же.* Древнейший период истории Кабарды // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик. 1951. Вып. 1. С. 47; *Мунчаев Р.М.* Евгений Игнатьевич Крупнов. К 100-летию... С. 7–8.
6. История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М., 1957. С. 7.
7. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. М., 1967. Т. I. С. 12–47, 477.
8. *Мунчаев Р.М.* Евгений Игнатьевич Крупнов. К 100-летию рождения... С. 9.
9. Там же; *Мунчаев Р.М.* Северо-Восточный Кавказ и Ближний Восток. О роли Е.И. Крупнова в организации археологических исследований на территории Чечни и Месопотамии // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. «XIX Крупновские чтения». Тезисы докладов. М., 1996. С. 3–4.
10. *Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 4–5; *Мунчаев Р.М.* Евгений Игнатьевич Крупнов. К 100-летию рождения... С. 8–10; *Он же.* Северо-Восточный Кавказ... С. 3–4; *Савенко С.Н.* Вклад Е.И. Крупнова, «крупновцев» и «Крупновских чтений» в изучение археологических памятников Кавминвод // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. «XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа». Тезисы докладов. М., 2004. С. 172–175.
11. *Мунчаев Р.М.* Северо-Восточный Кавказ... С. 3–4; *Он же.* Евгений Игнатьевич Крупнов. К 100-летию рождения... С. 8–11.
12. *Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 4–5.
13. Там же; *Мунчаев Р.М.* Северо-Восточный Кавказ... С. 3–4; См. также: Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963; Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Материалы по археологии и древней истории по Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961. Т. I; Средневековые памятники Северной Осетии. Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1963.
14. *Чернецов А.В.* Список печатных работ Е.И. Крупнова // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 8–18; См. также: *Виноградов В.Б.* Указ. соч. С. 13–14.
15. *Мунчаев Р.М.* Евгений Игнатьевич Крупнов. К 100-летию рождения... С. 11–12; *Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 6.
16. *Чеченов И.М.* Указ. соч. С. 3–4; *Он же.* Международный форум археологов-кавказоведов (Железноводск, май 1998г.) // Журн. «Научная мысль Кавказа». Ростов-на-Дону. 1998. № 4. С. 87.
17. *Чеченов И.М.* К истории изучения древней истории и археологии Северного Кавказа // Советская археология. 1990. № 4. С. 144–153; *Он же.* К вопросу о состоянии историко-археологической науки на Северном Кавказе в условиях перестройки и реформ (1986–1994 гг.) // Межнациональные конфликты на Кавказе: метика их преодоления (Тезисы докладов международной конференции). М., 1995. С. 17–18; *Он же.* Причинно-следственные аспекты фальсификации историко-археологической науки на Северном

- Кавказе // Современное состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа (Тезисы докл. науч. конф.). Махачкала. 1997. С. 13–16; *Он же*. Современное археолого-этнографическое мифотворчество на Северном Кавказе // III Конгресс этнографов и антропологов России (Тез. докл.). М., 1999; *Марковин В.И.* Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа (Майкопская культура) // Советская археология. 1990. № 4. С. 106–122; *Он же*. Современные проблемы в изучении этнической истории Северного Кавказа // Советская археология. 1994. № 1 С. 51–65; *Шнирельман В.А.* Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006; *Он же*. Борьба за аланское наследие (Этнополитическая подоплека современных этногенетических миров) // Восток. 1996. № 5. С. 101–103; *Он же*. Уроки националистической археологии // Современное состояние и развитие исторической науки Дагестана и Северного Кавказа. (Тезисы докладов научной конференции). Махачкала. 1997. С. 9–13; *Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М.* История в зеркале паранауки. М., 2006.
18. *Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 6.
 19. *Чеченов И.М.* Международный форум... С. 87; *Он же*. Межрегиональные (ныне международные) конференции по археологии Северного Кавказа – «Крупновские чтения»: Основные итоги работы (1971–2004 гг.) // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. Тезисы докладов. М., 2004. С. 208; *Козенкова В.И., Кузнецов В.А., Чеченов И.М.* Двадцать пять лет Крупновским чтениям по археологии Северного Кавказа // Российская археология № 1. 1996. С. 249.
 20. *Чеченов И.М.* К 90-летию... С. 4; *Он же*. Межрегиональные (ныне международные) конференции... С. 208; *Козенкова В.И., Кузнецов В.А., Чеченов И.М.* Указ. соч. С. 249.
 21. Тезисы докладов и сообщений III «Крупновских чтений». Грозный, 1973; *Виноградов В.Б., Мужухоев М.Б.* III «Крупновские чтения» // Советская археология. 1974. № 4. С. 324–326.
 22. *Виноградов В.Б., Мужухоев М.Б.* Там же; *Чеченов И.М.* К 90-летию... С. 4; *Он же*. Межрегиональные (ныне международные) конференции... С. 208.
 23. *Чеченов И.М.* Межрегиональные (ныне международные) конференции... С. 209.
 24. Тезисы докладов IV «Крупновских чтений» по археологии Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1974; *Тменов В.Х., Череповская О.В.* IV Крупновские чтения в Моздоке // Советская археология. 1976. № 1. С. 300–325.
 25. *Чеченов И.М.* К 90-летию... С. 4; *Козенкова В.И., Кузнецов В.А., Чеченов И.М.* Указ. соч. С. 250.
 26. Пятые Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Махачкала, 1975; *Давудов О.М.* V Крупновские чтения. Махачкала, 1975; Советская археология. 1977. № 4. С. 327–329.
 27. *Давудов О.М.* Там же; *Чеченов И.М.* Межрегиональные (ныне международные) конференции... С. 208–209.
 28. Материалы по изучению культурно-исторического наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006 гг. (Тезисы докладов). М., 2008. С. 45, 48, 103.
 29. *Албегова З.Х.* Конференция «Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа». XIX. «Крупновские чтения». Москва, 1996. // Российская археология. 1997. № 2. С. 279–285.
 30. *Гаджиев М.С., Савенко С.Н.* Международная научная конференция «XXIV Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа // Материалы по изучению... С. 881.
 31. Материалы по изучению... С. 3–28; «Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий» // Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа // Материалы международной научной конференции. Махачкала, 2012.
 32. Материалы по изучению... С. 14.
 33. Там же. С. 157–268, 393–717 и др.
 34. Основной список литературы, посвященный критике подобных антинаучных измышлений см. выше, в примечании (сноске) 17 данной статьи.
 35. *Албегова З.Х.* Конференция «Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа – XIX Крупновские чтения» (Москва, 1997) // Российская археология. 1997. С. 284–285.

36. Там же. С. 285–287; Историко-археологический альманах. Выпуск 3. Армавир–Москва. 1997; Научная мысль Кавказа. Выпуск 1. Ростов-на-Дону. 1998; Ежен. газ. «Северный Кавказ». Май, 1998, № 19. Газ. «Советская молодежь». Декабрь, 1997, № 52 и др.
37. Материалы по изучению... С. 221–222, 462.
38. Там же. С. 272, 606.
39. Там же. С. 656.
40. Там же. С. 976. См. также: Отражение цивилизационных процессов...; Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов Международной научной конференции. Магас, 2010; Новейшие открытия в археологии... Материалы Международной научной конференции XXVI «Крупновские чтения». Махачкала, 2012.
41. Чеченов И.М. К 90-летию... С. 4–5; Он же. Международный форум... С. 88–89; Козенкова В.И., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. Указ. соч. С. 250 и сл.
42. Чеченов И.М. К вопросу о состоянии историко-археологической науки... С. 17; Он же. Межрегиональные (ныне международные) конференции... С. 210; Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История... С. 102–103; Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История в зеркале... С. 259–264.
43. Чеченов И.М. Международный форум... С. 89; Межрегиональные (ныне международные) конференции... С. 210.
44. Об этих сведениях см. в кн: Материалы по изучению историко-культурного наследия. (Тезисы докладов XIX–XXIV КЧ), М., 2008. С. 532–974; Отражение цивилизационных процессов... (Тезисы докладов юбилейных XXV КЧ). Владикавказ, 2008; Проблемы хронологии и периодизации... (Тезисы докладов XXVI КЧ – Международной научной конференции)... Магас, 2010; Новейшие открытия в археологии. (Тезисы докладов XXVI КЧ – Международной научной конференции)... Махачкала, 2012.
45. Чеченов И.М. Международный форум археологов-кавказоведов... С. 88–89; Он же. Межрегиональные (ныне международные) конференции... С. 209–210; Козенкова В.И., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. Указ. соч. С. 250–251.

СВЕТ УГАСШЕЙ ЗВЕЗДЫ
(НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ХРОНОЛОГИИ ДРЕВНОСТЕЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ А.К. АМБРОЗА)

12 августа 1985 г. российская археология потеряла одного из своих видных представителей послевоенной поры – Анатолия Константиновича Амброза (1929–1985), пришедшего в науку в конце 50-х годов одновременно с его другом В.К. Пудовиным, трагически ушедшим из жизни в мае 1960 г. Безвременная смерть этих двух талантливых и полных сил и творческой энергии людей, занимавшихся острыми проблемами хронологии, осознается нами как тяжелая потеря. Сейчас, когда со времени кончины А.К. Амброза прошло 25 лет, хочется еще раз вспомнить этого удивительного человека, имя которого известно археологам не только России и бывшего СССР, но и Западной Европы.

Память о А.К. Амброзе была достойно увенчана Крымскими археологами во главе с А.И. Айбабиным, издавшими IV том «Материалов по археологии, истории и этнографии Таврии», посвященный Анатолию Константиновичу. С тех пор прошло еще 15 лет, и мы вновь чтим память этого замечательного человека и труженика науки.

Научное наследие А.К. Амброза полностью не опубликовано, хотя подготовительная работа в ИА АН СССР велась. Центральное место в ней занимает рукопись докторской диссертации «Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V–IX вв.», насчитывавшая 392 страницы машинописи¹. На сегодня опубликована лишь ее часть: общая концептуальная основа взглядов А.К. Амброза была изложена им же в трех больших статьях² и в коллективном труде о средневековых степях Евразии³. Нельзя не упомянуть здесь и лучшее исследование фибул Юго-Восточной Европы до IV в. н.э.⁴, ориентированное на получение «узких» в пределах столетия и даже полустолетия) дат с помощью метода детальной классификации⁵. Верность получения «узких» дат А.К. Амброзом подтверждена М.Б. Щукиным⁶. Наконец укажем сравнительно небольшую, но настольную для археолога-кавказоведа монографию «Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв.»⁷. Высоко оценивая этот труд, автор предисловия М.П. Абрамова писала: «Впервые собраны и прекрасно проиллюстрированы все известные северокавказские комплексы указанного времени. А.К. Амброз выходит за рамки V–VII вв., разбирая целый ряд северокавказских комплексов III–IV вв., подробно обосновывая их дату, освещая особенности ювелирного стиля разных эпох и разных областей, иногда связывая появление этих особенностей с определенными историческими событиями»⁸.

В 1974 г. я имел честь быть официальным оппонентом по докторской диссертации А.К. Амброза и возможность познакомиться с его исследованием. Не все в нем было бесспорно, а тенденция А.К. Амброза к некоторому омоложению устоявшейся хронологии древностей эпохи «великого переселения» (о том же см. в предисловии М.П. Абрамовой) сразу же вызывала возражения, ставшие предметом острой дискуссии на симпозиуме по хронологии в Петербурге в 1976 г. Но

как бы там ни было, именно А.К. Амброз и его работы инициировали эту дискуссию, оказавшую положительное влияние на состояние проблемы хронологизации древностей Восточной Европы.

К сожалению, полный текст диссертации А.К. Амброза труднодоступен и малоизвестен исследователям, а его издание становится все более проблематичным. В то же время труд А.К. Амброза не потерял своего значения и может быть примером объективного и тщательного исследования. Поэтому я решаюсь предложить вниманию читателя свой несколько отредактированный отзыв на докторскую диссертацию А.К. Амброза. Ибо в нем изложены некоторые идеи и выводы покойного ученого, представляющие практический научный интерес. Пусть эта скромная публикация будет данью памяти А.К. Амброза.

Как известно, археология «за 20–30 лет удваивает свои источники, и притом, основные»⁹. Приток новых материалов в археологии нарастает быстрыми темпами и теоретическое освоение этого огромного фонда источников, его обобщение, изучение и превращение в прочную базу для воссоздания конкретного исторического процесса является актуальной задачей российской археологии.

В этом плане, несомненно, важнейшее научное значение имеет проблема создания хронологии древностей, по возможности максимально приближенной к абсолютной. История, как наука, немыслима без периодизации и дат, Письменные источники дают их весьма неравномерно, в основном относительно к событиям политической истории. История некоторых регионов Восточной Европы не детерминирована точными датами в течение многих веков и даже тысячелетий. Сказанное относится не только к древности, но и к эпохе Средневековья, более близкой к нам. Особо важно подчеркнуть, что письменные источники сообщают столь скудные сведения о развитии материальной культуры, что история этого развития на основании письменных данных не может быть научно реконструирована.

Наряду с отмеченными теоретическими аспектами проблема создания надежной хронологии имеет для археологии и громадное практическое значение. Ясно, что ошибочная датировка археологических материалов влечет за собой их ошибочную историческую интерпретацию. Чем меньше искажений в хронологии изучаемых нами археологических памятников, тем меньше искажений в реконструкции конкретно-исторического процесса. Создание хорошо обоснованной и охватывающей широкую территорию хронологии позволит впредь свести к минимуму подобные искажения и ошибки и сделать еще один важный шаг к возможности превращения археологии в точную науку.

Таким образом, избранная А.К. Амброзом проблема лежала в сфере наиболее насущных задач нашей науки. Исследовательская работа по хронологизации средневековых древностей Восточной Европы велась и до автора диссертации, и одновременно с ним (Л.А. Мацулевич, Б.А. Рыбаков, коллектив Новгородской экспедиции, В.К. Пудовин, В.Б. Ковалевская, В.В. Кропоткин, Г.А. Федоров-Давыдов, С.А. Плетнева и др.) Сделано много по отдельным периодам и культурам, по некоторым категориям археологического материала. Но надо признать, что широкого и всеобъемлющего исследования проблемы хронологии раннего Средневековья Восточной Европы мы не имели, хотя подобное исследование давно ждали и нуждались в нем. Специальное исследование хронологии наших раннесредневековых памятников особенно назрело в последние десятилетия, когда на фоне достижений европейской археологии в создании надежной хронологической шкалы (в первую очередь имею в виду исследования немецких, венгерских, особенно французских ученых¹⁰) стало видно некоторое отставание в разработке проблем хронологии у нас. Теперь мы с удовлетворением можем сказать, что продвинулись вперед.

Имя А.К. Амброза хорошо известно археологам – медиэвистам не только у нас в стране, но и за рубежом. Его предшествующие исследования, особенно ка-

питательный свод фибул юга Европейской части СССР и обзорные статьи по раннесредневековой хронологии Восточной Европы, опубликованные в «Советской археологии» в 1971 г., а также интереснейшая работа о стременах и седлах раннего средневековья как хронологическом показателе, создали автору добрую репутацию серьезного и вдумчивого специалиста по хронологии средневековой Восточной Европы. Путь А.К. Амброза в науку – это путь весьма целеустремленного научного поиска и кропотливой черновой работы над огромным кругом источников. И вот перед нами труд, венчающий усилия многих лет.

Во «Введении» формулируется основная задача исследования – выявление общих закономерностей хронологии на материале археологических комплексов, разработка единой хронологической системы древностей Восточной Европы V – IX вв. и обосновывается научная актуальность такой разработки, характеризуется круг используемых источников. Последний состоит преимущественно из могильных комплексов, в коих основное внимание диссертанта привлекают металлические изделия: украшения, оружие и конское снаряжение. Эти категории материальной культуры достаточно многочисленны и представительны, динамичны во времени и позволяют на основе их типологического анализа и корреляции намечать довольно «узкие» даты комплексов.

Исходные позиции автора понятны и обоснованны. Однако можно выразить сожаление, что керамика из погребальных комплексов фактически осталась вне поля зрения исследователя. Тем более что сам А.К. Амброс признает, что «в случае детальной разработки массовая керамика из поселений и могильников становится не менее чутким средством датирования, чем украшения, она даже более надежна из-за своей массовости и недолговечности»¹¹.

Глава I посвящена истории изучения и изложению методических принципов диссертации. Представляется абсолютно верным то, что ведущее значение для хронологии раннесредневековой Восточной Европы отводится памятникам Крыма, как хорошо датированным монетами и предметами византийского импорта. К этому следовало бы добавить и богатые могильники средневековой Абхазии, точнее Цебельды, изученные М.М. Трапшем, Г.К. Шамба и Ю.Н. Вороновым¹². Большое количество разнообразных вещей и монетные находки дают возможность сделать могильники Абхазии также эталонными для разработки восточно-европейской хронологии (автор об этом говорит лишь в конце четвертой главы).

А.К. Амброс вновь ставит вопрос о хронологическом значении монетных находок и приводит яркий пример запаздывания монет в погребениях: в Керченском склепе 145/1904 г. был тайник с золотым венком с оттиском монеты Гордиана (238–244 гг.), серебряное блюдо императора Констанция с надписью около 343 г. и золотая индикация монеты Валентиниана II (375–392). Разрыв между одновременно положенными индикациями 137 лет, между ними и блюдом 105 и 32 года. Это показывает, как мало надежны показания монет и индикаций, если они не проверяются другими источниками.

Разбирая методические недостатки традиционной хронологии раннесредневековых памятников Восточной Европы, А.К. Амброс справедливо указывает на укоренившуюся в нашей повседневной практике систему ссылок на авторитеты (без критической оценки обоснований) и отрыв от исследований в Средней и Западной Европе. Последнее особенно важно. А.К. Амброс подвергает также решительной критике практику так называемых «широких датировок» и отмечает, что «широкая дата» – признак недоработанности, а не особой объективности и осторожности исследователя»¹³. Правда, нам кажется, что при существовавшей до сих пор общей недостаточной разработанности интересующей нас хронологии практика «широких датировок» была вызвана не столько недобросовестностью археологов, сколько именно таким состоянием изучения хронологии и из нее вытекала.

Говоря в целом о применяемой А.К. Амброзом исследовательской методике, отметим, что она основана на широком применении типологии, корреляции и картографирования материалов, выполненных весьма умело и квалифицированно, что обеспечивает достаточно узкое (до полустолетия) датирование. Тем самым вновь подтверждается реальное право на жизнь этих методических приемов, называемых автором «специфически археологическими методами датирования», сохраняющими полностью свое значение и в наше время активного внедрения в археологию математики и естественно-технических дисциплин. Работа А.К. Амброза показывает, что успешное исследование весьма обширных археологических материалов, происходящих из разных культурных регионов, возможно и доброкачественно на основе применения традиционных археологических приемов. В настоящее время, когда в мировой науке стала намечаться тенденция к преувеличению методов независимого датирования в ущерб «специфически археологическим методам», диссертация А.К. Амброза убедительно показывает, насколько потенциальные возможности этих последних еще не исчерпаны.

Подчеркивая это как основное, позволим себе, однако не согласиться с утверждением А.К. Амброза о том, что методы естественных наук к хронологии, изучаемой им эпохи мало применимы. Этому противоречит блестящее применение методов дендрохронологии в Новгороде и вполне успешное – на наш взгляд – применение метода датирования по C^{14} средневековых материалов. Имеем в виду даты, опубликованные радиоуглеродной лабораторией ЛОИА в журнале «Советская археология»¹⁴ и других специальных изданиях¹⁵. Отклонения \pm составляют от 120 до 50 лет, т.е. не уступают по точности датам, получаемым чисто археологическим путем. Как и относительные археологические даты, они являются лишь определенными интервалами времени и также условны, но вполне заслуживают внимания, тем более, что древесный уголь в средневековых погребениях не редок. Думается, что мы должны стремиться к разумному сочетанию всех современных методов хронологизации при сохранении определяющей роли относительной археологической хронологии, отражающей внутреннее развитие материальной культуры на том или ином этапе.

Полное владение методами археологического анализа, приближающегося к уровню точности, удачно сочетается с такими личностными качествами исследователя, как острая наблюдательность и умение видеть вещи и явления в развитии. Это позволяет А.К. Амброзу создать стройную и в целом убедительную картину развития и хронологического соотношения археологических культур средневековой Восточной Европы на фоне колоссального сравнительного материала, охватывающего Евразию от Японии и Китая до Пиренейского полуострова.

Таким образом, для исследовательского метода А.К. Амброза присуще органическое сочетание диахронности и синхронности: внутреннее развитие археологических явлений, восходящее по вертикали, дополняется рассмотрением синхронных явлений на территории почти целого континента.

Отдельная глава посвящена хронологии Боспора и является, пожалуй, основной. Это и понятно – богатейшие, хотя и сильно депаспортизированные комплексы из раннесредневековых некрополей Керчи могут иметь ключевое значение для хронологии юга Восточной Европы. Особое место в системе средневековых боспорских древностей занимают фибулы, как чуткий хронологический показатель. В.К. Пудовин в свое время писал о боспорских фибулах: «Разработка их типологии и хронологии сыграет весьма важную роль в датировке многих наших памятников»¹⁶. Кажется, эти верные выводы Пудовина сыграли тогда не последнюю роль в ориентации научных интересов А.К. Амброза. Идеи В.К. Пудовина автор подтвердил, откорректировал и развил на более высоком уровне и своде фибул и в докторской диссертации. В целом глава «Боспор» весьма содержательна – по

каждой категории материальной культуры (фибулы, пряжки, седла и т.д.) дается детальный и квалифицированный обзор, настолько самостоятельный и обширный, что это подчас вуалирует основное – хронологию раннесредневековых древностей Боспора. Мы кратко остановимся на вопросе об изделиях в стиле инкрустации. А.К. Амброз посвящает ему немало страниц, многие из них написаны блестяще¹⁷ и читаются с неослабевающим интересом. Автор вполне обоснованно отводит широко распространенный тезис (которого придерживался и я) о том, что основная масса вещей полихромного стиля относится к догуннской эпохе, в том числе такие классические находки как Шимлеул Сильваней и Унтерзибенбрунн в Средней Европе. Это влечет за собой другой существенный вывод чисто исторического характера – изделия полихромного стиля не могли быть распространены по Средней и Западной Европе переселенцами – аланами. Прежде всего, это касается больших двупластинчатых фибул, усыпанных цветными вставками. А.К. Амброз пишет о них: «ошибаются те, кто приписывает большие фибулы типа Унтерзибенбрунна, Качина и Круглицы аланам. Их могли носить женщины различного происхождения, но сам обычай и форма фибул связаны с древнегерманскими традициями эпохи переселения народов»¹⁸.

Действительно, в догуннское время таких фибул нет в Северном Причерноморье, Поволжье и на Северном Кавказе. Основная их масса найдена в среднем Подунавье и прилегающих районах, поэтому «невозможно говорить о прямом переносе на запад восточно-сарматских древностей IV в.»¹⁹. А.К. Амброз находит возможным говорить о перенесении на запад лишь отдельных элементов будущего стиля²⁰. Здесь же автор делает вывод о том, что «на Дунае эти элементы подвергались переработке и постепенно слились в единый сплав новой археологической культуры, принадлежавшей разноплеменной верхушке гуннского объединения»²¹. В принципе этот вывод не нов – в 50-х гг. о том же писал видный немецкий археолог И. Вернер²², а в 1923 г. (в хорошо известной А.К. Амбразу публикации луврской коллекции из Керчи Мессаксуди). Те же идеи впервые сформулировал М.И. Ростовцев²³, считавший, что полихромный стиль стал «стилем хозяев, господствующего класса населения, стилем княжеских и королевских дворов, стилем Гензериха, Теодориха, Атиллы», что хронологически относится, как известно, не только к V в., но и к VI в. (Теодорих – 493–526 гг., точнее до падения остготского государства в Италии в 555 г.). Из этого не совсем четко сформулированного положения вытекает, что М.И. Ростовцев был склонен время бытования полихромного стиля в Европе доводить по крайней мере до середины VI в., что согласуется и с хронологическими выводами А.К. Амброза.

В связи с критикой А.К. Амброзом гипотезы М.И. Ростовцева о роли аланских переселенцев в распространении полихромного стиля на западе им критически, но с большим научным тактом, оценивается и опубликованная в 1961 г. статья В.А. Кузнецова и В.К. Пудовина об аланах в Западной Европе в эпоху «великого переселения народов»²⁴. Авторы упомянутой статьи хорошо понимали спорность аланской атрибуции рассматриваемого ими европейского археологического материала и подчеркивали, что они не претендуют на решение этой сложной проблемы. Возражая Кузнецову и Пудовину, А.К. Амброз пишет: «В.А. Кузнецов и В.К. Пудовин связали карту Лидза с аланскими союзниками вандалов, аргументируя тем, что вандалы прошли этот путь быстро, а группы алан постоянно отрывались от основной массы и подолгу жили на Дунае и в Северной Франции. Французский археолог Э. Сален также приписал французские двупластинчатые фибулы аланам»²⁵. Сказалось отсутствие сводки таких фибул с территории СССР. Когда она была Амброзом составлена, выяснилось, что аланам догуннской поры двупластинчатые фибулы не были известны. Поэтому такая широкая, слишком общая постановка вопроса: «аланы как распространители двупластинчатых

фибул вообще – не имеет теперь под собой конкретного содержания»... и далее: «ни одной могилы (Западной Европы – *В.К.*) по этому признаку (полихромному стилю – *В.К.*) алану не приписать: с таким же успехом ее можно по другому признаку приписать совсем другому народу»²⁶. Но Кузнецов и Пудовин не связывали европейские двупластинчатые полихромные фибулы типа Унтерзибенбрунна, Рабапордани и Эрана этнически с аланами и не считали их вещами аланского происхождения – напротив, они указывали (что подчеркивает и А.К. Амброз), что «основная масса полихромных фибул сосредоточена в области Среднего Дуная»²⁷, и что аланы лишь могут быть одними из вероятных переселенцев, которые их со Среднего Дуная занесли далеко на запад. Что говорит в пользу данной гипотезы?

В Унтерзибенбрунне, Рабапордани, Левице – Лева, Лаа, Мархегге и др. мы имеем в составе комплексов типичнейшие сармато-аланские металлические зеркала, положенные в разбитом виде²⁸. Это ритуальное действие, связанное с погребальным культом сармато-аланских племен юга Восточной Европы, что доказывать здесь нет надобности. Известно также, что при относительно быстрой смене украшений, форм керамики, деталей вооружения и пр., в условиях подвижного образа жизни эпохи переселения народов погребальный обряд отличается значительно большей консервативностью и устойчивостью. Поэтому я не вижу оснований, подобно А.К. Амброзу, девальвировать столь безоговорочно особенности погребального ритуала и считать, что сармато-аланские зеркала ничего не дают. И если по полихромным вещам действительно приписать те или иные погребения аланам трудно, то наличие совершенно чуждых для Западной Европы металлических зеркал, связанных с таким же чуждым для европейской среды ритуалом, для нас представляется весьма показательным. В самом деле – что противоречит отождествлению могил Европы с разбитыми металлическими сармато-аланскими зеркалами V в. с сармато-аланскими переселенцами? Кажется, ничто. При этом мы, разумеется, не оспаривали в 1961 г. и не оспариваем сейчас того, что на культуру этих переселенцев оказали большое влияние местные культурные традиции и что «местная культура германских племен, несомненно, наложила на них свой отпечаток». Поэтому неудивительно, что «аланские вещи мы сплошь и рядом встречаем вместе с вещами местного происхождения»²⁹.

Итак, упрек в адрес Кузнецова и Пудовина в том, что они приписали двупластинчатые фибулы Европы аланам, которые их не знали в догуннский период – не основателен, ибо Кузнецов и Пудовин, как и А.К. Амброз, центром производства полихромных двупластинчатых фибул считали Средний Дунай, откуда аланы, наряду с другими племенами гуннского союза, могли эти фибулы занести во Францию. Исследованиями французских археологов «постамбровского» времени М. Казанского и Кристиана Пеле убедительно показано распространение ювелирных полихромных изделий в стиле «клуазоне» конца IV – первой половины V в., в том числе и пластинчатых фибул, в ходе передвижения германцев – готов³⁰. Дунайское влияние, по М. Казанскому, прослеживается на степи Понта во второй половине V в.³¹

Судя по некоторым археологическим данным, восточноевропейское и, возможно, кавказское население в Паннонии в эпоху «переселения народов» было не столь эфемерным, как это может показаться. Имеем в виду опубликованный в 1955 г. М. Пардуцем Чонградский могильник в Венгрии, который автор публикации прямо связывает с Кавказом в этническом и культурном отношении, датируя могильник концом IV в. Согласно Пардуцу, население, оставившее могильник, состояло из «коренного кавказского населения», из сарматских – аланских – племен и, возможно, из германских (гепидо-готских) элементов»³². Интерпретация Пардуцем обряда погребения, как чисто кавказского, допускает возражения³³, но материальная культура (особенно керамика) содержит ряд вполне убедительных параллелей с синхронными древностями Северного Кавказа. А.К. Амброз этот любопытный памятник не затрагивает.

Очень интересные страницы диссертации посвящены проблеме готов в Крыму. Новейшее и весьма тщательное исследование истории крымских готов опубликовано в 2001 г. Х.-Ф. Байером³⁴. Очертив Среднее Подунавье, как центр развития полихромного стиля V в., А.К. Амброз пишет: «В VI в. влияние из Подунавья продолжалось: был усвоен гото-гепидский женский наряд из пары пальчатых фибул на плечах и большой орлиноголовой пряжки на широком поясе... Массовое появление гото-гепидского женского костюма в городе Боспоре VI–VII вв. можно объяснить только близким соседством готов-тетракситов...»³⁵. Проблема готов проходит и через следующую главу «Юго-западный Крым», где с готами связываются могильники типа Суук-Су, дающие крупные двупластинчатые фибулы и орлиноголовые пряжки. Последние на юге СССР найдены там, где до VII в. и позже жили остатки готов (Суук-Су, Лучистое, Боспор). У А.И. Айбабина ранние склепы четвертой группы принадлежали аланам³⁶, а орлиноголовые пряжки датируются VI–VII вв.³⁷ Особо выделим заключение А.К. Амброза о том, что ближайшие аналогии фибулам Суук-Су дают фибулы вестготов в Испании³⁸. Действительно, Ганс Цайсс в своей монографии 1934 г. о находках из испанской империи вестготов приводит клепанные двупластинчатые фибулы с накладками, довольно близкие таким же фибулам из Суук-Су³⁹. Существенно то, что фибулы этого типа зафиксированы почти на противоположных концах Европы, тогда как в промежуточной зоне и, в частности, в Паннонии, их нет. Чем объясняется этот феномен?

А.К. Амброз осторожно пишет: «Чем это объяснить – пока не ясно, может быть, переселились какие-то группы населения, может быть, сказались контакты мастеров»⁴⁰. Если это не чистая случайность (что кажется маловероятным), то о столь далеких контактах мастеров вряд ли можно говорить. Мне кажется, что объяснение этого явления миграцией населения выглядит убедительнее, особенно на фоне установленных европейской наукой фактов сильного культурного влияния, шедшего с юга СССР с III в. н.э. на север и северо-запад Европы. Имеем в виду, прежде всего, известный труд Б. Салина «Древнегерманский звериный стиль»⁴¹, где показано южно-русское происхождение германского звериного стиля, а также труд Маркса Эберта «Южная Россия в древности»⁴², подтвердивший выводы Салина. Несколько отвлекаясь, отметим, что факты далеких миграций германских племен на территории Южной России не единичны. Хорошо известно, что в III в. в Крым из Северного Причерноморья вторглись готы, расселившиеся среди местного населения, «основу которого составляли аланы, ассимилировавшие потомков тавро-скифов»⁴³. Эти положения разделял и А.К. Амброз⁴⁴. Уместно напомнить, что исландский историк XIII в. Снорри Стурлессон донес до нас историческое предание о том, что древнегерманские боги асы некогда жили восточнее реки Тана (Дон), их страна называлась Асахейм, а главный город – Асгард⁴⁵. Отсюда Один со своим народом переселился на запад в страну саксов, а затем на север к морю, где поселился в местности Старая Сигтуна у озера Мелар, т.е. в Швеции, в районе города, бывшего в XI–XII вв. политическим и культурным центром Скандинавии. Связь между фактами разрушения Танаиса около середины III в. и фактами, сообщаемыми Снорри Стурлессоном вполне допустима, хотя, конечно, и не доказана. Реальность пути древних германцев с юга России в Скандинавию признаётся рядом европейских ученых, начиная с того же Б. Салина (который считал, что с юга России в Скандинавию в IV в. вернулись герулы, они принесли на север руническое письмо и культ Одина), а после капитального исследования Акселя Ольрика⁴⁶ значительное юго-восточное влияние на мифологию германских народов стало считаться доказанным. В частности, Ольрик убедительно связывал скандинавский миф о скованном Локи (как и греческий, о скованном Прометее) с Кавказом, что позже было дополнительно развито в специальной монографии

Жоржа Дюмезиля⁴⁷. Все эти мотивы в германский фольклор могли попасть, скорее всего, при посредстве готов, в эпосе скрывающихся под именем «Асов».

Мы привели эту логическую цепь фактов и вполне допустимых гипотез для того, чтобы показать возможность этнических связей между готами Крыма и Испании, причем не исключена и миграция этих этнических групп.

В своей диссертации А.К. Амброз отводил значительное место западным элементам в материальной культуре юга Восточной Европы V–VII вв. В этой связи укажем, что отмеченное диссертантом явление не стоит изолированно: в специальном исследовании Ю.В. Кухаренко показано довольно широкое распространение латенских вещей в Восточной Европе вплоть до Северного Кавказа. Важно то, что Ю.В. Кухаренко установил наибольшее распространение западного импорта и местных подражаний ему именно в позднелатенский период, т.е. в период, непосредственно примыкающий к изучаемому А.К. Амброзом. По Кухаренко, это распространение элементов латенской культуры следует связывать с продвижением кельтских племен на восток⁴⁸. Жаль, что А.К. Амброз совершенно не коснулся этих сюжетов, составляющих как бы предысторию изучаемой им эпохи.

Мы коснулись лишь некоторых вопросов, поставленных в главах о Боспоре и Юго-Западном Крыме. Кратко остановимся на главе о Кавказе.

А.К. Амброз справедливо указывает, что «общий недостаток большинства работ по раннему средневековью Северного Кавказа – отсутствие детальной классификации всей суммы находок... датировки растянуты и неточны, наряду с новыми датировками сохраняются устаревшие, не проверенные заново»⁴⁹. Оспаривать это трудно.

Основные выводы диссертанта по хронологии раннесредневековых памятников Северного Кавказа мы принимаем. Они опубликованы в предшествующих статьях А.К. Амброза и вошли в научный оборот археологов-кавказоведов. Разумеется, устанавливаемая А.К. Амброзом хронология раннесредневековых памятников Кавказа представляет лишь вехи; северокавказский материал исчерпан далеко не полностью, он гораздо значительнее и детальная хронологизация еще впереди. Но то, что диссертант не только остро поставил проблему хронологизации кавказских древностей, но и наметил опорные точки этой будущей системы, представляет его научную заслугу. Нельзя не согласиться с заключением А.К. Амброза о том, что раннесредневековые памятники Северного Кавказа абсолютно датируются только по аналогиям в Крыму и на Дунае. К этому добавим, что некоторые памятники VIII–IX вв. поддаются синхронизации с могильниками салтово-маяцкой культуры, а значительное число византийских импортных вещей на Северном и особенно Северо-Западном Кавказе (к числу их автор относит великолепные ювелирные украшения из Джигинской, тисненые поясные наборы из Камунты, сюда же, несомненно, относятся и многие вещи из могильников Черноморского побережья, роскошные серьги из той же Камунты и т.д.) делает перспективным и их использование. К сожалению, эти византийские импорты сами датированы неудовлетворительно. В могильниках Северного Кавказа нередки стеклянные сосуды, которые в виду своей хрупкости и недолговечности могут быть ценным материалом для построения хронологии и получения «узких дат». В этом свете представляется интересной полемика А.К. Амброза с Н.П. Сорокиной относительно датирования стеклянных сосудов, главным образом стаканов, украшенных каплями синего стекла. Основание для нее дали стеклянные стаканы варианта I B из могильника Гиляч в Карачае. Н.П. Сорокина⁵⁰, как и Т.М. Минаева⁵¹ склонна датировать могилы 4 и 5 Гиляча началом V в., с чем не согласен А.К. Амброз, указывающий на то, что упомянутые стаканы встречены с двухпластинчатыми фибулами II подгруппы, относящимися к более позднему времени. «Стеклянные чашки с налечами из Гиляча не могут ограничить дату, т.к. в Абхазии встречались и позже», – пишет автор⁵². Однако в Абхазии стеклянные

сосуды с синими налепами иных форм, нежели в Гиляче; гилячские стаканы, как это показано Н.П. Сорокиной, представляют самостоятельный вариант и нигде аналогий не имеют. Следовательно, ставить их в связь с сосудами из Абхазии нет необходимости, тем более, что сама Н.П. Сорокина отмечает возможность бытования стеклянных сосудов с синими налепами вплоть до VII в.⁵³ В то же время, полемизируя с Н.П. Сорокиной, А.К. Амброз в другом месте своей диссертации отнес могилы 4 и 5 Гиляча к V в.⁵⁴, что полностью соответствует датировке Сорокиной. Как видим, четкой картины в этом вопросе еще нет и делать окончательные выводы, по-видимому, преждевременно.

А.К. Амброз делает существенный вывод о том, что основная масса раннесредневековых могил Северного Кавказа появляется с VII в.⁵⁵ Число могил V–VI вв. здесь пока действительно невелико.

После защиты А.К. Амброзом докторской диссертации в 1974 г., было опубликовано погребение с золотыми инкрустированными украшениями, которое авторы публикации считают «чисто гуннским погребением» у г. Зеленокумск Ставропольского края⁵⁶. Ряд захоронений (точнее нет) гуннского времени открыт в 1996–1997 гг. при охранных раскопках Зарагижского катакомбного могильника в Кабардино-Балкарии, причем особо выделяется комплекс из дромоса катакомбы 118⁵⁷. К сожалению, этот материал остается не введенным в научный оборот. Наконец, не могу не обратить внимание исследователей на костяной гребень, найденный в 1991 г. в разведочной траншее на Бабугентском поселении Кабардино-Балкарии. Автор раскопок Б.Х. Атабиев характеризует гребень: «трехчастный гребень IV–V вв. (тип III, вариант I по Thomas S.)»⁵⁸. Замечу, что аналогичные гребни черняховского типа и указанного Атабиевым времени распространились в Западной Европе вплоть до Франции⁵⁹. Теперь подобные артефакты (насколько знаю, впервые) стали выявляться на Северном Кавказе.

Рассматривая большие ажурные поясные бляхи из аварского могильника Бежта (Дагестан), А.К. Амброз делает заключение о том, что «в VIII в. на Северном Кавказе происходит вторичное после кобанской эпохи рождение в металле звериного стиля, связанное, вероятно с последним периодом родового строя»⁶⁰. К этому добавим, что отдельные литые бронзовые предметы (главным образом подвески в виде фигурок животных) встречены в незначительном количестве в раннесредневековых могильниках Ингушетии, хронологически до VIII–IX вв. (Гоуст). И пряжки, и фигурные подвески эти настолько тождественны с кобанскими, что такой знаток кобанских бронз, как Е.И. Крупнов, их не различал и считал предметами вторичного использования в могилах средневековья.

Вновь подчеркнем хронологические связи древностей V–VII вв. Крыма и Северного Кавказа, на что настойчиво обращал внимание А.К. Амброз. По его мнению, статья В.К. Пудовина о хронологии Суук-Су имеет большое значение для хронологии Кавказа. «Даже простейшее сопоставление хорошо датированных южнокрымских фибул и пряжек с северокавказскими, показало необходимость критической переоценки существующей хронологии», – писал исследователь. Заметим, кстати, что по подобной переоценке и хронологизации раннесредневековых древностей Северного Кавказа до сих пор сделано мало и исключением могут быть лишь разработки Г.Е. Афанасьева и В.Б. Ковалевской.

Среди поздней группы памятников «эпохи салтовской культуры» на Северном Кавказе А.К. Амброз выделил три могильника – Чми, Галиат и Песчанку. Хронология могильника Чми расчленена на три этапа: 1. Вторая половина VII в., 2. Первая половина VIII в., 3. Вторая половина VIII–X в. (основная масса могил)⁶¹. Тем самым создана база для дальнейших исследований комплексов катакомбного могильника Чми, которые в сочетании с материалами «Мокрой балки» близ Кисловодска будут иметь первостепенное значение.

Со дня кончины А.К. Амброза прошло 25 лет, но память о нем не меркнет, как и значение его исследований. «Свет его яркой звезды еще долго будет освещать путь всех увлеченных исследователей», – пишут в мемориальной статье об А.К. Амброзе С.А. Плетнева и А.И. Айбабин⁶². Отметив, что отдельные части докторской диссертации Анатолия Константиновича опубликованы, авторы справедливо подчеркивают: «этот поистине энциклопедический труд становится все более необходимым современным ученым-медиевистам в качестве основной «отправной точки» для дальнейшего изучения раннесредневековой археологии». Выразим надежду на то, что институт археологии РАН, где работал А.К. Амброз, найдет возможность издать монографию этого крупного российского археолога в полном объеме.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив Института археологии РАН. Фонд Р–2. № 2142.
2. *Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы (часть 1) // Советская археология. М., 1971. № 2; *Он же.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы (часть 2) // Советская археология. М., 1971. № 3; *Он же.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VII вв.) // Советская археология. М., 1973. № 4.
3. *Амброз А.К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 10–23.
4. *Амброз А.К.* Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. // Свод археологических источников. М, 1966. Вып. Д 1. С. 30.
5. *Амброз А.К.* Фибулы юга ... С. 7.
6. *Шукин М.Б.* Об «узких» и «широких» датировках // Проблемы археологии. Сборник статей в память профессора М.И. Артамонова. Л., 1978. Вып. II. С. 28–32.
7. *Амброз А.К.* Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М., 1989.
8. *Абрамова М.П.* Предисловие редактора к: *Амброз А.К.* Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М, 1989. С. 4.
9. *Ариховский А.В.* Основы археологии. М., 1954. С. 3.
10. См.: *Кузнецов В.А.* Некрополь Сен-Мартен де Фонтене в Нормандии: некоторые итоги исследования (материалы эпохи Великого переселения народов) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1998. Вып. VI. С. 752–758; *Мастыкова А.В.* Франко-российское сотрудничество в области раннесредневековой археологии // Российская археология. М., 1999. № 4. С. 241–244.
11. *Амброз А.К.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы // Дисс. ... докт. истор. наук. М., 1974. Архив Института археологии РАН. Фонд Р–2. № 2142. С. 4–5.
12. *Трапи М.М.* Культура Цебельдинских некрополей // Труды. Тбилиси, 1971. Т. 3. Табл. I–XXVI; *Шамба Г.К.* Ахаччараху – древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970; *Воронов Ю.Н.* Научные труды. Сухум, 2006. Т. I. С. 147–212.
13. *Амброз А.К.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы ... С. 33.
14. *Артемов В.В., Бутомо С.В., Дрожжин В.М., Романова Е.Н.* Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду C¹⁴ // Советская археология. М., 1961. № 2. С. 3–11.
15. *Мартынов А.И., Шер Я.А.* Методы археологического исследования. М., 1989. С. 178–187.
16. *Пудовин В.К.* Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су (550–650 гг.) // Советская археология. М., 1961. № 1. С. 177.
17. Напр.: *Амброз А.К.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы ... С. 81–82.
18. *Амброз А.К.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы ... С. 88.

19. Амброз А.К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы ... С. 121.
20. Амброз А.К. Указ. соч. С. 132.
21. Амброз А.К. Там же. С. 132.
22. Werner Joachim. Beitrage zur Archaologie des Attila-Reiches. München, 1956. A. S. 17.
23. Rostovtzeff M. Une trouvaille de lépoque greco-sarmate de Kertch au Louvre et au Musée de Saint-Jermain. Monuments et memoires publiés par l'Académie des Inscriptions et Belles – Lettres. Fondation E. Piot. Paris, 1923. V. 26.
24. Кузнецов В.А., Пудовин В.К. Аланы в Западной Европе в эпоху «Великого переселения народов» // Советская археология. М., 1961. № 2. С. 79–95. См. также: Кузнецов В.А. Аланы на Западе: археологическая реальность или миф? // Российская археология. М., 1996. № 4. С. 71–79.
25. Salin E. La civilisation merovingienne d'après les sepultures, les textes et le laboratoire. Paris, 1949. T. 1. С. 312–318.
26. Амброз А.К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы ... С. 131.
27. Кузнецов В.А., Пудовин В.К. Аланы в Западной Европе в эпоху «Великого переселения народов» // Советская археология. М., 1961. № 2. С. 92.
28. Werner Joachim. Beitrage zur Archaologie des Attila-Reiches. Munchen, 1956. A. С. 24; Werner Joachim. Beitrage zur Archaologie des Attila-Reiches. - Munchen, 1956. В. Табл. 13, 1, 2, 4, 5; Табл. 44–45, 48, 74 (карта).
29. Кузнецов В.А., Пудовин В.К. Аланы в Западной Европе в эпоху «Великого переселения народов» // Советская археология. М., 1961. № 2. С. 89.
30. Kazanski Michel. Pilet Christian. L'integration des Barbares dans la société gallo-romaine // Pour la science, Juin. 1998. № 248. С. 78–85, Рис. 6; Kazanski Michel. Les relations entre les Slaves et les Goths du IIIe siècle // Revue des etudes slaves. Paris, 1993. Fasc. 1. T. LXV. С. 7–20.
31. Kazanski Michel. L'influence danubienne dans la steppe pontique pendant la seconde moitié du Ve siècle: le rôle des Angiskires // Medieval Europe, 1992. V. 4. С. 139–144.
32. Parducz M. Archäologische Beiträge zur Jeschichte der Hunnenzeit in Ungarn // Acta Archaeologica. Budapest, 1959. T. XI, 1–4. С. 385.
33. Кузнецов В.А., Пудовин В.К. Аланы в Западной Европе в эпоху «Великого переселения народов» // Советская археология. М., 1961. № 2. С. 81.
34. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.
35. Амброз А.К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы ... С. 191–192.
36. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 71.
37. Айбабин А.И. Этническая история ... Табл. XXIX.
38. Амброз А.К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы ... С. 207.
39. Zeiss Hans. Die grabfunde aus Spanischen Westgotenreich. Berlin und Leipzig, 1934. Taf. I, 4.
40. Амброз А.К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы ... С. 207.
41. Salin B. Die altgermanische Jerornamentik. Stockholm, 1904.
42. Ebert M. Südrusland im Altertum. Bonn und Leipzig, 1921.
43. Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 214.
44. Амброз А.К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы // Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. М., 1974. С. 24.
45. Эдда. Скандинавский эпос. Перев. С. Свириденко. М, 1997. С. 97–98.
46. Orlík A. Ragnarok. Die Sagen vom Weltuntergang, übersetzt von W. Ranisch. Berlin–Leipzig, 1922.
47. Dumesil Georges. Loki. Darmstadt, 1959.
48. Кухаренко Ю.В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // Советская археология. М., 1959. № 1. С. 31–51.

49. *Амброз А.К.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы ... С. 299.
50. *Сорокина Н.П.* О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // Советская археология. М., 1971. № 4. Рис. 4, 6.
51. *Минаева Т.М.* Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л., 1951. № 23. С. 296.
52. *Амброз А.К.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы ... С. 308.
53. *Амброз А.К.* Указ. соч. С. 93.
54. *Амброз А.К.* Там же. С. 301.
55. *Амброз А.К.* Там же. С. 304.
56. *Охонько Н.А., Отюцкий И.В.* Богатое захоронение гуннского времени у г. Зеленокумска // Советская археология. М., 1982. № 4. С. 242.
57. *Атабиев Б.Х.* Зарагижский и Кашхатауский катакомбные могильники. Некоторые итоги исследований // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения 1971–2006. М., 2008. Вып. VIII. С. 610–611.
58. *Атабиев Б.Х.* Некоторые итоги археологической разведочной экспедиции КБНИИ 1991 г. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения 1971–2006. М., 2008. Вып. VIII. С. 517.
59. *Kazanski Michel, Lapart Jacques.* Quelques documents du V-e siecle ap. J.-C. Attribuables aux Wisigoths Decouverts en Aquitaine // Aquitania, 1995. XIII. С. 193–202.
60. *Амброз А.К.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы ... С. 315.
61. *Амброз А.К.* Там же. С. 313.
62. *Плетнева С.А., Айбабин А.И.* Памяти Анатолия Константиновича Амброза // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1995. Вып. IV. С. 12.

ПОЕДИНКИ В ТРАДИЦИЯХ ФЕОДАЛЬНОЙ ЧЕРКЕССИИ*

В феодальном обществе поединки изначально связаны с ритуалом, с системой установок, обеспечивающих выяснение отношений и разрешение конфликта на основе рыцарского кодекса, на условиях «честной и справедливой игры». В числе главных установлений – вызов на поединок и сражение в условленном месте с применением оружия, с соблюдением целого ряда правил, ограничивающих насилие и не допускающих зверскую расправу одного человека над другим.

Общекультурный смысл поединков сводился, одним словом, к тому, чтобы блокировать бурное развитие конфликта с взаимными оскорблениями, с мгновенным и неожиданным применением силы. Судя по источникам, в феодальной Черкесии к числу действий, порочащих рыцарское звание, относились не только нападение на безоружного противника, но и брань, рукоприкладство, публичные оскорбления и другие проявления вражды, достойные, по понятиям уорков (рыцарей, дворян) только крестьян и рабов. В общественном месте, особенно в присутствии женщин, враждующим запрещалось демонстрировать неприязненные отношения друг к другу и, тем самым, привлекать к себе внимание публики. Этикет, – как отмечает Хан-Гирей, – обязывал врагов вести себя так, словно между ними ничего не произошло, а в отдельных случаях даже оказывать друг другу различные услуги¹. Ф.Ф. Торнау дополняет эти сведения: «Если обидчик случайно встретит обиженного, то он не должен первый нападать, а вправе только обороняться. В поле он должен уступать ему дорогу, в доме у постороннего тотчас уходить, когда вошел обиженный»². Запрещалось по понятным причинам нападение на соперника врасплох, из-за угла, также точно, как и нападение двух или более человек на одного.

Хорошо известно, что эти правила соблюдались не всеми и не всегда в полном объеме. Но духовную атмосферу и перспективу общества определяли не нарушения установленных правил, а социально признанные нормы, исполнение которых поднимало авторитет человека в глазах окружающих, в его собственных глазах. Распространенные во всех слоях общества, но прежде всего в среде князей и дворян, различные виды и формы поединков воспринимались как механизмы цивилизованного, культурного разрешения конфликтов.

Так, в Кабарде большой популярностью пользовалась дуэль на кинжалах под названием *цлакхуэзэыдзэ* – букв. «вбрасывание бурки». Человек, считавший себя оскорбленным, приглашал обидчика «стать вместе с ним по краям расстеленной на земле бурки» (*цлакхуэ клапэ дыздытегъэувэ*), чтобы сразиться на кинжалах. По условиям поединка противник, не принявший вызов, признавался побежденным, а его соперник мог снять с него все оружие. Если вызов принимался, то в назначенное время в присутствии секундантов соперники встречались в уединенном месте. По обыкновению секунданты пытались уговорить дуэлянтов помириться. Это также входило в общий сценарий поединков, как возможность мирного исхода ссоры. Однако, опасаясь быть обвиненными в трусости, как правило, противники отвергали предложение секундантов и выражали готовность сразиться.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № а/Ю «Древняя и средневековая история адыгов».

Начиналось с того, что инициатор поединка расстилал на земле свою бурку и став на одном из ее краев говорил противнику: «Подойди сюда и стань». Затем каждый из дуэлянтов предлагал нанести удар первым, ссылаясь на какие-либо причины гонофорического плана. Типичные аргументации этого предложения следующие: «ты старше и потому право первого удара за тобой»; «я первый вызвался на дуэль, поэтому теперь ты начинай первым»; «ты гость в наших краях, бей первым» и т.п. Взаимные оскорбления, угрозы, едкие, уничижительные реплики и замечания в адрес противника считались совершенно недопустимыми в данной ситуации. И все это вместе взятое, судя по высказываниям Хан-Гирея, можно было отнести к так называемой «дворянской (т.е. благородной) неприязненности или вражде»³.

По условиям поединка строго запрещалось наносить кинжалом колющие удары, сходить с бурки под натиском противника, бороться, биться кулаками и ногами, применять, помимо кинжала, какое-либо другое оружие. Бурка в этом случае выполняла роль своего рода татами-пространства, определяющего и ограничивающего поле боя. Если соперник, уклоняясь от удара, сходил с бурки, то наступающий получал право колющего удара. Но не все и не всегда считали необходимым воспользоваться этим правом. Предпочтение отдавалось «чистой» победе, одержанной в рамках сражения на расстеленной бурке, и обязательно рубящим, а не колющим ударом. Благодаря этим правилам вероятность смертельного исхода поединков заметно снижалась, хотя случаи тяжелых ранений и увечий были нередки.

Ограничение поля боя буркой придает данной форме дуэлей особый колорит. С важной ролью бурки связано, как сказано, название поединков («вбрасывание бурки»), а также стереотипное выражение, используемое для вызова на дуэль – «Станем по краям бурки». В каком-то смысле бурка напоминает здесь роль, которая отводится перчатке в ритуале вызова на дуэль в странах Западной Европы.

Уместно вспомнить в этой связи и распространенные в народе версии происхождения черкесских дуэлей на бурке. По одной из них начало этой традиции было положено Адиль-Гиреем Атажукиным по прозвищу «Темный князь» (*ПицфИьцIэ*). В конце XVII в. в результате междоусобных войн Кабарда лишилась общепризнанных лидеров. Право на верховную власть имели и оспаривали одновременно несколько князей. Когда при встрече с этими князьями русский посланник спросил, кто из них является правителем страны, неожиданно для всех маленький и невзрачный Адиль-Гирей Атажукин встал и заявил: «Я правитель Кабарды». Затем сбросил с себя бурку, выхватил кинжал и, окинув грозным взглядом собравшихся князей, сказал: «Тот, кто не согласен с этим пусть станет на эту бурку и сразимся». Никто из князей не принял вызова, и Атажукин стал правителем Кабарды.

С этих пор, как утверждают в народе, дуэль *цIакIуэзэьдзэ* распространилась среди черкесов, что является, однако, только легендой. По-видимому, такие дуэли возникли и практиковались задолго до XVII в. С другой стороны, как привычная форма выяснения отношений данная традиция сохранялась довольно долго. По рассказам очевидцев поединки на кинжалах применялся в Кабарде вплоть до 20-х годов XX в. По свидетельству Бетала Ордашева из сел. Дугулубгей, в детстве он видел как на окраине их села таким способом сразились два молодых человека: Кодзоков и Мирзаканов, священнослужитель, преподававший в медресе⁴. Оба были тяжело ранены, но с бурки не сошли. О том, что они неоднократно наблюдали дуэли на бурках, или слышали о них рассказывали мне Гиса Ордоков из сел. Исламей⁵, Хазиз Шагирибеев из сел. Нартан⁶, Хажали Балкаров⁷ из сел. Кишпек и др.

У шапсугов, как свидетельствуют источники, практиковались поединки на стрелах. Здесь также действовали правила и ограничения, придававшие сражению форму «цивилизованного» выяснения отношений, подобие честной и справедли-

вой игры. По условиям поединка противники с тридцатью стрелами в колчанах становились друг напротив друга на расстоянии тридцати шагов и расстилали рядом с собой на земле свои бурки. И тот и другой вынимали из своих колчанов приготовленные заранее стрелы – по тридцать на каждого и аккуратно раскладывали на своих бурках. Затем, договорившись о том, кто будет бить первым, поочередно метали друг в друга стрелы, пока один из дуэлянтов не погибал или не получал тяжелое ранение. Выяснение отношений считалось законченным и в том случае, если, израсходовав все тридцать стрел, противники оставались живы и все еще стояли на ногах. Прекращать дуэль после легкого ранения не полагалось. Делом чести каждого мужчины считалось продолжить бой до тех пор, пока, несмотря на раны, можно было еще устоять на ногах. Либо до тех пор, пока не упадет и не сможет подняться его противник⁸.

Поединок на стрелах – ритуал, уходящий в глубокую древность. Возможно, об этом свидетельствует изображение на одной из плит в известном дольмене в поселке Джубга. Мы видим здесь двух человек, стоящих друг напротив друга в одинаковых позах, напоминающих прицеливание из лука⁹. Хотя археологи предлагают другие объяснения этого рисунка, версию поединка также нельзя исключить, учитывая, кроме всего прочего, нартские сказания, согласно которым строители дольменов были отличными стрелками из лука. То же самое можно сказать об аналогичном рисунке на задней стороне Этокского надгробного памятника, который относят к XI, а иногда и к V в. н.э. Здесь уже более детально представлены изображения двух лучников, готовых пустить друг в друга свои стрелы¹⁰.

Возвращаясь к правилам поединка на стрелах, особо следует сказать, что дуэлянты обязаны были встречать пущенные в них стрелы, стоя как вкопанные. Если же в нарушение этого правила один из них пригибался, отклонялся, отскакивал в сторону и т.п., то дуэль могли прекратить, считая нарушителя побежденным, – умерщвленным, так сказать, символически. В любом случае его признавали трусом и моральную победу присуждали сопернику. Символическая реальность заменяла здесь фактический итог сражения, поэтому большим позором считалось не только нарушить условия поединка, но и не принять вызов на дуэль. По свидетельству Н. Дубровина, в этом случае бросивший вызов признавался победителем и наделялся правом «поступить с побежденным как с убитым, то есть снять с него оружие и обобрать до нитки»¹¹. Тем самым как бы подчеркивалось, что не пристало носить оружие рыцарю, не способному воспользоваться этим оружием.

В качестве примера Дубровин ссылается на инцидент, относящийся к 1840-м годам. Основными персонажами не состоявшегося поединка стали убыхский дворянин Хаджи Берзек и князь Али-бей М. Когда-то они были друзьями и соратниками в общей борьбе с наступавшими царскими войсками и казаками. Но, по прошествии некоторого времени, Али-бей перешел к мирной жизни, подчинился русским, и по слухам (как выяснилось впоследствии, ложным) доставлял им информацию о планах и передвижениях черкесских отрядов. Неожиданно, сопровождаемые большой свитой, бывшие друзья и сподвижники встретились на реке Фарс, и дальше, по словам Н. Дубровина, произошло следующее:

«Берзек стал поносить Али-бея за его отношения с гяурами и вызвал на поединок. Али-бей, известный своею храбростью, отказался, говоря, что не поднимет руки на своего единоверца-магометанина. Тогда Берзек приказал своей свите окружить Али-бея, сам бросился на него, завладел его лошадей, оружием и обобрал до нитки. Конвой, сопровождавший Али-бея, хотя и не уступал числом партии Берзека, но, по черкесскому обычаю, не считал себя вправе вмешиваться в это дело, так как, отказавшись от поединка, Али-бей признал себя побежденным и предался в руки Берзека. Покрытый стыдом, Али-бей сел на лошадь одного из своих подвластных и уехал домой. С тех пор он потерял всякое уважение между черкесами»¹².

Поступок Али-бея неоднозначен. Не исключено даже, что, отказавшись от поединка, он одержал моральную победу. Заботясь в не меньшей степени, чем Хаджи Берзек о сохранении независимости Черкесии, он самим фактом поединка не желал снизить моральный дух и ослабить позиции черкесского воинства. Берзек в свою очередь едва ли был вполне удовлетворен таким исходом дела. Сложное переплетение межличностного и внутриличностного конфликта порождает в таких случаях борьбу мотивов, обусловленную конкуренцией ценностных ориентаций. Неизменной остается, тем не менее, социальная значимость и ценность ритуала как регулятора человеческих отношений, как механизма, не позволяющего опуститься до животного состояния и жестокой расправы над соперником. В данном инциденте это касается в равной степени весьма достойного и сдержанного поведения всех участников конфликта, особенно Али-бея и дворян из свиты с той и с другой стороны.

Эти и многие другие аналогичные примеры свидетельствуют о том, что, как правило, разрешение конфликта через его ритуализацию носит не только драматический, но и этически значимый финал. Хотя нормы рыцарской морали, так называемой «дворянской неприязненности и вражды» соблюдались не всегда, они все же существовали, поэтому реально существовало и стремление, соблюдая эти нормы, прослыть живым воплощением настоящего воина. «Дворянин, – писал в связи с этим А. Кешев, – не довольствовался... репутацией воина бесстрашного, смелого, предприимчивого, испытанного всякого рода лишениями и невзгодами, но метил гораздо дальше, добивался вместе с тем славы благородного, великодушного рыцаря»¹³.

Именно так представлял народ своих кумиров. В произведениях устного народного творчества положительный герой даже в самых драматичных ситуациях, даже на краю гибели, управляя своими чувствами, остается или стремится остаться в семиотическом поле ритуала. Когда кабардинского рыцаря Андемыркана вызывают на охоту его враги и завистники и неожиданно обступают со всех сторон, чтобы убить, первое, что он делает, обороняясь, – клеймит своего ближайшего друга и сподвижника Биту:

ЗыкьридзэкIри Битум и жьакIэр пигъэщц,
«Сыпшыгъупщэнщ», жери и Iэпхъуамбищыр дигъакIуэщ,
«УкьращIэжынщ», жери и нэкIум дамыгъэр кьридзэщ¹⁴.

Обернулся и отсек кинжалом бороду Биту,
«Чтоб не забыл меня», – сказав, отсек три пальца руки.
«Чтоб каждый видел, кто ты есть», – сказав, на лице сделал отметину.

Андемыркану, самому искусному воину Кабарды, даже застигнутому враг-сплох, ничего не стоило просто заколоть Биту. Но в народном сознании такая кара была бы недостаточной для человека, изменившего высоким идеалам мужской дружбы и рыцарского братства. И потому в действие вступают позорящие наказания: сначала отсечение бороды, затем, – чтобы осталась неизгладимая печать позора, – отсечение трех пальцев, и, наконец, как самая большая и суровая кара – клеймение лица. Чтобы лучше понять логику этих действий, нужно вспомнить, что у черкесов, как у русских, англичан, китайцев, у многих других народов мира, лицо считается органом чести, стыда, совести. В силу этих обстоятельств, клеймение лица приобретает особый смысл, как указание на дефект органа чести, на моральную неполноценность человека.

Все, что делает Андемыркан перед своей гибелью, является одновременно напоминанием о том, что Биту и его сообщники нарушили правила поединков, принципы «рыцарской неприязненности и вражды». Ритуализация конфликта

осуществляется в данном случае за счет этической рационализации отношений и ситуации в целом, с использованием для этого элементов исторически сложившейся образно-знаковой системы.

Показательна во всех этих отношениях дуэль князя Кушука Ажгирея и перво-степенного дворянина Эдига Астемира. Причиной дуэли стало участие Астемира на стороне русских войск в уничтожении жителей большого аула Али Карамурзина на Лабе 1 апреля 1825 года¹⁵. В ходе зверской расправы над жителями аула Астемиров захватил одну из жен Карамурзина Ханиш Эльмесхан и фактически превратил ее в свою наложницу. Отсюда желание Ажгиреева не только убить Астемирова, но и вызволить несчастную Эльмесхан. Вскоре после бойни на Лабе он, преодолев расстояние почти в 500 км, достиг окраин аула Астемира в Малой Кабарде. Чтобы вызвать Эдига на дуэль Кушук использовал традиционный прием – имитацию угона табуна лошадей Астемира. И Астемиров принял этот вызов, о чем подробно пишет Н. Дубровин:

«Однажды в аул, где жил Астемир, прискакал табунщик и сказал, что князь Аджи-Гирей среди белого дня угнал табун его в горы. Астемир сразу догадался, что Аджи-Гирей вовсе не нужны его лошади и, чувствуя за собою вину, понял зачем приезжал его кровник. Отважный и решительный по природе, он не захотел уклониться от встреч с врагом и с несколькими нукерами пустился в погоню. Табун настигли скоро. Завидев Аджи-Гирея, Астемир крикнул ему: «Ты приехал за моею женою, так бери же ее, если сможешь!» Тогда по старому адату уздени отъехали в сторону, и оба противника понеслись друг на друга. Одновременно в руках их сверкнули винтовки, грянули два выстрела, но обе пули пронесли мимо. Тогда Аджи-Гиреев успел выхватить из-за пояса свой пистолет, и Астемир был убит наповал»¹⁶.

Рассказывают, что после этого Кушук Ажгирей, не встретив никаких препятствий, вошел со своей свитой в аул Астемира и взяв с собой Эльмесхан увез ее за Кубань¹⁷.

Одновременно с этим другой кабардинский князь Магомет-Аш Атажукин, племянник Али Карамурзина, застрелил дворянина Шовгурова, также принимавшего участие в уничтожении аула на Лабе. «По княжескому обычаю, – пишет Н. Дубровин, – он снял с убитого оружие, положил его подле трупа, накрыл тело буркой и, стреножив коня, пустил его возле коня»¹⁸. Как видно, такие действия по отношению к поверженному врагу были исполнением общепринятых правил, предусмотренных адатом и рыцарским кодексом. К числу этих правил следует отнести также и сдержанность в высказываниях о том или ином своем подвиге, о противнике, убитом в бою или в поединке. Согласно сохранившимся в народе преданиям, об убийстве Шовгуровых* Магомет Аш сообщил в предусмотренной для таких случаев вежливо-скромной манере: «Ержиб прогремел, сыновья Шовгура взревели» – *Ержыбыжыр гъуэхъуац, Щогъур и къуэжытЫр гъуэгац*¹⁹. Тем самым князь избежал прямого высказывания о совершенном им акте возмездия.

Боясь унижить противника и прослыть нескромными, князья и дворяне старались как можно меньше говорить о своих победах и подвигах или не говорить о них вообще. По свидетельству Хан-Гирея, знаменитый хейгакский князь Бгажиноко Бекмурза приказал выбросить из песни, сочиненной в честь его подвигов, слова унижающие достоинство убитого им соперника²⁰. Даже самые яркие и драматичные страницы своей жизни князья и дворяне представляли кратко, без всякого бахвальства и аффектации. Это было жесткое требование, предъявляемое к ним рыцарским кодексом *уэркъ хабзэ*. Поэтому для победы над противником были

* По рассказам информантов брата Шовгуровы доложили Вельяминову о том, что большая часть мужчин аула находится в походе, что можно воспользоваться этим для неожиданного нападения на его жителей.

выработаны специальные вежливо-скромные выражения. Вместо того чтобы сказать «Я выстрелил и противник упал», рекомендовалось сказать «Ружье, что было в моей руке выстрелило, и противник упал» – *Си Iэм IэцIэль фочыр уэри лЫр джэлац*. Если возникала необходимость сказать: «Я выхватил кинжал и, ударив врага, ранил его», уместным считалось сказать «Кинжал, что был в моей руке, опустил и ранил врага» – *Си Iэм IэцIэль кьамэр ехуэхри лЫр улэгъэ хьуац*.

В данной связи особо следует отметить, что победа над противником не была для адыгов ни самоцелью, ни тем более безусловным свидетельством силы, мужества и превосходства над врагом. Она воспринималась скорее как счастливый случай, как подарок судьбы. И отсюда характерное для рыцарей сообщение об этом: *Си насып текIуац* – букв. «Мое счастье победило». Тем самым подчеркивается, что внешняя сторона победы зависит во многом от того, как повернется колесо фортуны. Что же касается истинного мужества, то оно воспринималось всегда как способность действовать в точном соответствии с идеалами рыцарской чести. Отсюда известное выражение, которое каждый рыцарь произносил как заклинание: *Си лыгъэм кьимыхьыр, си насып кьыремышь* – «Да не пошлет мне удача того, что я не заслужил своим мужеством».

Все это вместе взятое позволяет понять, что разрешение конфликтов через поединки, через механизм ритуализации отношений зависит от культурно-исторического контекста и дискурса, в рамках которого возникают и развиваются эти конфликты, от специфики имеющихся в распоряжении общества образно-знаковых средств и приемов, противостоящих эскалации насилия. Формула этой зависимости проста: воздействуя на конфликт, актуальная на данный момент обшая ситуация и культура порождают соответствующие способы их разрешения. Вспомним в этой связи ставший хрестоматийным поединок Мстислава и Редеди, позволивший росам и черкесам договориться об условиях совместного проживания на Тамани, не проливая кровь тысяч воинов. Примером ритуализации боевых действий и сражений может служить и поступок шапсугского предводителя Гузбека Шеретлоко, прототипа Казбича в известной повести М.Ю. Лермонтова.

Возвращаясь с тысячным войском из похода, Гузбек неожиданно наткнулся на сравнительно маленький отряд казаков. Несмотря на свою малочисленность, казаки смело вступили в бой с черкесами. Увидев это и по достоинству оценив храбрость противника, Гузбек счел для себя постыдным атаковать казаков всем войском и заставил своих воинов сразиться с ними тем же числом – в равном бою. Тем самым каждой из сторон были предоставлены равные шансы на смерть и выживание. Вот как пишет об этом анонимный французский автор в воспоминаниях, изданных в Париже в 1837 г.:

«В 1834 году отряд линейных казаков, числом не многим более 300 человек, был достигнут врасплох отрядом черкесов из племени шапсуг численностью более 1200 всадников. Этот отряд совершал рейд по русским землям, под командованием старого воина Гузбека, известного на всю Черкесию своей отвагой и боевыми успехами, действительно необычайными. То ли из-за невозможности ускользнуть от черкесов бегством, то ли из желания померяться с ними силой, решив проверить их в открытом бою, одним словом, казаки решили атаковать черкесов сходу. Вскоре начался неравный бой, результат которого можно было легко предугадать. Но Гузбек, видя героический настрой казаков, пожелал засвидетельствовать свое восхищение их мужеством: он приказал приостановить начавшееся сражение на некоторое время, и вскоре бой разгорелся вновь, но только число сражавшихся было теперь равным. Все остальные черкесы были лишь зрители шедшего боя»²¹.

Иллюстрацией импровизированных, но типичных для Черкесии форм ритуализации конфликта может служить развязка вражды между кабардинским князем Магометом Атажукиным и бесленейским князем Адильгиреем Каноковым.

Известно, что конфликт возник из-за того, что Атажукин отнял у Адильгирея его невестку (кабардинскую княжну), совершив нападение на свадебный кортеж, подъезжавший к усадьбе Канокова. Через несколько лет после этого, в 1846 году, Магомет Атажукин, окруженный своими дворянами проезжал по землям, принадлежащим Каноковым. Слуги доложили об этом Адиль-Гирею, приговаривая между собой, что, видимо, Атажукиным мало невесток Каноковых, и теперь они едут отбирать у них жен. Взбешенный Адиль-Гирей вместе с группой дворян и двумя своими сыновьями поскакал наперерез Атажукину. Магомет, увидев несущихся на него Каноковых, меткими выстрелами поразил несколько человек, включая Адиль-Гирея и его старшего сына. Остался второй малолетний сын Канокова, который приближался к Магомету на полном скаку, вскинув ружье. Магомет медлил с выстрелом и тогда, встревоженный этим, его оруженосец Сальпы, вскрикнув «Этот мальчик убьет тебя», прицелился в юного Канокова. Но Магомет спокойно положил руку на ружье своего оруженосца и сказал: «Оставь. Не стоит смешивать мою кровь с молоком этого младенца». Тем временем младший сын Канокова поравнялся с Магометом и выстрелом в упор убил его²².

Трупы погибших в перестрелке, – по свидетельству К.Ф. Сталя их было четырнадцать²³, – были доставлены в дом Каноковых. Убитая горем княгиня принялась причитать и оплакивать мужа и старшего сына, тела которых внесли и положили в кунацкой. Увидев затем, что труп Магомета Атажукина брошен на пороге кунацкой, замолкла и распорядилась: «Он хоть и враг, но все же гость, перенесите на почетное место». Тем самым княгиня перевела кровную вражду, которая могла разгореться с еще большей силой, в плоскость ритуала и обычая гостеприимства. Таким же, блокирующим, останавливающим дальнейшее кровопролитие, был благородный поступок Магомета Атажукина, посчитавшего постыдным для себя хладнокровное убийство юного Канокова.

Получив большую огласку, эти поступки (продиктованные, во-первых, почитанием детей и детства, во-вторых, – ритуалом и заповедью гостеприимства) стали основой для примирения двух могущественных княжеских семей Черкесии.

Невозможно отрицать влияние множества других подобных фактов на духовную атмосферу Черкесии. В условиях непрерывной борьбы за власть, непрерывных больших и малых войн, характерных для феодального общества, этически заданная и аргументированная ритуализация поединков и боевых действий становилась в Черкесии одной из действенных форм постепенного перехода к сравнительно мирному сосуществованию, к ограничению и прекращению бессмысленной вражды и взаимного уничтожения.

При этом система адыгского феодализма оставалась в целом весьма противоречивой и архаичной. Черкесы, по словам Дж. Лонгворта, «превратились не только в хранителей старых доспехов и костюмов, но также и устарелых норм и обычаев»²⁴. Обращая на это внимание, критически воспринимая достигнутые успехи и дальнейшие перспективы развития черкесского общества и Черкесии, Адиль-Гирей Кешев вложил в уста одного мудрого старца полные сожаления и скепсиса слова: «Род адыгский создан Аллахом на подобие собачьего, никогда не было и не будет в нем согласия и доброго совета. Грызть вечно самого себя его удел. И погибнет он не от чужой руки, а от своей собственной»²⁵.

С другой стороны бытописателей Черкесии всегда поражало, что в стране, где почти все мужское население вооружено, сравнительно редко совершаются убийства и другие тяжкие и мелкие преступления. Теофил Лапинский с удивлением отмечал, что даже в условиях Кавказской войны черкесам были чужды такие проявления садизма и жестокости, как изувечение трупов, отрезание голов, ушей, рук, убийство безоружных, гнусности над женщинами и детьми²⁶. Большим

позором считалось убить, ранить или чем-то унижить женщину. «У кабардинцев, – писал в этой связи Н.Ф. Грабовский, – убийство или поранение женщин и детей бывает феноменально редким явлением»²⁷. С пленными русскими офицерами обращались часто как с гостями, о чем свидетельствует барон Торнау. Он пишет, что однажды его посадили за пиршественный стол рядом с легендарным Магометом Колчерукиным (князем Магометом Атажукиным), – честь, которой мог удостоится не каждый²⁸. Характеризуя черкесов, и сейчас неизменно отмечают, что «по нраву они мягки и миролюбивы, и только желание сохранить свою независимость развило в них воинственность»²⁹.

Адыги не признавали войн и поединков без правил, без уважения к сопернику. Очевидцы Кавказской войны не зря подчеркивали, что «воинственный черкесский народ способен чтить мужество и отвагу даже своих врагов»³⁰. Того же ожидали черкесы от царских солдат и офицеров. На этой почве развился своего рода конфликт цивилизаций, который на протяжении ста лет войны отчаянно пытались преодолеть не только адыги, но и прогрессивно настроенные российские офицеры и чиновники.

* * *

Мы убедились, что благодаря внедрению в ткань конфликта символов и ритуалов аффилиативного свойства, создавалась ситуация, обязывающая действовать в соответствии со сложившимися в феодальном обществе представлениями о чести, благородстве, мужестве, – действовать, подчас, в ущерб своим личным эгоистическим интересам, преодолевая гордыню, страх, инстинкт самосохранения. Аффилиативные ритуалы были призваны сгладить или устранить противоречия, установить согласие и поддержать социальный порядок в отношениях между людьми. В повседневном общении в этой роли выступают различного рода этикетные действия (улыбка, радушное приветствие, примирительное рукопожатие, извинение, благодарность), помогающие поддержать или восстановить хорошие отношения, снять или ослабить возникшую напряженность. Для разрешения серьезных конфликтов используются более сложные, специально выделенные ритуальные действия и ритуалы: выяснение отношений и примирение через поединок, через обычай гостеприимства и покровительства, через клятву-присягу, через установление искусственного родства и др. Они приносят в конфликт новое видение ситуации, снижают накал страстей, прокладывают путь к сближению позиций.

Отсюда нравственный пафос этикетных действий и ритуалов, о которых идет речь в настоящей статье, в работах других авторов. В сущности, все или многие подобные ритуалы стали органической частью, смысловой доминантой этических рассказов – одного из самых богатых и сложных жанров в народном творчестве черкесов.

Однако не следует видеть в этих рассказах, в самом механизме ритуализации конфликтов, какое-либо намеренное приукрашивание действительности, мифологизацию образа жизни феодалов и в целом культурной истории черкесов. Ритуализация конфликтов и отражение связанных с этим конкретных событий в этических рассказах – такая же реальность культурной истории черкесов, как и факты насилия, плохо сдерживаемого моральными принципами и установками. Обращая на это внимание, я, вслед за другими исследователями феодального прошлого Черкесии, неоднократно подчеркивал, что зависть, бессмысленная вражда и убийство соплеменников могли бы составить длинный список неприглядных черт и сомнительных деяний черкесской знати.

Но это не отменяет великого замысла и вектора гуманистического развития адыгской культуры, в которой наряду с этикой и этикетом достойное место занимает идеология и повседневная практика ритуализации конфликтов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 297.
2. *Т. (Торнау Ф.Ф.)*. Воспоминания кавказского офицера // Русский вестник, 1864. С. 128.
3. *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. С. 297.
4. Ордашев Б.А. 1894 г.р. Дугулубгей, Кабардино-Балкария.
5. Ордоков Г.И. 1897 г.р. Исламей, Кабардино-Балкария.
6. Шагирбеев Х.Х. 1895 г.р. Нартан, Кабардино-Балкария.
7. Балкаров Х.Б. 1910 г.р. Кишпек, Кабардино-Балкария.
8. Нагучев С. 1873 г.р. Архив Адыгейского института гуманитарных исследований. Ф. 1. Пасп. 34. Д. 113.
9. *Трифонов В.А.* Дольмен в Джубге (предварительные результаты) // Вестник Российского научного гуманитарного фонда. 2009. С. 158.
10. См.: *Охонько Н.А.* Семантика изображений аланской гробницы XI в. Кяфарского городища // Аланская гробница XI века. Ставрополь, 1994. С. 9.
11. *Дубровин Н.* Черкесы // История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 219.
12. Там же. С. 219–220.
13. *Кешев А.* Характер адыгских песен // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980. С. 124.
14. Адыгэ Гуэрыгуатэхэр (Адыгский фольклор). Нальчик, 1969. Т. II. С. 258.
15. По сведениям царских чиновников свыше тысячи жителей, включая детей, женщин, стариков было убито, 139 человек взято в плен. *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. III. Ч. 2. С. 195.
16. Указ. соч. С. 197–198.
17. Хагундоков К.А. 1918 г.р., Нахушев Б.К. 1922 г.р., Али-Бердуко, Карачаево-Черкесия.
18. *Дубровин Н.* Черкесы. С. 197.
19. Гукемух А. 1905 г.р. Нальчик, Кабардино-Балкария.
20. *Хан-Гирей*. Черкесские предания // Хан-Гирей. Избранные произведения. Нальчик, 1974. С.129–130.
21. Souvenirs des dernieres expéditions russes contre les Circassiens, precedes d'une esquisse rapide des moeurs de ce people. Paris. P. 72.
22. Из сообщений Гукемуха А., 1905 г.р. Нальчик, Кабардино-Балкария; Хагундокова К.А., 1918 г.р. и Нахушева Б.К., 1922 г.р., Али-Бердуко, Карачаево-Черкесия.
23. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. XXI. С. 118.
24. *Longworth J.A.* A year among the circassians. Vol. 1. London, 1840.
25. *Кешев А.-Г.* Абреки // *Кешев А.-Г.* Избранные произведения. Нальчик, 1976. С. 195.
26. *Лапинский Т.* Горцы Северного Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 103.
27. *Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 4. С. 68.
28. *Т. (Торнау Ф.Ф.)*. Указ. соч. № 11. С. 40.
29. *Grigorianz A.* Etrange Caucase. Recitis et coutumes. Paris, 1978. P. 78.
30. Souvenirs des dernieres expéditions russes contre les Circassiens, precedes d'une esquisse rapide des moeurs de ce people. P. 72.

К ЭТИМОЛОГИИ ИМЕНИ «АДИЮХ»

Имя *Иэдииху* (рус. *Адиюх*) в черкесской ономастике известно в нескольких значениях: собственное женское имя в нартском эпосе, название башни XVII в., построенной кабардинским князем на правом утесе реки Малый Зеленчук, название небольшого правого притока реки Малый Зеленчук, название раннесредневекового городища меотов (предков черкесов) на правом берегу Малого Зеленчука.

Образ *Адиюх* не является случайным явлением в нартском эпосе. Она одна из женских солярных (солнечных) персонажей в черкесской мифологии, таких как *Сатаней*, по просьбе которой солнце замедляет свой ход; *Акуанда*, которая может вызывать аномальные явления в природе (испепеляющий ветер и жару); красавица *Шхацфица*, у которой лицо излучает свет, а черные косы превращают все, что зади нее, в кромешную тьму; не по годам мудрая *Малачипх*; народная поэтесса *Ляшин* и другие. Предметом нашего внимания будет имя светозарной *Адиюх*. Образы этих героинь являются объектом исследования таких видных ученых как *Ж. Дюмезиль*, *А. Гадагатль*, *А. Шортанов*, *М. Талпа*, *А. Алиева*, *М. Мижаев* и другие. Известный ученый *Х. Братов* продолжает исследование этих женских образов. Его многолетний труд «Символика огня и меча в адыгском фольклоре (национальное и общечеловеческое в мифе, эпосе и традиционной культуре)» защищена как кандидатская диссертация, которая подготовлена к изданию как монография. С согласия автора мы воспользовались некоторыми мыслями из нее.

По мнению известного ученого-топонимиста проф. *Дж.Н. Кокова*, – сложное по структуре имя состоит из: *Иэ* – «рука», *Иэдий* – «запястье» и *хуы* в *хужь* – «белый; светлый»: «Белорукая»¹. В переводе с черкесского нартская героиня характеризуется как «светлорукая». Руки *Адиюх* излучали свет. По *М. Мижаеву*, – точнее «светлолокотная»², у французского ученого *Ж. Дюмезиля*, – «женщина с лучистой рукой»³.

В нескольких западно-черкесских диалектах вместо лабиализованного спиранта = *ху* употребляется губно-зубной = *ф*: *Иэдишф*, что является закономерным процессом в системе черкесских диалектов. В генетически общем с черкесскими языками абазинском языке вместо *Иэдииху* употребляется *Къайдыхв*, который является прямым заимствованием (калькой) из черкесского языка, но при этом имеет свое абазинское фонетическое оформление: вместо черк. *Иэдий* – абаз. *къайды*; спирант *ху* в абазинском изображается как *хв*. Все слова с глухим спирантом *ху* в абазинском являются заимствованными из черкесского: черк. *хуатэ* – абаз. *хвата* «шаль»; черк. *хуитыныгъэ* – абаз. *хвытныгла* «свобода; мир» и др.

Существуют и другие мнения по этимологии сложного термина *Иэдииху*. Так, известный просветитель, мыслитель, историк и фольклорист XIX в. *Ш. Ногмов* термин *Иэдииху* перевел как «дела предков»⁴.

В настоящее время некоторыми авторами предпринята попытка объяснить происхождение *Иэдииху* с точки зрения тюрских языков – ногайского и карачаево-балкарского. Так, автор труда «Ногайская топонимия» ученый-тюрколог *М.А. Булгарова* выдвинула тезис о том, что в черкесском языке *Иэдииху* является калькой с ногайского *Акбилек*⁵. Основанием для такого заявления автор считает тот исторический факт, что ногайцы кочевали и на реке *М. Зеленчук* и что здесь

кроме Акбилек еще имеются другие ногайские названия. При этом не приводят никаких доводов, или ... положений как же проявляется белорукость Акбилек.

Тюрколог Х.-М.И. Хаджилаев выдвинул, по принципу «было бы желание», свою версию по этимологии имени *Иэдииху* без всякого учета прозрачности структуры сложного термина и его фонетической составляющей в других соседних языках, без ссылки на содержание эпоса, легенды и песни в кабардино-черкесском и в адыгейском языках, и, наконец, на историю местности, к которой привязана легенда. Он посчитал точку зрения Дж.Н. Кокова «сомнительной»⁶. Интересно, что для анализа структуры термина Хаджилаев почему-то берет очень удобный для самого автора вариант его произношения и написания (транслитерацию) на русском языке – *Адиюх*, игнорируя исходную черкесскую форму *Иэдииху*.

Хаджилаев русский вариант *Адиюх* разложил на тюркские *ады* – «имя» и *йох//йух//юх* – «нет», т.е. букв.: «безымянная»⁷. Он делает безапелляционный вывод, что данный термин «ни в какой другой этимологизации не нуждается»⁸. Так он вовсе лишил названий сразу несколько объектов: утес над рекой Малый Зеленчук, речку правого притока реки Малый Зеленчук, знаменитую башню над рекой, и что самое главное, собственного имени героиню нартского эпоса и героической песни черкесов «*Иэдииху*». Оказывается, все они имеют, а вернее, не имеют никакого названия и имени, и их следует по желанию Хаджилаева называть «безымянными»⁹.

Остается только недоумевать, почему несколько эпических имен из черкесского нартского эпоса и реальных объектов с вполне прозрачной структурой вдруг должны стать безымянными? И почему для выяснения этимологии ученый-лингвист берет русскую форму написания *Адиюх*, а не исконное черкесское *Иэдииху*? Не потому ли, что у автора возник большой соблазн непременно найти тюркские корни в таком известном и звучном термине как *Иэдииху* и легенде в целом? А для поставленной цели лучше всего подходит, как видно, русский вариант написания термина *Адиюх*. Куда труднее ученому-тюркологу приспособить черкесское *Иэдииху* под тюркский *Ады = юх*.

Недоразумения с происхождением имени героини легенды и песни из черкесского фольклора, а также нескольких топонимов и в их языковой принадлежности, к сожалению, на этом не завершаются.

Поскольку черкесское *Иэдииху* и ногайское *Акбилек*, якобы, – по мнению М.А. Булгаровой, – обнаруживают структурное единство, перед ней встают еще другие, более значимые проблемы: какой из двух языков – черкесский или ногайский, является языком-источником?

По мнению М.А. Булгаровой, – черкесское имя *Иэдииху* (*Адиюх*) является калькой с ногайского *Акбилек*¹⁰. При этом из двух значений имени *Акбилек* в ногайском языке автор принимает как за исходное для второй части термина имя *билек* в его значении «ручей, приток, рукав реки»¹¹. И нужное автору значение имени *Акбилек*, якобы, вытекает из сочетаний имен *ак* – «белый» и *билек* – употребляемый в значении «протока, рукав реки, ручей».

Метафорическое значение второй части – *билек*, по М.А. Булгаровой, и «породило легенду о белокурой красавице *Акбилек*. Хотя истоки нартского сказания вовсе не связаны с цветом ручья»¹².

В качестве доказательного случая употребления в топонимии метафорических терминов, как в случае с *Акбилек*, к сожалению, автор приводит другое женское имя опять же из черкесского фольклора и в нужном автору фонетическом облике, хотя этот термин (женское имя), как будет видно ниже, с точки зрения черкесского языка имеет абсолютно прозрачную структуру: это имя героини черкесского предания *Гуашэггагь*, широко известное как среди черкесов, так и абазин, и карачаевцев.

Предание называется «*Гуашэггагь и псынэ*» (Родник (ее) *Гуашегар*). Родник расположен на утесе правобережья Кубани к юго-востоку от аула *Хумара*¹³. Из-

вестным знатоком черкесского фольклора, первым просветителем из черкесов, уроженцем аула Ботащей (совр. аул Малый Зеленчук) на реке М. Зеленчук Паго Тамбиевым еще в конце XIX в. из первых уст сказителя дается объяснение истории происхождения как самой легенды, так и названия родника на утесе правобережья Кубани близ аула Хумара. Героиня предания Гошегаг (черк. Гуащэгъагъ) дочь абазинского княжеского рода Бибердовых. Героями предания являются ее муж Шужеипщ (черк. Шужьеипщ), аталыки-братья из рода Боташевых и другие реальные персонажи.

Предание опубликовано в 1891 г. в Тифлисе в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXIX». Единственное, что могло увлечь автора и увидеть сходные способы образования двух черкесских женских имен «Іэдииху и Гуащэгъагъ» («Адиюх и Гошагаг») – это фонетический облик черкесского имени Гуащэгъагъ в карачаевском языке – Гошаях. В черкесском языке собственное женское имя Гуащэгъагъ состоит из *гуащэ* – «княгиня», аффикса каузатива = *гъэ* и корня глагола *гъын* – «плакать»: букв.: «заставляющий княгиню плакать», что соответствует содержанию легенды. В этом случае исконно черкесское *гуащэ* (рус. Гуаша или Гоаша) при всем большом желании невозможно кому-то бы ни было возвести к тюркскому *гош//кош* – «двойной; парный», а его вторую часть из глагола *гъагъын* – «заставлять плакать» к тюрк. *аях/аяк* – букв. «нога»¹⁴.

Таким образом, с точки зрения законов черкесской фонетики (и вообще с точки зрения нормальной логики любого исследователя) ни в имени Іэдииху, ни в имени Гуащэгъагъ даже при очень большом желании трудно, выдернув из родной языковой почвы, увидеть какое-либо присутствие в них метафорического процесса.

В такой ситуации, когда очевидные факты и из языка, и из истории свободно и осознанно фальсифицируются, стараются «подогнать» для своих узконационалистических интересов под удобную форму, обратимся к устоявшимся историческим фактам и напомним принятую исторической наукой хронологию событий о времени появления ногайцев на Кубани.

Возможно, тем самым мы разрешим вопрос: в каком из двух языков – черкесском или ногайском могло стать калькой имя героини нартского эпоса черкесов Іэдииху? Что первично, ногайское Акбилек или черкесское Іэдииху (Адиюх)? Имеется ли историческая основа или исторически обусловленная ситуация, чтобы ногайцы Малой Орды, появившиеся на Кубани лишь в середине XVII в., привнесли ногайское имя Акбилек для имени героини древнего черкесского нартского эпоса? Имеется ли в ногайском эпосе легенда, связанная с названием речки Малый Зеленчук, черкесские собственные имена из легенды: Псэбыдэ, Сосрыкьуэ, Тхьуэжьей, Іэдииху и др.? Можно ли, следуя логике автора, утверждать, что нартское сказание об Адиюху и знаменитая песня «Адиюху» в фольклорной традиции черкесов появились в начале XVII в. лишь с приходом ногайцев на Кавказ?

Исторический факт, что ногайцы свои кочевья в Пятигорье, на Кубани, Зеленчуках и др. строили не в пустыне, а в местах давно обжитых местным народом: кабардинцами, бесленеевцами, другими западными племенами черкесов, а также абазинами, через чьи территории шли ногайцы к верховьям Кубани. Или черкесы до прихода ногайцев на Северный Кавказ не были известны другим народам, исторической науке, не было у них ни фольклора, ни нартского эпоса, ни других преданий?

Тезис Булгаровой о том, что самые известные в духовной культуре черкесов имена героинь Іэдииху и Гуащэгъагъ являются кальками с ногайского лишен всяческого историзма, элементарной логики. Он подчинен лишь одному желанию: доказать, что ногайцы на Северном Кавказе более древний народ по сравнению с автохтонным черкесским народом, корни которого на Северном Кавказе восходят

к V–III тысячелетиям до н.э., и что гонимые ногайцы Малой Орды, хлынувшие на Кубань и на Северо-Западный Кавказ в XVII в. нашли здесь пустые, не обжитые и никем не заселенные благодатные земли.

Таким образом, в постановке и решении вопроса об имени Адиух у автора обнаружено полное незнание истории края, который ногайцы освоили не так давно по историческим меркам и пренебрежение к истории и культуре черкесского народа, на чьих землях ногайцы нашли пристанище и приобрели оседлость. Обращение к конкретным архивным источникам и документам, освещающим исторический процесс и путь продвижения ногайцев на Кубань, возможно поможет автору переосмыслить некоторые свои позиции.

Если очень кратко напомнить значение слова этнонима «ногай», то он связан с именем золотоордынского хана Ногай, известного с XIII в. Существовавшее как самостоятельное государство Ногайская Орда во второй половине XVI в. из-за внутренних раздоров между верхушками власти распалась на Большую и Малую Ногайскую Орду. И с этого времени кочевники ногайцы Малой Орды начинают проникать на Северный Кавказ. По мнению Е.Н. Кушевой, проникновение ногайцев началось в 30-е гг. XVII в.¹⁵

Приведем конкретные документальные источники:

– документ 1633 года: Малый Ногай кочует «под Беслинцы» (имеются в виду Бесленевцы – *Т.Р.*);

– документ 1635 г.: ногайцы кочуют «за Кубаном...вверх по Кубану реке под горами, меж Бесленей и Абазы»;

– документ 1640 г.: Малые ногаи указаны как соседи кабардинских князей Алегуки и Хотожуки;

– документ 1642 г.: «Покочевали де Алегук и Ходождук мурзы (кабардинские князья – *авт.*) со своими людьми со старых своих кочевных мест в сход к Малому Ногаю за Кубань реку под Абазы»;

– документ 1644 г.: кабаки (аулы) Алегуки, Ходождуки (кабардинские князья) и Малый Ногай находились на территории закубанской Кабарды, которая была частью княжеского удела Кайтукиных, который в середине XVII века находился в сфере влияния Крымского ханства;

– документ 1646 г., где говорится: «Ногай де Меньшой и Казыев Улус откочевали далече прочь, а которые кочевали по Кубе реке под снеговые горы, под Черкасского князя Алегуку...»¹⁶;

– в другом документе от 1646 г. говорится, что «Ногай меньший и Казыев улус... побежали вверх по Кубе (Кубани) реке под снеговые горы под Черкасского князя Алегуку»¹⁷.

Таких извлечений из архивных источников значительное количество. Как видим, беглые и гонимые калмыками ногайцы Малой Орды пришли на Кубань и на ее притоки – Лаба, Уруп, Инджиг под защиту местного населения к середине XVII в. Преследовали их по пятам объединенные войска калмыков в союзе с русскими и ногайцев Большой Орды, от которой откололась Малая Орда. Цель у них была одна: вернуть ногайцев назад и помешать тем самым их объединению с черкесами, дабы не усилить мощь их совместного сопротивления.

Здесь можно привести хотя бы один эпизод из тревожной жизни ногайцев Малой Орды на Кубани, преследуемых калмыками в союзе с Россией. В фольклоре черкесов сохранилось сказание «О Хамышико-Батарезе», в котором описывается, как в верховьях реки Уруп состоялось одно из известных сражений калмыков под начальством калмыцкого хана Дундук Омбы против ногайцев. Все мужчины, в числе шести тысяч, были вырезаны, а двадцать тысяч женщин и детей отправлены на реку Егорлык. Узнав, что в верховьях Зеленчука стоят еще 10 тысяч ногайских кибиток, он (хан Дундук) повернул с реки Уруп в ту сторону. Не смея штурмовать

ногайцев, засевших в тесном ущелье, он обложил их станом и тридцать семь дней удерживал в непрерывной осаде... В этих условиях ногайцы вынуждены были принять русское подданство. С этим событием связано черкесское предание и название Дундук кьалэ – «Крепость Дундук» на реке Инджиг (Малый Зеленчук), сохранившееся в черкесском фольклоре¹⁸. Предположительно его место расположения – это ущелье речки Хасаут (Хошоут), притока реки М. Зеленчук.

Свидетельства того, как складывались отношения черкесских субэтносов с гонимыми ногайцами отражены в работе известного турецкого путешественника, религиозного деятеля, эфенди Эвлия Челеби, который фактически в тот же период, когда происходил распад Ногайской Орды, путешествовал по стране Черкесстан (по выражению Челеби – *авт.*) В 1666 г. его группа проехала через Черкесию с запада на восток. Он оставил подробное описание этнографии черкесов, географическую и ландшафтную характеристику их земель. Э.Челеби подробно описывает события, связанные с появлением ногайцев в Западной Черкесии, детально останавливается на характеристике тех «крепких мест», которые им были предоставлены кабардинскими (черкесскими) князьями. Этот же путь в свите Э. Челеби прошел и бывший крымский хан Мухаммед-Гирей IV.

Одно из первых упоминаний Челеби о ногайцах на землях черкесов касается ногайского племени чобан. По его словам, столетний мирза (мурза) ногайцев Чобан, глава народа, побратался с черкесским племенем шегаке¹⁹, взял девиц у черкесов, породнился с ними, установил в их стране юрты и свободно кочевал в их горах и степях. Местные черкесы-шегаке и ногайцы настолько смешались между собой, что Э. Челеби удивлялся их близким отношениям, несмотря на чужеродность недавно пришедших к ним ногайцев. «Эти черкесы-шегаке кое-где составляют один народ с ногайцами племени чобан», – отмечает автор²⁰. Как видно, подобное явление Э. Челеби наблюдал в самых западных границах Черкесии. На землях шегаке автор показывает реки Псебабси (черк. Псибапс) и Адахун (черк. Адагум), которые впадают в Черное море²¹. Он подчеркивает мысль о том, что деревни народа шегаке расположены в начальных пределах (границах – *Р.Т.*) Черкесстана. Здесь же названо имя предводителя шегакев – это Энджирук-бей²².

Пожалуй, описанная путешественником картина является одним из первых достоверных фактов взаимоотношений черкесов и ногайцев, которые сложились вскоре после распада Малой ногайской Орды и миграции ногайцев на Северный Кавказ в Черкесию.

При описании дальнейшего своего маршрута после Анапы вдоль реки Кубань далее на восток страны черкесов Э. Челеби указывает названия черкесских субэтносов, сохранившиеся до сего времени: жане, хатукай, адамей, болотокай (по имени князя племени темиргой – *Р.Т.*), бжедуги, мамшух и др. Употребляет термин пшуко, что в переводе означает «княжество» или «ставка князя». Слово состоит из *пшы* – «князь» и *къуэ* – «ущелье» (*Р.Т.*). Автор называет реки Псенаф с замечанием: «ногайцы называют эту реку Карасу»; Гиага, Уль, Лаба, Сераль, Уарп, Кубань, Тегень, Энджек, Бююк-Энджек и Бююк-Дженджек и др.

От реки Лаба, которая проходит сквозь крутые горы и вместе с рекой Малой Лабой вливается в реку Кубань, пройдя часа четыре на восток, Челеби прибывает в «Великое пшуко Беснебай»²³. По его словам, «их бей (верховный князь – *Р.Т.*) распоряжается пятью тысячами отважных, отборных воинов, конных и пеших. И народ этот весьма сильный, смелый и мужественный. Это пшуко (ставка князя) построено, подобно Бахчисараю, в просторном ущелье... Оно достойно называться городом. Во все времена у этого народа войны и распри. Здесь мы в течение пяти дней предавались наслаждениям и удовольствиям, осматривали все и изучали этот народ (искусных) умельцев»²⁴. Такими словами описал Э. Челеби княжество Бесленей.

Двигаясь далее на восток, группа Челеби вышла из пределов Бесленея и вступила «в обширную страну древнего народа Кабартай»²⁵. Уже в границах Кабартай (черк. Къэбэрдей – *Р.Т.*) путешественник пересекает реку Уарп и на своем пути он показывает еще и реки Энджек, Бююк-Энджек и Бююк-Дженджек, в которых легко узнаваемы современные названия нескольких рек Инджиг, левых притоков Кубани (совр. реки Зеленчук).

Продвигаясь берегом реки Кубань на запад, группа Челеби пришла в непреступную, в форме четырехугольника деревянную красавицу – крепость на берегу реки Дженджек (Инджиг)²⁶. Как оказалось, эта крепость принадлежит кабардинскому князю Мисосту, который находился в союзе с крымским ханом. По Ш. Ногмову, крепость построена с помощью крымского хана²⁷. В крепости имеются юрты, мечеть, живет татарский имам. По рассказам Челеби, здесь нашел убежище ногаец из Малой Орды Арсланбек с 15 тысячами ногайцев. Он (Арсланбек), будучи в противоборстве с Большой Ногайской Ордой, Москвой и калмыками, пошел было в поход против подданных Москвы. Однако под давлением калмыков вынужден был бежать на Кубань, на реку Дженджек (Инджиг) в Кабарду, где и нашел прибежище.

Этот эпизод содержит ценные факты о границах между черкесскими субэтносами. В частности, группа Челеби, перейдя бассейн реки Лаба, вышла из территории Беснея (Бесленея), после чего на реке Уруп вступил на территорию Кабарды и все последующие сведения по маршруту Челеби сообщает, находясь на территории Кабарды.

По рассказам Челеби, преследуя по пятам ногайцев, в Кабарду, в крепость пришли калмыки и потребовали от кабардинского князя Мисоста выдачи ногайца Арсланбека с его людьми. В ответ (цитирую – *Р.Т.*) «Весь народ Кабарты собрался в одно место и дал калмыкам решительный ответ: «Татарин Арсланбек – птица, он обрел пристанище, придя на звуки нашего пения. Мы дали (ему) юрты, сделались братьями. И это племя ногай мы вам не отдадим»²⁸. Эти слова автор Э. Челеби приводит в разделе «По поводу внушительного вида, стойкости и отваги черкесов Кабарды», подтверждая тем самым, что он находится на территории Кабарды²⁹.

Не этот ли случай и не эти ли слова кабардинского князя, владельца крепости, переданные иностранным путешественником Э. Челеби, должны быть основой взаимоотношений двух народов – черкесов и ногайцев, до сего времени живущих вместе на этих же местах, близ этой же крепости, где происходили описанные события?

Название крепости как черкесское – *Хъэжы къалэ*, так и ногайское – *Ажи-Кала* («крепость хаджи») сохранилось до настоящего времени. Ближайшая от этого места станица на реке М. Зеленчук сохранила следы этой крепости в своем названии «Беломечетская»³⁰. Интересно и то, что еще во времена Эвлия Челеби в середине XVII в. здесь в крепости жили и кабардинцы, которые построили ее, и ногайцы, которые нашли здесь пристанище, и самое главное, сам путешественник со своей свитой, в числе которой был и крымский хан Мухаммед-Гирей, совершали молитвенный намаз. По сути, эта крепость у слияния реки Малый Зеленчук с рекой Кубань, руины которой сохраняются и поныне, можно считать центром, откуда шло распространение мусульманства далее на восток на всю остальную Кабарду.

После крепости Хажи-Кала через пять часов пути на восток группа Эвлия Челеби попадает в другую крепость, также построенную князем Кабарды Мисостбеем ходжа «чтобы защитить людей и имущество, когда на Кабарду начали нападать калмыки». Эта сильная крепость находится, как сказано выше, в пяти часах пути от первой крепости, на месте впадения реки Дженджек (Инджиг) в Кубань и называется Шад-керман^{31, 32}.

Как видим, Э. Челеби в своей «Книге путешествий», проходя в 1666 году, через территорию Черкесии, отразил реальные исторические факты из жизни черке-

сов и ногайцев, назвал наиболее крупные реки, встретившиеся на пути: Кубань, Лаба, Уарп, Инджиг, Кума; перечислил названия черкесских племен, чьи территории он проходил и среди которых он жил: Бесленей, Кабардей, Бжедуг и др., а также абазинские: Бибердкадж, (Бибердкажуажэ), где черк. кжуажэ означает «селение (аул), общество, племя» и Дударкай. Биберд и Дударук являются именами абазинских князей

Можно убедиться в достоверности и других исторических фактов, приводимых Челеби в своей «Книге путешествия». Особенно тех событий, связанных с ногайцами, участниками которых был лично сам автор, чужестранец, турок по языку, эфенди по статусу.

Таким образом, имеется достаточно исторических источников, описывающих период появления и причины появления первых ногайцев на Кубани и на ее верхних притоках.

Далее рассмотрим историю другой оборонительной крепости, которой посвящена данная статья: эта башня Адиюх на реке Малый Зеленчук. Она неразрывно связана с политикой крымского ханства по отношению к черкесам и в целом Черкесии в XVII в.

Прав был знаток истории края, выдающийся кавказовед Л.И. Лавров, указавший, что башня Адиюх «по настоящий день считается единственной точно датированной постройкой такого типа»³³. По свидетельству исторических источников, башня на правом берегу М. Зеленчука была построена в 60-х гг. XVIII в. К этому времени уже состоялся распад Кабарды на Большую и Малую, свершилось заключение мирного договора между Россией и Портой (1639 г.), по которому обоим Кабардам (и Большой и Малой) и всему кабардинскому народу разрешалось быть вольным и свободным, не быть под влиянием ни одной из империй, а оставаться только барьером между Россией и Турцией.

Однако же стараниями обеих сторон часто предпринимались попытки подчинения и приведения обеих Кабард под свое подданство. При этом и Турцией, и Крымом, и Россией использовалась приверженность части населения мусульманству или христианству. В этой ситуации наметилась тенденция ухода некоторых восточных кабардинских князей и дворян, ориентированных на мусульманские Турцию и Крым к жившим в Западной Черкесии соотечественникам: кабардинцам, бесленеям, темиргоям и др. черкесским субэтносам³⁴. Так, будучи в Крыму в 1761 г. после совершенного им хаджа в Мекке, кабардинский князь Темрюко Атажукин присягнул крымскому хану. Как говорится в российском документе, датированном 1763 годом, «в проезд его через Крым ханом крымским обольщенный»³⁵ Темрюко поддержал просьбу крымского хана о привлечении кубанских черкесов на сторону Крыма (что означало вовлечение их в ислам) и обещал даже переселиться на Кубань. В ответ на такую благосклонность кабардинского князя Темрюко Атажукина крымский хан предложил ему построить город и мечеть и дал в помощь два человека. И на реке Малый Зеленчук Темрюко Атажукин, сын старшего князя Кабарды Бомата Атажукина, построил оборонительную башню (крепость). Таким образом, он стал в Закубанье проводником прокрымской политики среди кабардинцев, бесленеев, темиргоев, абазин. Что примечательно, Темрюко-Хаджи Атажукин боевую башню построил по совету хана именно там, где он указал «за Кубанью, при реке Шолом-Инджике в урочище Акпилек-Акбирь»: в переводе с татарского «за Кубанью, при реке Малый Зеленчук в урочище Великая Адиюх»³⁶.

Здесь следует обратить внимание на тот факт, что название местности, на которой Темрюко Атажукин должен был построить крепость, было известно обоим договаривающимся сторонам: и кабардинскому князю, и крымскому хану. Правоммерно утверждать, что крымские татары к этому времени хорошо были знакомы с бассейном р. Кубань и ее левых притоков Малый и Большой Зеленчук, где уже

были построены не без участия крымских ханов крепости Аджи-кала (в устье реки М. Зеленчук) и Шад-керман – в устье реки Б. Зеленчук, о которых шла речь выше и которые в 1666 г. посетил Э. Челеби.

Это говорит о том, что будущее место строительства очередной крепости было озвучено устами крымского хана Мухаммед-Гирей, которому были знакомы и название реки и легенда об Адиюх, связанная с этой рекой. Сказанные ханом выражения «Шолом-Инджик» и «Акбилек-Акбирь» еще до начала строительства башни свидетельствуют об этом. Полное имя Акбилек-Акбирь звучит только в тексте согласительного документа между кабардинским князем и крымским ханом как место строительства оборонительной крепости³⁷. Поэтому, правомерно утверждать, что термин Акбилек «попал» в ногайский язык из крымско-татарского языка, благодаря крымскому хану.

Истории башни Адиюх посвящена специальная статья З.Б. Кипкеевой «Две пограничные крепости на верхней Кубани до 1783 года». Автор Кипкеева в своей статье в качестве названия башни Адиюх на карачаевском языке использует почему-то ногайский термин – Акбилек³⁸, а не исконно карачаевское «безымянная», как на этом настаивает автор Хаджилаев³⁹. Для доказательств поставленных целей, автор Кипкеева полностью игнорирует мнения выдающихся археологов, историков, таких как Е.И. Крупнов, Л.И. Лавров, Е.П. Алексеева, Т.М. Минаева и других советских ученых-исследователей, изучавших майкопскую культуру, которая относится к III тыс. до н.э. и носителями которой являлись предки черкесов (адыгов). Мнения известных ученых Кипкеева квалифицирует как «ложные», «опротечивые», «не объективные», «напрасные»⁴⁰. В таком же духе автором обозначены и границы между населявшими Западную Черкесию (Закубанье) народами, не упоминая при этом ни один из древних терминов, под которыми был известен автохтонный народ Северного Кавказа черкесы-адыги. В то же время исторической наукой доказано, что городище Адиюх принадлежит меотам-адыгам, а башня Адиюх построена кабардинским князем Темрюко Хаджи Атажукиным⁴¹.

По выражению Кипкеевой, некоторые памятники «приписаны» кабардинцам, которые «никогда не строили и не пользовались каменными сооружениями»⁴². А кабардинцев на реку Малый Зеленчук «поселили российские власти только во второй половине XIX в.»⁴³.

Но все-таки, по мнению автора, был на этой территории один народ, который для карачаевцев являлся «серьезной проблемой»⁴⁴, – это абазинь-шкарауа, которые регулярно совершали на Верхнюю Кубань набеги, а члены ханского рода Гиреев, жившие «у подвластных закубанских народов (? – Р.Т.) не пытались их предотвратить». Поэтому, оказывается «для защиты и укрытия карачаевцы восстановили (? – Р.Т.) у границ с Крымским ханством башню Акбилек»⁴⁵.

Как видно, Кипкеева демонстрирует полное незнание географии расселения народов Северного Кавказа, процессов формирования полиэтничного региона, исторических событий и фактов в этом регионе.

К сожалению, этот материал предназначается для учащейся молодежи и продолжает традицию антиисторических публикаций в новейшее время по истории народов Карачаево-Черкесии.

Как это часто бывает, один и тот же объект может иметь название на языке живущего здесь местного народа, а также и на языке народа, пришедшего на эту территорию значительно позже. Часты случаи калькирования названий, данных местным народом. Об этом свидетельствует весь черкесский топонимический материал. Черкесы никогда не претендовали на чужие территории. Историческая наука не отмечает ни одного случая экспансии черкесами чужой территории. Наоборот, во все времена черкесы на свою территорию принимали другие народы, уступая им земли, как это видно на примере ногайцев. Другим примером может

служить история армян, которые, пребывая среди черкесов (западных) в течение нескольких столетий потеряли армянский язык и приняли черкесский (адыгский) язык как родной и черкесские обычаи. Их родной язык в лингвистической литературе известен как «армавирский говор адыгейского языка». Для обозначения их национальности используется в настоящее время термин «гай-черкесы» (черкесские армяне). Трудно перечислить количество народов, пришедших на освободившиеся, после массового исхода, черкесские земли после окончания Кавказской войны, включая и пришельцев из зарубежных стран. В итоге сам черкесский этнос сохранился на своей территории лишь островками с названиями: Кабарда, Черкесия, Адыгея и Шапсугия.

Со временем топонимическая система черкесского народа была в корне разрушена на всей территории исторической Черкесии. При этом черкесы без труда освоили новые названия. Такие современные ногайские топонимические термины как: черк. *Бальтычэпхээн* – «Байталчапхан», *Джамгъур* – «Джамгур», *Ельбыргъэн* – «Ельбурган», *Эльтаркъач* – «Ельтаркач», *Къызыл-тогъай* – «Кызыл-тогай», *Къойдан* – «Койдан» и многие другие названия, которые почему-то никто не пытается объяснить их этимологию с точки зрения черкесского языка.

Крымско-татарскими считают и такие устоявшиеся со временем названия, как татарское Бештау («пять + гора»), вместо исконно черкесского – «*Юащхьитху*», что в переводе означает также «пять гор». Здесь сказались особенности фонетики тюркских языков, где отсутствуют многочисленные сложные заднеязычные, переднеязычные спиранты, аффрикаты, лабиализованные и другие звуки, присущие черкесскому языку и практически невоспроизводимые (без искажения) на русском языке. Для сравнения достаточно привести тот же пример из русского языка: термин «Пять гор» и образованное от него словосочетание «пятигорские черкесы».

Надо ли доказывать какой из вариантов, указанных выше терминов, является исконным и какому народу принадлежит первенство в наименовании: *Юащхьитху*, *Бештау*, «Пять гор»?

То же самое и с названием реки Кубань. Известное с древнейших времен и зафиксированное в трудах зарубежных авторов и в нартском эпосе черкесов термин *Пси/Псиж* в значении «Кубань», сохраняется и в современном языке черкесов, независимо от страны их проживания как *Псыжь* – «Псыж», что в переводе на русский означает «Древняя, полноводная река». У всех других народов название реки употребляется в разных фонетических вариантах – *Кубань* (рус.), *Кубина* (абаз.).

Первичность черкесского термина *Иэдишу* перед ног. *Акбилек* доказана временем, которое является лучшим свидетелем событий о прошлом народов. Возвращаясь к выводу М.А. Булгаровой о том, что *Иэдишу* есть перевод с ногайского *Акбилек*, следует напомнить, что еще до прихода ногайцев в верховья реки Кубань и ее притоков здесь существовали территориально-языковые общности, среди которых самой крупной являлись черкесы (адыги). Именно черкесы, спасая ногайцев от преследовавших их калмыков и уступая свои жилища, сами в какой-то период оказались отодвинутыми от Кубани.

Повторяясь, скажем, что земля, куда пришел знаменитый Эвлия Челеби еще в 1666 году называлась Кабартай. В эту страну Кабартай группа Э. Челеби вступила, миновав на реке Уарп (левый приток реки Кубань – *Т.Р.*) пшуко Бесленей. Следует обратить внимание на интересный факт: название реки и области Э. Челеби фиксирует в черкесских формах их бытования: Уарп, Кабартай, где конечное – *ай/ей* в черкесском языке образует название местности. А территорию, которую Э. Челеби прошел от Черноморского побережья вверх по Кубани через земли нескольких черкесских пшуко, он именует Черкесстан, при этом, не пропустив ни одного из значащих названий земель, рек и племен, на них живущих.

Возвращаясь к месту расположения знаменитой башни Іэдииху на реке Малый Зеленчук, следует сказать, что на этом утесе, на водоразделе Кубани и Малого Зеленчука археологами открыты несколько раннесредневековых городищ (IX–XII вв.). Основные из них: средневековое городище Адиюх, городище на речке Тамгацик (черк. Дамыгъэ цыкӀу – «Малая Тамга»), городище на территории школьного двора аула Жако и др., которые относятся к «закубанской» (или западно-черкесской) группе археологических памятников. Именно здесь, на небольшом пространстве правобережья Малого Зеленчука, сосредоточены несколько раннесредневековых городищ, связанных с культурой меотов, предков современных адыгов (черкесов)⁴⁶.

Городище Адиюх, как видно, располагалось на стратегически выгодном, самом высоком утесе, где река Инжиг имеет предельно узкое русло между параллельно расположенными вершинами. И как плацдарм, с которого хорошо просматривалась ниже лежащая долина. На этом месте и была построена существующая ныне башня Іэдииху, как документально известно в середине XVIII в. Она построена как оборонительное сооружение от хлынувших на Северный Кавказ в Черкесию ногайцев, калмыков, русских, а также перед угрозой экспансии территории крымским ханством, союз с которым у черкесов носил эпизодический характер.

Опираясь на документальные источники и мнения ученых-специалистов по истории Северного Кавказа, можно сделать вывод о том, что построенная в середине XVIII в. оборонительная башня получила свое название по имени героини легенды Адиюх, давно известной в творчестве местного народа и связанной с названием данной местности. Логично ли утверждать, чтобы башне, построенной в XVIII веке кабардинским князем, название давали ногайцы? По нашему мнению, имя героини Іэдииху из черкесской легенды ногайцы калькировали как имя Акбилек. Еще, как следует из вышесказанного, ногайцы могли имя Акбилек заимствовать из крымско-татарского языка, в котором термин «Акбилек-Акбирь» (Золотая Адиюх), был известен издавна, отбросив при этом в выражении вторую часть – Акбирь.

По легенде бытующей на всех диалектах черкесских субэтносов – кабардинцев, бесленеевцев, темиргоевцев, бжедугов, егерукаевцев и др., на правобережье Малого Зеленчука, на самом пике утеса жила Іэдииху, женщина необычайной красоты и способностей. Как сказано выше, между двумя утесами, расположенными напротив друг друга, якобы был переброшен полотняный мост. По этому мосту муж Іэдииху Псэбыдэ⁴⁷ перегонял табун лошадей, добытый им в набегах в далеких краях. При этом Іэдииху всегда своими чудодейственными руками освещала мужу мост и, как правило, ее муж благополучно переправлял через реку табун, несмотря на ночную мглу. В одну из таких ночей Іэдииху не осветила мост мужу, после конфликта с ней, который не поверил в ее способности и в резкой форме запретил жене впредь освещать ему мост. В результате в водах Инжига погибли муж Псэбыдэ и табун лошадей. Когда наступило утро, и Іэдииху поняла случившееся, она пошла вдоль реки, причитая по погибшему мужу, и при этом ударяя своими необычными руками о скалы. Поэтому по легенде скалы на правобережье Инжига и сейчас окрашены в красный цвет, в цвет крови от рук Іэдииху. Труп своего возлюбленного Іэдииху нашла в низовьях реки Малый Зеленчук близ слияния ее с р. Кубань. Похоронив его, Іэдииху начала возводить над его могилой холм. За этим занятием ее застал неожиданно появившийся нарт Сосруко. Она его спросила «Как удалось перейти бурную реку Инжиг? Сосруко отвечал: «Не я переходил реку, это моя лошадь Тхожей (черк. Тхъуэжьей) перенесла меня через бурную реку». В ответе Сосруко ей понравилась скромность его, отсутствие бахвальства и нежную любовь его к своей лошади. Через некоторое время нарт Сосруко продолжил путь. Но Іэдииху не хотелось навсегда расставаться с неизвестным путником

и по мере его удаления она все больше и больше просила Уащхуэ⁴⁸, чтобы он послал сильный дождь. Вскоре пошел сильный дождь, и Сосруко, который вынужденно вернулся назад, накрыл своей буркой Іэдииху. Вспомнив обращение с ней мужа, его грубость в сравнении с Сосруко, она на следующее утро начала разгребать холм, пока Сосруко не остановил ее. И холм над могилой Псэбыдэ так и остался до конца неразгребленным, седловидным.

Сохранившийся и поныне холм близ ногайского аула Орак Авлы (современный Эркин-Юрт) по-черкесски называется *Іуащхэ дыкьуакьуэ (Іуащхэ ныкьуэ)* – «Холм-развилаина». Имеется еще вариант: *Сосрыкьуэ и Іуащхэ дыкьуакьуэ* – «Холм-развилаина (его) Сосруко», *Псэбыдэ и Іуащхэ* – «Холм Псабиды». Холм находится в устье реки Малый Зеленчук близ селения Ураковского. Как видно, все названия местности, а также личные имена героев, кличка лошади Сосруко имеют черкесское происхождение: Іэдииху, Сосрыкьуэ, Тхьужьей, Псэбыдэ, Уащхуэ, Іуащхэ дыкьуакьуэ и др. Эта легенда и песня известны в фольклоре черкесов, в какой бы стране они ни проживали. Имя героини Іэдииху (русск. Адиюх) дало название и городищу, и речке, притоку реки М. Зеленчук и, самое главное, башне, которая была построена лишь в XVIII в.

Легенда об Адиюх стала достоянием для всех народов, которые пришли на территории исторической Черкесии по разным причинам. Если говорить конкретно о ногайцах, то они оказались на Северо-Западном Кавказе, как было сказано выше, после распада Малой ногайской Орды и преследуемые объединенными силами ногайцев Большой Орды, калмыков и русских. Найдя приют у местного населения – кабардинцев и бесленеевцев, ногайцы не могли не узнать их политическое устройство, историю, культуру.

По мнению ученых-историков, существует версия, что именно приход ногайцам на верховья Кубани изменил картину расселения здесь черкесских субэтносов: бесленеевцев и кабардинцев, а также абазин. Уступив свои земли и пастбища улусу Малого Ногай, черкесы ушли на Запад от Кубани. Эта точка зрения имеет под собой реальную историческую основу.

Обращение к историческим фактам о черкесах и ногайцах, содержащимся в многочисленных источниках, могло бы отвести М.А. Булгарову от изначально неверного и предвзятого посыла – во что бы то ни стало доказать первичность ногайского термина *Акбилек* по отношению к исконному *Іэдииху*.

Встает ряд вопросов: существует или существовала ли в ногайском эпосе легенда, где героями являются не только Іэдииху, но и черкесские: Псэбыдэ, Сосрыкьуэ, лошадь по кличке Тхьужьей, названия местности: Бгыплъжь, Іуащхэ дыкьуакьуэ, Сосрыкьуэ и Іуащхэ дыкьуакьуэ и др.

Была ли необходимость изменять имена героини нартекского эпоса Іэдииху и предания Гуащэгъагъ, известные в фольклоре всего черкесского этноса, в угоду сиюминутному желанию и вопреки исторической логике?

А, между тем, по хронологии реальных событий, начиная с XVII в., после которых в районе Пятигорья и всего Северо-Западного Кавказа образовался прочный черкесско-ногайский союз против калмыков, известно множество достаточно позитивных примеров по взаимовлиянию не только языков двух народов, но и их культур, вплоть до признанного в этнологической науке тезиса о влиянии черкесов на антропологию кубанских ногайцев.

Об этом свидетельствуют многочисленные источники, в том числе и труд признанного в историко-этнографической науке автора труда «О народах Центрального и Северо-Западного Кавказа» Н.Ф. Дубровина. По его словам «нравы, обычаи и особенности быта черкесов служили образцом, достойным подражания для многих соседних им племен, в том числе и для ногайцев, поселившихся между реками Кубанью и Лабой и известных под именем закубанских. Эти последние

настолько сходны в образе жизни с черкесами, что чаще дают своим детям черкесские имена, чем общеногайские; большинство из них говорит черкесским и абазинским языком и почти все обряды, костюм, постройка и расположение домов, песни и танцы – все перенято ими у черкесов. Собственно соседству и влиянию черкесов надо приписать и то, что закубанские ногайцы как по умственным способностям, так и по религиозным верованиям стоят неизмеримо выше своих единоплеменников, живущих в Ставропольской губернии. С другой стороны, то же соседство черкесов было причиной того, что все их способности направлены были более на жизнь удалую, чем на мирную и спокойную. Закубанские ногайцы точно также как и черкесы воинственны, неустрашимы и способны переносить невероятные трудности»⁴⁹.

Эти и другие факты из жизни черкесов и ногайцев, судьбы которых оказались исторически связанными, говорят о том, что нельзя в угоду чьих-либо интересов искажать факты, вопреки историческим документам, трактовать их субъективно, не ведая или умышленно фальсифицируя историю соседнего народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Коков Дж. Н.* Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983. С. 108.
2. *Мижаев М.* Адиух // Мифологический словарь. М., 1990. С. 26–27.
3. *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М., 1990. С. 117.
4. *Ногмов Ш.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 53.
5. *Булгарова М.А.* Ногайская топонимия. Ставрополь, 1999. С. 116.
6. *Хаджилаев Х.-М.И.* Очерки карачаево-балкарской лексипологии. Нальчик, 1970. С. 38.
7. *Хаджилаев Х.-М.И.* Указ. соч. С. 38.
8. *Хаджилаев Х.-М.И.* Указ. соч. С. 39.
9. *Хаджилаев Х.-М.И.* Указ. соч. С. 39.
10. *Булгарова М.А.* Указ. соч. С. 116.
11. *Булгарова М.А.* Указ. соч. С. 116.
12. *Булгарова М.А.* Указ. соч. С. 117.
13. Собственное имя Гуащэггаг содержится еще в названиях речки, правого притока реки Кубань, известной башни Гошях-Кала над аулом Хурзук в истоках реки Кубань. Второе название башни Мамаи-Кала, по имени Мамаи, предводителя грузинского племени имереты. См.: *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 151.
14. *Булгарова М.А.* Указ. соч. С. 116.
15. *Алексеева Е.П.* Указ. соч. С. 202.
16. Ногайцы Дагестана и Северного Кавказа (Документы XVII–XVIII вв.). Махачкала, 1998. С. 30.
17. *Алексеева Е.П.* Указ. соч. С. 202–203.
18. Более подробно см.: *Темирова Р.Х.* Калмыцкий след в топонимии Карачаево-Черкесии // Тегин Герл (Свет в степи). Элиста, 2001. С. 95.
19. Описание своего пути Э. Челеби начинается с Черноморского побережья в окрестностях Анапы, где проживало большое племя Шегаке, впоследствии смешавшееся с натухайцами.
20. *Челеби Э.* Книга путешествия. Извлечения. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 53.
21. *Челеби Э.* Указ. соч. С. 54.
22. *Челеби Э.* Указ. соч. С. 52.
23. *Челеби Э.* Указ. соч. С. 78.
24. *Челеби Э.* Указ. соч. С. 79.
25. *Челеби Э.* Указ. соч. С. 80.

26. *Челеби Э.* Указ. соч. С. 84.
27. *Ногмов Ш.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 145.
28. *Челеби Э.* Указ. соч. С. 81.
29. *Челеби Э.* Указ. соч. С. 81.
30. Истории этой крепости посвящена работа известного специалиста по археологии Северо-Западного Кавказа к.и.н. В.А.Фоменко. См.: *Фоменко В.А.* Крепость Хаджи-Кале // Тринадцатые чтения по археологии Средней Кубани. Армавир, 2006. С. 21–23.
31. Название крепости Шад-керман в первой части содержит слово Шад (Шат), вышедшее из употребления черкесское название горы Эльбрус. Отсюда и бывшее черкесское название современного города Ставрополь – Шад кала (Шад кьалэ).
32. *Челеби Э.* Указ. соч. С. 84–85.
33. *Лавров Л.И.* Башня Адиюх в Черкесии // Краткие сообщения института истории и материальной культуры. М.–Л., 1940. Вып. 7. С. 93–101.
34. Этот процесс положил начало последующему массовому уходу из Кабарды в Закубанье князей и дворян, не подчинившихся России (1774 г.), а также их насильственному перемещению с района Пятигорья, что окончательно предопределило окончательный распад территории исторической Черкесии.
35. Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. Нальчик, 1996. Т. 1. С. 31.
36. *Лавров Л.И.* Башня Адиюх в Черкесии // Краткие сообщения института истории и материальной культуры. М.–Л., 1940. Вып. 7. С. 93–101.
37. Черкесы и другие народы ... С. 31.
38. *Кипкеева З.Б.* Две пограничные крепости на верхней Кубани до 1783 г. // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. М. Армавир, 2007. С. 80.
39. *Хаджилаев Х.-М.И.* Указ. соч. С. 38.
40. *Кипкеева З.Б.* Указ. соч. С. 78–80.
41. *Лавров Л.И.* Указ. соч. С. 93–101.
42. *Кипкеева З.Б.* Указ. соч. С. 79.
43. *Кипкеева З.Б.* Указ. соч. С. 79.
44. *Кипкеева З.Б.* Указ. соч. С. 79.
45. *Кипкеева З.Б.* Указ. соч. С. 80.
46. *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 96, 174–184.
47. Псэбыдэ – мужское имя: из черк. псэ «душа» и быдэ «крепкий» – «Крепкая душа; мужественный».
48. Уащхьузэ – верховное божество у черкесов.
49. *Дубровин Н.Ф.* О народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2002. С. 300.

**К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ПОГРЕБЕНИЯ
ЛЕГЕНДАРНОГО КНЯЗЯ ИНАЛА ***

В 80-х гг. XIX в. ученый-краевед Евгений Дмитриевич Фелицын (1848–1903)¹ отснял серию фотографий «Древности Кубани», оригиналы которых хранятся в фондах Государственного музея Грузии. В 1987 г. копии 21 фотографии были переданы другому известному краеведу М.Н. Ложкину². Михаил Николаевич посвятил две работы части этих фотографий, запечатлевших не сохранившиеся до нашего времени старинные памятники³.

Настоящая публикация посвящена лишь одной из фотографий Е.Д. Фелицына введенных в научный оборот М.Н. Ложкиным⁴. На этой фотографии (рис. 1) сохранилась подпись Е.Д. Фелицына: «Могила князя Инала, родоначальника кабардинских князей, находится в 5 верстах к югу от станицы Передовой Баталпашинского уезда Кубанской области»⁵.

М.Н. Ложкин так описывает руины, изображенные на фотографии: «Вокруг деревьев и далее на восток – завал из камней, предположительно остатки стен разрушенного прямоугольного здания. Справа, в некотором отдалении от деревьев, – поросшее кустарником возвышение»⁶. Далее Михаил Николаевич пишет: «Название сфотографированного урочища – Грушка – сохранилось до сих пор, и хотя деревьев давно уже нет, старые станичники помнили о них ... Однако источник полученных Е.Д. Фелицыным сведений о могиле Инала неизвестен. Современные старожилы станицы Передовой об этом ничего не знают»⁷.

Свой комментарий к фотографии Е.Д. Фелицына М.Н. Ложкин дополняет сведениями о пребывании кабардино-черкесского населения в районах среднего течения Урупа в конце XIV – середине XIX столетий. До широкого распространения ислама среди кабардинцев, черкесов и абазин в XVIII в. обычным был обряд погребения в курганах «из крупного галечника и плиток известняка»⁸. В округе станицы Передовой «сохранились не только одиночные курганы, но и курганные кладбища. В окрестностях хут. Ильич и на Ильичевском городище их зарегистрировано более 20, как и на землях хут. Байбарис и далее на запад, к бывшему хут. Щелканка и р. Большая Лаба. ... Известен погребальный инвентарь из случайных и грабительских раскопок курганов. В мужских погребениях находились железные сабли, кинжалы, ножи, наконечники стрел, портупейные наборы, кресала, поясные точилки (оселки), в женских – серьги, наперстки, подвески, бронзовые навершия головных уборов, железные ножницы, ножи, костяные учкурники»⁹.

Захоронения по исламскому обряду погребения были случайно обнаружены при земляных работах «на развилке дороги у выезда из ст. Передовой, при въезде в хут. Ильич, а также в ходе разработки грунтового карьера (территория бывшей Отрадненской ГЭС) ... в 1980-е гг.»¹⁰. На месте современного хут. Ильич существовал абазинский аул. В 1864 г. его жители были переселены на реку Большой Зеленчук¹¹.

Кроме того в ст. Передовой сохранилась легенда о самовольных раскопках кургана «на Грушках» жителем этой станицы будто бы нашедшем там золото. Так же от старожилов ст. Передовой получены сведения «о разрушении стен какого-то

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Древняя и средневековая культура адыгов».

старинного здания «на Грушке» и использовании добытых камней при прокладке дороги из Передовой в хут. Ильич»¹².

В итоге М.Н. Ложкин предположил, что изображенная на фото «насыпь из мелких камней скрывает руины стен какого-то здания прямоугольной формы, вытянутого с востока на запад. Не остатки ли это стен христианской церкви, подобно храмам, известным на Нижне-Архызском, Ильичевском, Урупском (ст. Преградная) средневековых городищах?»¹³

По моему мнению, на снимке Е.Д. Фелицына отражены руины относительно небольшого строения. Вполне возможно, что это разрушенный временем склеп или мавзолей, хотя полностью исключать точку зрения М.Н. Ложкина тоже нельзя.

Имя выдающегося кубанского краеведа Е.Д. Фелицына заставляет относиться к его данным со вниманием. Однако в историографии давно утвердилось мнение, что могила легендарного князя Инала (Инал-куба) находится в горах Абхазии близ современного селения Псху¹⁴. Вместе с тем сведения об Инале происходят в основном из фольклорных источников и настолько противоречивы, что даже время правления князя одни исследователи относят к хазарской эпохе, а другие к позднему средневековью¹⁵.

Конечно, понятен интерес ученых к личности князя Инала и его деятельности ярко зафиксированных в народных преданиях¹⁶. Но как мне представляется без археологического изучения (пусть хотя бы разведок) памятников связанных с именем Инала прогресс в данном направлении научных поисков маловероятен.

Урочище Инал-куба в Абхазии в наши дни является священным и почитается абазинами и абхазами. Тогда как памятники в урочище «Грушка» в Закубанье совсем не изучены. Важно также, что в окрестностях станицы Передовой, и более широко в Восточном Закубанье, находятся крупные археологические объекты эпохи средневековья. Наиболее известно Ильичевское городище домонгольского времени с остатками нескольких церквей. В пос. Медногорский (Урупский район) в 1980 году было выявлено городище площадью 3–4 га, хорошо укрепленное каменными стенами и рвами. Рядом с городищем расположен курганный могильник адыгского типа. На городище был найден выразительный комплекс железных предметов (оружие и орудия труда, предметы быта) датируемый XIV–XV вв. (рис. 2). Среди находок оказалось железное тавро с изображением тамги кабардинского рода Шируховых¹⁷. Как пишет археолог И.В. Цокур: «в Урупско-Лабинском бассейне ... в XIV в. возникает ряд новых городищ с мощными укреплениями. Наряду с Медногорским возникли городища Ахмет-кая, Второе Каменистое на Большой Лабе»¹⁸.

От себя добавлю, что планомерное изучение средневековых памятников Урупско-Лабинского и сопредельных регионов может дополнить данные фольклора о князе Инале археологическими материалами, имеющими более точную хронологию.

Рис. 1. Урочище «Грушка» близ станции Передовой. Фото Е.Д. Феліцянга (80-е гг. XIX в.) (по М.Н. Дожкину)

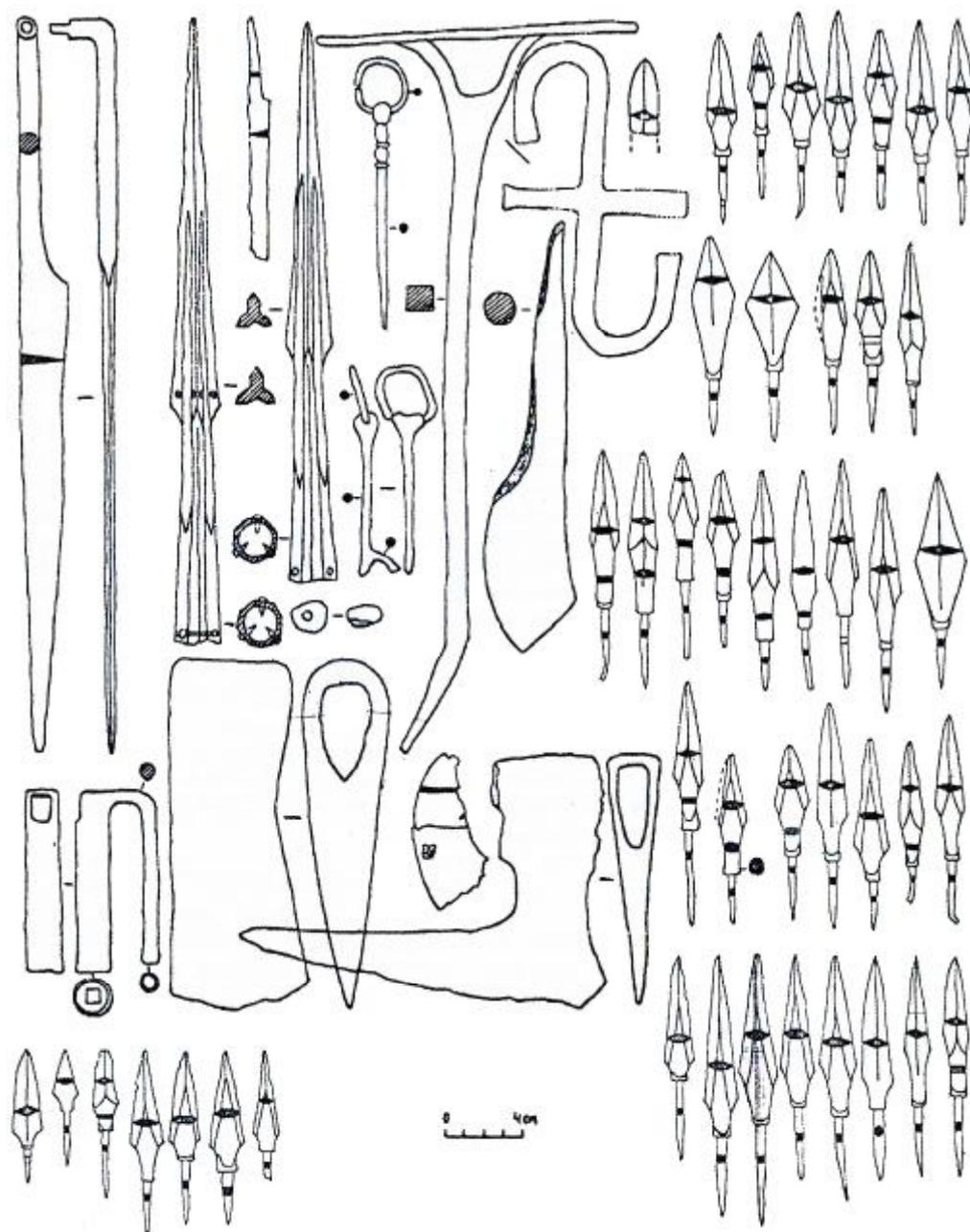

Рис. 2. Комплекс материалов XIV–XV вв.
Медногорского городища (по И.В. Цокур)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ачкасова А.Ф. Из жизни и деятельности известного историка, общественного деятеля, основателя Кубанского войскового музея Е.Д. Фелицына // Древности Кубани. Материалы конференции. Краснодар, 1991.

2. Ложкин Михаил Николаевич (1910–1999) – кубанский краевед из станицы Отградской, проявил себя и как археолог, длительное время изучая древности Приурупья. Михаил

Николаевич опубликовал несколько работ по археологической тематике. Основной его опубликованной археологической работой можно назвать статью «Аланы на Урупе». См.: *Ложкин М.Н.* Аланы на Урупе (археологический очерк) // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984. С. 29–61.

3. *Ложкин М.Н.* Фотографии Е.Д. Фелицына «Кубанские древности» // I Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, 1989; *Ложкин М.Н.* Фотографии утраченных памятников кубанской старины // Историко-археологический альманах. Армавир, 1996. Вып. 2. С. 132–136.

4. Работы М.Н. Ложкина вышли небольшими тиражами и в настоящее время малодоступны

5. *Ложкин М.Н.* Фотографии утраченных памятников ... С. 133.

6. *Ложкин М.Н.* Фотографии утраченных памятников ... С. 133–134.

7. *Ложкин М.Н.* Фотографии утраченных памятников ... С. 134.

8. *Ложкин М.Н.* Фотографии утраченных памятников ... С. 134.

9. *Ложкин М.Н.* Фотографии утраченных памятников ... С. 134.

10. *Ложкин М.Н.* Фотографии утраченных памятников ... С. 134.

11. *Ложкин М.Н.* Фотографии утраченных памятников ... С. 134–135.

12. *Ложкин М.Н.* Фотографии утраченных памятников ... С. 135.

13. *Ложкин М.Н.* Фотографии утраченных памятников ... С. 135.

14. См. например: *Гадло А.В.* Князь Инал адыго-кабардинских родословных // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. I. С. 416.

15. Анализ этих точек зрения см.: *Озова Ф.А.* К вопросу о происхождении княжеской династии Черкесии // Археология и этнография Северного Кавказа. Нальчик, 2012. Вып. 1.

16. См. например: *Гадло А.В.* Князь Инал ...; *Гадло А.В.* Тмутараканские этюды. II. Держава Инала и его потомков // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. II.

17. *Цокур И.В.* Комплекс материалов XIV–XV вв. Медногорского городища // Древности Кубани. Краснодар, декабрь 1997. С. 27–32.

18. *Цокур И.В.* Комплекс материалов XIV–XV вв. ... С. 29.

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ XVIII в. ОБ ИНГУШАХ

В XVIII в. Российская Академия наук посылает на Кавказ ученых-исследователей для изучения быта, истории, языков и нравов народов, проживающих на этой территории. С этой целью в XVIII в. на Кавказе побывали многие крупные российские ученые. Многие из них побывали в Ингушетии. Военные также изучали горцев.

Одним из первых совершил путешествие на Кавказ Иоганн Густав Гербер (...–1734), русский офицер немецкого происхождения (родом из Саксонии). На русской службе он находился с 1710 г. Еще в период подготовки Каспийского похода И. Гербер, по заданию русского правительства, объехал побережье Каспийского моря. В чине артиллерийского офицера И. Гербер принял участие и в самом походе в 1722 г. В течение семи лет Гербер находился на Кавказе, наблюдал за бытом и различными сторонами жизни кавказских народов, «изведал... все внутреннее состояние тех земель, которые для определения границ и для снятия точной ландкарты в 1726 и 1727 гг. из конца в конец объехал»¹. «Частые поездки в разные районы Северо-Восточного Кавказа позволили И. Герберу наблюдать различные стороны жизни и быта народов Кавказа, собрать разнообразный материал по истории и этнографии края»².

По поручению царя он составил карту пограничных с Турцией и Персией районов Кавказа и написал подробный комментарий к этой карте. В 1731 г. входил в состав экспедиции в Хиву и Бухару. Незадолго перед началом осады Азова, добравшись с артиллерией до Дона, заболел неизвестной болезнью и скончался в октябре 1734 г.

И. Гербер по материалам, собранным во время пребывания на Кавказе написал на немецком языке труд «Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах к землям и об их состоянии в 1728 г.». Этот труд на русском языке был включен в сборник «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», изданном в Петербурге в 1760 г.

В своем сочинении Гербер в основном рассказывает о дагестанских народах. О других же «диких и варварских» народах, горцах, граничащих «Грузинией, аварами и Дагестаном», которые «причиняют всякие грабительства в Грузинии и Черкесии», среди которых имеются и ингуши, написано очень мало и им дана общая характеристика: «Они употребляют огнестрельное оружие, иное с замками, иное с фитилями зажигаемое. Некоторые имеют луки и стрелы, а все вообще – кривые сабли. В уездах их есть по старшине, которых сами выбирают, и сии старшины вместе с кадием или духовным главой все ссоры прекращают. Ежели старшины им не нравятся, то они опять их низвергают или убивают до смерти. Они не находятся ни под чьим владением, не платят никому подати, и понеже от такой гористой земли прибыли надеяться не можно, то никто и не старается учинить их своими подданными»³.

Описывает И. Гербер и гостеприимство кавказских народов: «У некоторых из них есть в обыкновении, что ежели придет к ним гость или заедет чужестранец, то должно возмужавшей хозяйской дочери принять гостя, вещи его сохранить,

лошадь расседлать и ночью его угостить, и сие до тех пор продолжать, пока гость у них быть захочет. А когда он опять в путь отправляется, то дочь оседлает ему лошадь, убирает опять его вещи и таким образом в путь отправляет. Тот бы гость очень неучтив был, который бы сего угощения не принял»⁴.

По мнению известного советского этнографа М.О. Косвена, – «в целом обзор Гербера – первое появившееся в печати описание значительной части народов Кавказа. Не меньшее значение имеет и составленная Гербером карта, являющаяся первым произведением этнографической картографии Кавказа»⁵.

В 1766 г. на немецком языке в Петербурге выходит книга Иоганна Готлиба Георги (1729–1802), доктора медицины, члена ряда европейских академий наук «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей».

В 1799 г. в Петербурге вышел перевод этой книги на русский язык. В книге были обобщены материалы, среди которых большое место занимала богатая коллекция рисунков представителей различных народов Российского государства, собранные И. Георги во время его путешествия по Сибири и Кавказу с академиками Палласом и Фальком.

И. Георги одним из первых описал Ингушетию. Границы «кистецкой области», по Георги «простирается по северному хребту Кавказа от Терека до Сунжи; граничит с востока с татарскими и лезгинскими округами; к югу с лезгинцами и грузинами, к западу с Малой Кабардой, а к северу имеют границей реку Терек».

По описанию Георги, ингуши жили в то время «друг от друга неподалеку лежащими» небольшими хуторами, «в коих дворов не более 20», имели каменные башни «для защищения жен, детей и имущества». Приводит он некоторые сведения о хозяйственной деятельности («главные промыслы кавказцев состоят в земледелии и скотоводстве, причем многие производят также простые ремесленные работы и торги»). По сообщению Георги занимаются кистинцы и набегами на станицы казаков («а между тем ездят за терекскую линию для грабежа людей и скота. В случае сопротивления и бываемой за ними погони рассыпаются врозь с великой поспешностью и проворством. Козаки остерегаются их чрезвычайно, потому что часто отгоняют они у них лошадей»).

О религиозных верованиях Георги сообщает, «приметны в них следы христианской веры, почитание воскресных дней и праздников, имеют они у себя первосвященника, который должен быть человек не женатый и хорошего поведения... Покойников своих пеленают они в большие простыни и хоронят их без гробов... Чанинстаг (чистый человек) у кистинцев холост, имеет пребывание при некотором старинном каменном молебном храме, в коем, по их сказкам, есть такие истуканы и книги, которых никому видеть не подобает. По окончании жатвы посещают благоговейные люди сего чанинстага, который тогда закаляет у себя как будто бы в жертву многих белых овец. Местами попадаются надгробные камни с крестами и христианскими надписями».

Приводит Георги также названия некоторых ингушских обществ: «югуши», карабулаки, (которые «прежде сего назывались югушами, а сами себя именуют арштами, составляют не весьма многочисленную толпу народа»), «Ватский», «Ангушский» и «Шемский» округа, «живущие по Камбалее».

Отмечает Георги черты общественного устройства ингушей: «Князей у себя не имеют, но выбирают для управления собой старейших из знатнейших фамилий»⁶.

И. Георги первый из исследователей Кавказа, который в своих работах употребил термин «ингуши»⁷.

В 1769–1774 гг. на Кавказе был в экспедиции академик Иоганн Антон Гюльденштедт (1745–1781). «Поездки Гюльденштедта по региону открыли новый

этап в истории российского кавказоведения, когда в центре внимания оказались новые географические области и новые политические приоритеты»⁸. Материалы его исследований были опубликованы П.С. Палласом в 1787–1791 гг. в двух томах под названием «Путешествие по России и Кавказским горам» (на немецком языке). В 1809 г. в Петербурге был издан сокращенный перевод этой книги на русском языке под названием «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа». В 1834 г. в Берлине работа И.А. Гюльденштедта была издана Ю. Клапротом на немецком языке под названием «Описание Кавказских стран». В 2002 г. в Петербурге был издан на русском весь труд И.А. Гюльденштедта под названием «Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг.». Труд И.А. Гюльденштедта является ценнейшим источником по истории народов Кавказа последней трети XVIII в. Много ценной информации содержится в этом труде об Ингушетии и ингушах того периода.

Об ингушах И.А. Гюльденштедт сообщает, что это нация «совершенно свободна и не подчиняется никакому князю, как почти все остальные кавказские народы, а управляют ею несколько выборных старшин», также он сообщает что «обсуждавшееся же давно предложение о подчинении России было осуществлено только недавно через посредство Моздокского коменданта, полковника фон Неймич»⁹. В другом месте он сообщает, что посетил «ингушцев», «которые живут рядом с Малой Кабардой, южнее Моздока приблизительно на расстоянии в 80 в., преимущественно около речки Кунбелей, притока Терека [т.е., имеются ввиду ангуштцы – жители округа Ангушт. – *Авт.*], которые я посетил, когда их в 1770 г. русский офицер привел к присяге о верности и достал заложников»¹⁰.

При написании своего исследования И.А. Гюльденштедт использовал труды своих предшественников, в том числе сочинения Гербера и Георги. Ингуши, как пишет Гюльденштедт, «живут в близко расположенных деревнях; в каждой из них находится около 20 домов. Они прилежные земледельцы и скотоводы. По кавказскому обычаю они все вооружены; во многих деревнях имеется каменная башня; в нижнем ее помещении во время ведения войн спасаются женщины и дети; сверху же мужчины защищают свою собственность»¹¹.

О религии ингушей Гюльденштедт сообщает то, что «они сохранили некоторые следы христианства, и более отчетливые, чем у других кавказцев. Они верят только в одного бога, которого они называют Даила, и не знают никаких идолов или побочных богов или святых. Воскресенье они празднуют, как абхазы, только тем, что прекращают всю работу. Летом они воздерживаются на короткое время от мясной пищи, зимой – на более долгое. Вся нация почитает святого смиренного отшельника, который называет себя цани саг (чистый человек), который живет в высоких горах у старой церкви и после поста благословляет овец на заклание для первого употребления мясной пищи. Но при этом и также при рожденьях, свадьбах и похоронах существуют самые незначительные церемонии. Они женятся на нескольких женщинах, как магометане, но едят, вопреки их обычаям, свинину»¹².

И.А. Гюльденштедт впервые описал мавзолей «Борга-Каш» начала XV в., находящийся на территории с. Плиево Назрановского района Ингушетии. «В нескольких верстах от северной стороны ручья Назран, который впадает с западной стороны в Сунджу, приблизительно в 130 верстах выше от его устья, в нескольких верстах от западного берега Сунджи находится на значительном и свободном холме погребение. Строение шестиугольное, каждая сторона шириною в сажень; крыша сводчатая. На южной стороне есть вход шириною около трех футов, но не полностью в человеческий рост; по сторонам входа выступают стены шириной более чем в один фут, чтобы не попадал свет внутрь. Внутренний диаметр этого строения приблизительно в две сажени. Под ровным полом находится подземный свод с верхнее строение и около 7 футов глубиною. К этому подвалу ведет

находящееся в центре пола круглое отверстие, около 3 футов в ширину, края которого наклонно сходят внутрь, вероятно, для того, чтобы вместить сделанный по этому отверстию для прикрытия камень, которого, однако, сейчас не было. Строение возведено из плитняка с очень прочной известью и построено очень правильно по углу меру. Над входом были высечены в камне литеры в три строчки. Шрифт арабский, и надпись [надпись] гласит в переводе приблизительно так: «Обиталище Малахариин Санаби Имарет; сегодня ты, завтра мы»; писец этого был Али-Султан. В этом склепе я нашел 6 трупов, лежащих один возле другого, и казалось, что среди них есть еще столько же. Тела лежали в гробах, состоящих из пяти гладких дубовых досок, а именно – одна доска внизу, две перпендикулярно по сторонам и две сверху, расположенные наклонно друг против друга, оба конца смыкали пятиугольные дощечки. Тела лежали на спине, головами обращенные на восток, почти все они были не тронуты временем, некоторые были целыми, у других были вырваны ноги и руки из суставов. Они все были завернуты в саваны, настоящий покров которых невозможно, однако, было определить. Но все же можно было ясно увидеть, что одяние начиналось от головы или не закрывало голову и свободно свисало на ноги. Некоторые одеяния были изготовлены из хлопчатобумажной белой ткани, ткань в некоторых случаях была тонкой, другие были изготовлены из шелковых тканей, из них одно [одеяние] было полностью желтым и другое, красное, было украшено пестрым и золотыми цветами. Часть тел принадлежала мужскому полу, часть – женскому. Рядом с этими телами лежал также высохший, но не истлевший заяц, шерсти на этом животном не было, так же как и волос у людей. Вероятно, это животное скрылось в этот склеп, убегая от преследований охотников или хищников; здесь оно сдохло от голода. Мне рассказали еще до того, как я попал в этот склеп, чтобы придать всему делу весьма диковинную окраску, что внутри находятся высохшие в естественных позах заяц, охотник и борзая. Зайца я нашел, охотника тоже со всем охотничьим обществом, но борзую я не заметил. Я сомневаюсь также, что она когда-то была внутри вместе с зайцем, потому что она, вероятно, съела бы прежде, чем он погиб бы от голода. Суеверие, может быть, очень склонно к тому, чтобы провозгласить эту нетленную семью святой, если бы не было смешно принять и зайца в число святых, который с данной семьей имеет право на это. Из присущего народам здешней местности сухопарого телосложения, возвышенной местности, сухости кремнеземной почвы и жаркого воздуха, наблюдаемого в этом климате, естествоиспытатель извлечет достаточно причин, которые [объяснят, что] препятствует гниению этих тел и способствует их сохранению без чудес. Нет никакого предания о том времени, когда был выстроен этот склеп, также и о лежащем вокруг народе. Они не магометане, так как последних не хоронят в гробах, а кладут на лежащую наклонно доску, их заворачивают только в белые ткани и ни во что другое; их погребальным одеянием является полностью зашитый мешок, который крепко завязывается в головах и под подошвами ног. Все это выглядит у данных трупов совершенно по-другому. Таким образом, кажется, что они были христианами»¹³.

В 1772 г. в Петербурге был издан «Географический месяцеслов на 1772 год», в котором была опубликована заметка «Описание черкесов» Якова Яковлевича Штелина (1709–1785)¹⁴. Он родился в Швабии, окончил Лейпцигский университет, занимался гравированием на меди аллегорических изображений. В 1735 г. его пригласили в Россию для изготовления подобных гравюр.

Штелин был близок к императорской семье, в течение 3 лет состоял воспитателем будущего императора Петра III. По предложению Штелина с 1768 г. Академия Наук стала издавать календари: исторический, географический, экономический и т.д. Самое значительное литературное произведение Штелина – «Подлинные анекдоты о Петре Великом».

На Кавказе Штелин не бывал. В «Географическом месяцеслове на 1772 год» опубликована его заметка «Описание черкесов» (заголовок на немецком языке, текст – на русском). Излагаемые сведения получены им главным образом от И.А. Гюльденштедта.

Я.Я. Штелин об ингушах пишет следующее:

«...Подле Большой Кабарды у живущего в горах особливового народа, кисты или ингуши называемого, видны еще развалины каменной церкви, и в ямах оной, как то сказывают, лежат сгнившие, книги и пергаментные листы...

Все эти народы – суровый, крепкий, трудолюбивый, храбрый, но по большей части склонный к грабежу народ, который с малых лет занимаясь скотоводством, заблаговременно привыкает к воинским орудиям – копью, сабле и лукам, почему и совершают набеги на соседей и укрываются с добычей в горах. Они живут многими деревушками в горах, где в долинах много корма для скота, и особенно по вышинам и горам для многочисленных овечьих стад. В деревнях у них редко бывает больше 20–30 хижин, но они стоят очень близко одна к другой, так что на ровных местах по примеру ингушей одна от другой отстоит едва на несколько сот шагов. Почти в каждой деревне построена четверугольная каменная башня, в которую во время неприятельского нападения, чинимого обычно конницей, скрываются жены и дети, а вверху для обороны становятся мужи.

Горцы, как и кабардинцы, несут магометанский закон, но больше по имени, чем на деле, ибо об исламе они знают очень мало или совсем ничего; поэтому редко у них есть мечети и молла.

Ингуши никакой веры не имеют, но веруют в единого бога и создателя всей твари, а об учителях христианства или ислама не имеют понятия, и не могут сказать, откуда у них есть деление недели на 7 дней, и что в седьмой день, то есть в воскресенье, от всех дел отдыхают; однако при этом они не отправляют никакого богослужения, наоборот, дважды в году, а именно в феврале и летом содержат пост, и после жатвы ездят для поклонения в отдаленное в горах место, где они приносят годовую жертву, а именно, определенный к тому человек – цанистаг, то есть чистый муж, закладывает несколько овец, которых дают знатнейшие фамилии, при великом собрании народа, и приносит в жертву на каменном жертвеннике. Сей человек должен быть холост и непорочного жития, и жить в отдаленном месте в горах, где и поныне, как говорят, находятся развалины бывшей каменной церкви, статуи и надписи на камнях. Откуда это все произошло – ни ингуши, ни их соседи не помнят, ибо письмо им неизвестно. Они все говорят татарским языком, но столь разными наречиями, что соседи друг друга не понимают»¹⁵.

По свидетельству А.Н. Генко, Я.Я. Штелин один из первых, кто начал употреблять в научных трудах этноним «ингуши»¹⁶.

В том же «Географическом месяцеслове на 1772 год» была опубликована статья военного картографа Степана Даниловича Бурнашева (1743–1824) «О Черкасской или Кабардинской земле». Со ссылкой на материалы И.А. Гюльденштедта, недавно присланные в Академию Наук, он пишет: «Подле Большой Кабарды [у Гюльденштедта – Малая Кабарда. – *Авт.*] у живущего в горах особливового народа Кисты или Ингушофы называемого..., видны еще развалины каменной церкви, и в ямах оной, как то сказывают, лежат сгнившие книги и пергаментные листы»¹⁷. Вероятней всего речь идет о храме Тхаба-Ерды в Ассинской котловине.

В 1793 г. в г. Курске была опубликована книга С.Д. Бурнашева «Картина Грузии, или описание политического состояния царств Карталинского и Кахетинского, сделанные пребывающим при Е.В. царе Карталинском и Кахетинском Ираклии Теймуразовиче полковником и кавалером Бурнашевым», содержащее сведения 1786 г. В нем упоминается этноним дзурдзуки (в форме «дзюрдзюки»), который охватывает население верховьев рек Армхи, Ассы и Аргуна¹⁸.

В 1781 г., обследуя пути в Грузию по поручению командования, путешествие по Ингушетии совершил дивизионный квартирмейстер русской армии Леонтий фон Штедер. Свои наблюдения Штедер заносил в дневник. «Он оставил замечательный по точности и обстоятельности отчет о своем путешествии»¹⁹. Дневник Штедера был опубликован Палласом на немецком языке в 1797 г. под названием «Дневник путешествия в 1781 году от пограничной крепости Моздок во внутренние области Кавказа» (Санкт-Петербург – Лейпциг).

Штедер объехал почти всю Ингушетию: он побывал в долинах рек Сунжи, Фортанги, Назранки, Камбилеевки, Ассы, и подробно описал селения, в которых он побывал.

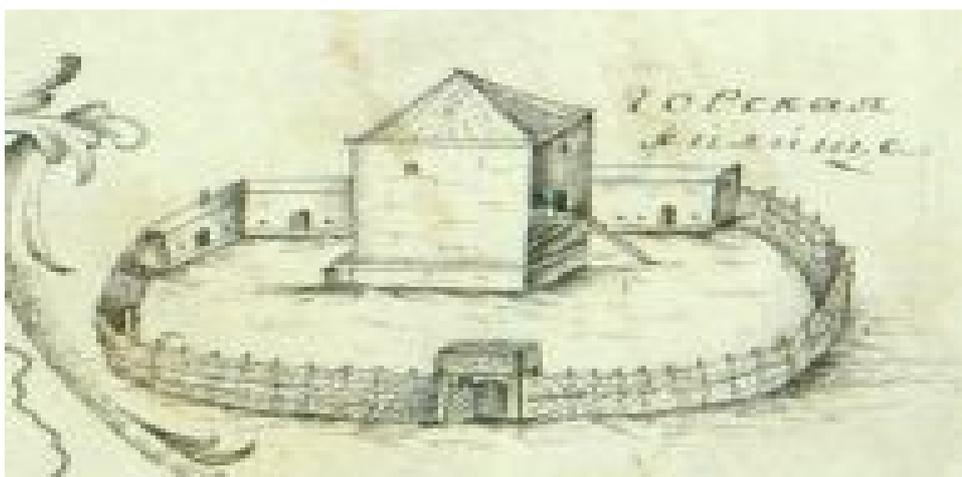
Профессиональный военный разведчик и талантливый картограф – дивизионный квартирмейстер, капитан Леонтий фон Штедер, был первым исследователем, которому удалось посетить горную Ингушетию. Результатом путешествия стали топографическая съемка маршрута дороги в Грузию, составление карты Северного Кавказа и наиболее подробное для своего времени описание горских земель Центрального Кавказа. В его дневнике путешествия содержится и первое краткое описание храма Тхаба-Ерды, а на составленной им рукописной карте, датированной 1782 г. помещены рисунки с изображением памятников Центрального Кавказа, в том числе, того же храма Тхаба-Ерды, мусульманского мавзолея Борга-Каш, Тартупский и Джулатский минареты и др. Эти иллюстрации являются первыми изображениями уникальных памятников архитектуры средневековой Ингушетии – храма Тхаба-Ерды и мавзолея Борга-Каш²⁰.

Храм Тхаба-Ерды. Карта Л. Штедера. 1782 г.

Мавзолей Борга-Каи. Карта Л. Штедера. 1782 г.

Горское жилище. Карта Л. Штедера. 1782 г.

Также на карте он оставил рисунок ингушского жилища – двор, огороженный плетеным забором, во дворе – каменная жилая башня (возможно – полубоевая башня, так как на рисунке четко видно, что вход в башню имеется только на втором этаже).

Ингушам Л. Штедер дает такую характеристику: «Эти ингуши трудолюбивы, особенно их женщины, которые заботятся о хозяйстве и одежде, таскают по горам большие тяжести и часто за 8 верст ходят за дровами для огня... Насколько я знаю, их потребности самые минимальные. Они одеваются на татарский манер; в жару и холод обходятся одной буркой; часто пищей им служат только корни растений; охота обеспечивает им хорошую пищу, но очень умеренную. Старшие едят первыми и оставляют немного другим, чтобы они и дети могли утолить голод. При их гостеприимстве, при всеобщей их доброте, при похвальном равномерном распределении того, что дает им счастье и случай, теряют они облик дикарей и предстают более человечными, чем наши алчные благовоспитанные люди. Они чрезвычайно худые, высокие, с легкой походкой, крепкие и неутомимые. Внешне они свободные, гордые и серьезные. В речи они пылкие, но очень быстро успокаиваются. Все их чувства проявляются искренне и открыто. Презрение к жизни считают они добродетелью, малейшее проявление страха – большим пороком, поэтому они безрассудно отважны... Их горячность очень быстро возбуждается и так же быстро утихает, и хладнокровие, как я заметил, считается у них лучшим достоинством. Охота, набеги и война – славные занятия их молодежи. У них есть фамильные главнокомандующие, не имеющие власти; руководят только красно речие и способность к делам. Отец вооружает сына, как только тот становится способным защищать себя, и затем предоставляет произволу судьбы. Они почитают одного Бога, создателя и кормильца, приносят Ему в жертву животных и другие мелочи»²¹.

Л. Штедер определил в Ингушетии стратегические места, удобные для закладки крепостей. Через три года после его посещения Ингушетии, в 1784 г. у деревни Заурово была заложена крепость Владикавказ. И место для закладки крепости Назрань (заложена в 1810 г.) было определено им. Вот что писал Штедер о стратегическом положении этой местности: «Назиран – небольшая река, которая бежит на северо-восток, заросшим кустарником и тростником; у нее прозрачная вода и топкое ложе, поэтому ее, кроме как на отмелях, невозможно перейти. Эти трудные переправы, возвышенности и сама Сунжа, которая бежит на восток через лесистые горы, образуют здесь крепкое тесное ущелье, у которого ингуши обычно держат заставу... Это ущелье на Назиране возле Татартупа могло бы стать вторым важным постом, с помощью которого можно было бы держать в узде кабардинцев и чеченцев. Природа и положение обеспечивают им крепость и все насущные потребности»²².

В 1780-х гг. по Ингушетии часто совершал поездки Якоб Рейнегтс, находившийся на русской дипломатической службе в Грузии. В 1796 г. на немецком языке была издана его книга «Историческое, топографическое и физическое описание Кавказа и всех различных народов на нем обитающих». Выдержки из этой книги в переводе на русский язык были опубликованы в 1986 г.²³

Я. Рейнегтс описывает территорию проживания ингушей: «На правом берегу Терека по северо-западной вершине восточного Кавказа и по всем около онаго лежащим горам, живет народ, называемый инкучь, который из Мадшара начало свое выводит, в соседстве с ним с южной стороны обитают кисты, нежели самые суть сии народы, о которых Плиний под именем гистов, а Моисей Хоренский по именем хустов упоминает? По крайней мере они суть из числа древнейших кавказских жителей, ибо язык их в употреблении у большей части тех народов, которые на наружных горах к N.O. поселились. Кисты простираются до берегов Терека, а к востоку граничат они с другими народами, называемым карабулаки, оныя живут уже на высочайших горах и распространяются к востоку по долгой долине, даже до соседняго пограничнаго народу, который называется билитли. [Судя по местоположению «билитли», оно представляет собой одно из ингушских

обществ. – *Авт.*] Сии билитли граничат к западу с инкучами и рекою Кумбале, между собой разделяются от правого берега реки сей даже до источников реки Сиунче продолжилось поколение Алти, которое 200 дворов в роде своем считает»²⁴. Рейнеггс приводит ряд ингушских (кистинских) и чеченских слов и отмечает, что «все они вообще должны от кистов иметь свое начало, ибо язык чеченский весьма сходен с языком кистов и оба сии народы при порядочном выговоре друг друга понимают»²⁵.

Как отметил Т.Х.-Б. Муталиев, «из историков первым непосредственную связь возникновения Владикавказа с ингушскими селами отметил Я. Рейнеггс»²⁶. Я. Рейнеггс пишет что, «инкучи считают от себя несколько селений, а именно: 200 дворов поселившихся при Шалгу [Шолхи. – *Авт.*] и деревне Саур [Заурово, Заур-Ков. – *Авт.*], лежащих возле крепости Владикавказ», и подчеркивает, что «Владикавказ от них же свое начало получил»²⁷.

Описывая общественное устройство ингушей, Я. Рейнеггс отмечает, что ингушам «название господин и слуга... совсем не известно», но все же, что народ, «сколько бы он в прочем ни был непокорен в своей вольности, всегда имеет некоторых из своих сочленов, которые будучи от всех единогласно избраны, пекутся в внутреннем порядке общего блага и для того почитаются за судей и за советников, коим все обязаны повиноваться, весьма редко бывают из них столь ослушны, чтоб не захотели себя подвергнуть наказанию, которое судья на них налагает»²⁸.

Я. Рейнеггс дает описание жилищ, мужской и женской одежды, религиозных обрядов и танцев ингушей. В записках Рейнеггса описан несохранившийся у ингушей на сегодняшний день массовый круговой танец ингушей: «Пляска же их начинается сперва всякого рода опасным прыганием, потом, когда уже сие многими плясунами было повторено, взявшись за руки, поют в коротких и обрывистых словах и пляшут длинными рядами, иногда делают круг, который то разрывают, то опять соединяют, и, наконец, оканчивают таким же опасным прыганием, которым начали свою пляску». Впервые описаны Рейнеггсом и музыкальные инструменты ингушей, которые состоят из «двухструнной скрипки, свирели и волынки»²⁹. Далее он описывает полезные ископаемые ингушских гор³⁰.

В 1793–1794 гг. совершил экспедицию на Кавказ академик Российской Академии наук Петр Симон Паллас (1741–1811) – ученый-энциклопедист, натуралист и путешественник. Результаты экспедиции были опубликованы в книге «Путешествие по южным провинциям Российской империи в 1793 и 1794 гг.», которая вышла на немецком языке в Лейпциге в 1799 г.

Ингушам Паллас дает очень высокую оценку: «На Кавказе живет некий народ, который совершенно отличается от других кавказских народов по языку, облику и чертам лица; их самоназвание – ламур, означющее – жители гор; другие называют их галгаями или ингушами». «Честнейшими» и «храбрейшими» называет Паллас ингушей³¹.

Паллас отмечает, что ингуши являются замечательными земледельцами. Он описывает вооружение ингушей: «Это единственный народ Кавказа, у которого сохранился щит как часть вооружения. Эти щиты изготовлены из дерева, покрытого кожей, и охвачены железными обручами овальной формы. Короткая сучковатая палка, являющаяся частью их вооружения, служит не только для обороны, но и в качестве подпорки для ружья, которое кладут между рогатками этой пики, укрепляя ее конец в земле, что дает возможность более точно стрелять в цель»³².

О территории проживания ингушей Паллас пишет: «Они живут на истоках Кумбелея и Сунжи, до высоких гор на восточном берегу Терека, где они граничат с осетами. Карабулаки происходят именно от них; они граничат с ингушами на западе, с чеченцами на востоке... Хотя чеченцы говорят на одном языке с ингушами, по характеру они совершенно отличаются друг от друга»³³.

Говоря о происхождении ингушей, Паллас отмечает: «Рассудительный Гюльденштедт относил это племя к мичкизам или кистам, которых считал остатками реальных алан. В Морском журнале, Перипле, извлеченном в основном из сочинений Арриана и Скимна Хиосского, Таврический город Феодосия называется по-алано-таврически Ардауда, что на языке алан означает «7 богов». Это имя с этим же значением до сих пор употребляется в языке нынешних кистов, у которых Уар означает 7, а Дада – отец или бог; интересно, что имя Таут среди огнепоклонников в районе Баку в наши дни означает имя Бога. Я не обнаружил ни в одном из языков народов Кавказа, чтобы слово «семь» звучало аналогично Ар или Уар»³⁴.

В 1797 г. на Северном Кавказе побывал граф Ян Потоцкий (1761–1815) – историк, географ, этнограф, археолог, почетный член Российской Академии наук. Ян Потоцкий являлся представителем крупного польского графского рода Потоцких. Получил образование в Женеве и Лозанне, был членом польского сейма. После падения Польши переселился в Россию. Много путешествовал – был в Италии, Испании, Мальте, Тунисе, Марокко, Греции, Турции, Египте, Персии. По поручению Российской Академии наук он предпринял путешествие на Кавказ. Его маршрут пролегал из Москвы на Царицыно, далее – Астрахань, Кизляр, Дагестан, Моздок, Кабарда, Георгиевск, Тамань и т.д.

Его записи о Кавказе были опубликованы в Санкт-Петербурге во втором номере «Северного Архива» в 1828 г.³⁵

В Ингушетии Ян Потоцкий не был, сведения об ингушах он собирал у чеченцев. О религии ингушей Потоцкий пишет: «Прибыли чеченцы для обмена заложника; они сказали мне, что они понимают диалекты ингушей и карабулаков, но эти народы имеют отличную от них религию, и они украшают скалы»³⁶. Другой чеченец – Урус поведал Потоцкому, что ингуши «называют «Иерда» свои священные скалы и совершают для них пышные жертвоприношения, особенно во время погребений... Но у них нет ни жреца, ни священника. У ингушей есть небольшие серебряные фетиши неопределенной формы (вероятно, имеется в виду известная науке серебряная маска богини плодородия Тушоли³⁷. – *Авт.*). Они называются «Тсуум» («Цув». – *Авт.*), и к ним обращаются для вызывания дождя, для рождения детей и приобретения других небесных благ»³⁸.

Ян Потоцкий приводит интересные сведения о существовавшем в прошлом среди ингушей обычае женить умерших: «Случается здесь и более необычное дело. Если ингуш лишился сына, другой, который потерял дочь, идет к нему и говорит: «Твой сын на том свете нуждается в жене; я отдаю ему свою дочь, а ты дай мне столько-то коров в качестве калыма», и в таких случаях никогда не бывает отказа»³⁹.

Об этом ингушском обычае сообщает также В. Лядов в работе «Кавказ в физическом и этнографическом отношениях», опубликованном в 1859 г. в Санкт-Петербурге журнале «Рассвет»: «...если случится, что у кого-нибудь умрет молодой, неженатый еще сын, то другой, имевший несчастье потерять дочь-девушку, приходит к первому и говорит: «Твоему сыну на том свете понадобится жена. Купи для него мою умершую дочь»»⁴⁰. Также об этом обычае пишет и И. Бларамберг⁴¹.

О существовании у ингушей такого обычая известно и из фольклорно-этнографических материалов. Об этом обычае в 1970 г. Идрис Базоркин записал со слов Аушева Аюба из Шолхи (которому рассказал Хасиев Хадис Миралиевич из Галашек): «В древности у ингушей был обычай женить умерших. Если у одного тейпа умирал парень, а у другого – девушка, то родственники парня посылали сватов к родственникам девушки. Те могли согласиться, а могли и отказать, если жених казался им недостойным.

В том случае, когда родные умершей девушки соглашались, проходило сватовство по всем правилам...

Приданого не делали. Через некоторое время родственники жениха назначали день свадьбы. Ехали за невестой и у ее родственников угощались, танцевали, пели песни. Потом сторона жениха спрашивала: «Показывайте, где наша невеста?» Их вели на кладбище и показывали могилу «выходящей замуж».

– Здравствуй (имярек), – говорил один из близких жениха. – Мы приехали за твоей душой, чтобы забрать ее к мужу. Выходи!

В это время кто-то из них стрелял в воздух, как стреляют, когда выводят невесту.

Таким образом «забрав ее душу», они ехали домой и трое суток справляли свадьбу. Затем шли на кладбище и говорили у могилы сына:

– Ну, (имярек), хватит тебе быть в одиночестве! Принимай невесту, мы тебе привезли (такую-то).

Кто-то из родственников в это время стрелял в могилу.

Между двумя тейпами после этого начиналось настоящее родство. Родственники невесты, желающие посетить ее могилу, шли не туда, где она была захоронена, а к могиле мужа, где она теперь «живет»⁴².

Говоря о письменности, Я. Потоцкий пишет, что «ингуши не имеют удовольствия письменности и рассматривают ее как повторяющееся чудо, которое христианство и магометанство изобрели для своих последователей»⁴³.

Также он приводит сведения о проникновении в среду ингушей ислама. «... Ингуши, – пишет он, – все еще привязаны к своей религии, хотя некоторые из них являются втайне мусульманами»⁴⁴. Далее он приводит рассказ о двух братьях-ингушах, которые пытались проповедовать ислам среди ингушей: «Два брата из этого народа были проданы в Турцию, приняли там ислам, побывали в Мекке и, наконец, стали свободными и вернулись на родину. Их мать была еще жива, и они легко обратили ее в веру Магомета. Затем, движимые святой верой, они стали публично выступать против культа скал. Но ингуши собрались и сказали им: «вы учите нас закону, который вы усвоили в то время, когда вы были рабами. Мы не желаем его. Уходите из нашей страны и никогда не возвращайтесь». Братья ушли к чеченцам, где они и живут в настоящее время»⁴⁵.

Иоганн Петер Фальк (1725–1774) родился в Швеции, в семье проповедника; обучался медицине. В молодости испытал много нужды и лишений. В Петербурге оказался случайно. В 1768 г. Академия Наук предложила ему совершить путешествие по России. При содействии президента Медицинской Коллегии, камергера барона Черкасова, Фальк был уволен из Коллегии с оставлением при прежней должности, и во время путешествия получал двойной оклад ординарного академика. Фальк надеялся, что путешествие укрепит его слабое здоровье, но надежды не оправдались. Путешествие началось в 1768 г. и продолжалось около 6 лет. На Северном Кавказе Фальк побывал в 1773 г. Здоровье его во время путешествий было подорвано окончательно, и, не выдержав страданий, он застрелился в Казани в 1774 г.

«Для распространения основательных знаний о самой России» и для того, чтобы «не оставить в небрежении подвиги предков на поприще науки и просвещения народного», президент Российской Академии Наук С.С. Уваров предложил предпринять издание полного собрания ученых путешествий, в которых АН принимала участие. Эти «ученые путешествия» начинаются с 1733 г., когда императрица Екатерина I отправила экспедицию на Камчатку. За 1819–1825 гг. было издано 7 томов, содержащих записки Крашенинникова, Лепехина, Фалька и других ученых. «Записки» Фалька помещены в 6 томе «Полного собрания ученых путешествий по России», изданном в Санкт-Петербурге в 1825 г.⁴⁶

Фальк в своей работе приводит немного сведений о географии и сельском хозяйстве горцев, живущих по Тереку, Сунже и др. рекам. Фальк признается, что

«ученый и неутомимый профессор Гильденштедт, объехавший страны Кавказа, сообщит подробнейшие и основательнейшие известия о Тереке, мною же собранные примечания могут служить дополнением к познанию сей страны»⁴⁷.

Вероятно, к концу XVIII или к началу XIX в. относится сочинение неизвестного автора на французском языке «Нравы и обычаи кабардинцев или черкесов», выявленное В.М. Аталиковым в библиотечных фондах Института этнографии АН СССР⁴⁸.

Сочинение это посвящено кабардинцам, но в него вкраплены сведения об ингушах, известные по публикациям И.Г. Георги, И.А. Гюльденштедта, Я.Я. Штелина и других авторов конца XVIII – начала XIX в. Вероятно, что под «кабардинцами» неизвестный понимал не только их, но и другие народы Кавказа.

О жилищах «кабардинцев» аноним сообщает: «Из всех жителей только кабардинцы имеют самые лучшие жилища, поддерживаемые в хорошем состоянии постоянным уходом. В деревнях насчитывается от 20 до 50 жилищ, в центре которых возвышается башня для укрытия женщин и детей в случае нападения на них»⁴⁹. Здесь речь об ингушских населенных пунктах. Полукучевые кабардинцы не строили башни и никогда не жили в них.

В другом месте аноним пишет о религии «кабардинцев»: «Религия кабардинцев не состоит в педантично точно практике, она представляет собой смесь язычества, ислама и христианства. Они называют Бога именем Даила, так же как татары называют Бога именем Алла[х]. Среди них живет чистый муж, нечто вроде отшельника, который живет в каменной башне. Он пребывает в безбрачии, пользуется большим уважением в народе и не показывается никому»⁵⁰. Эта информация о религии «кабардинцев» известна по публикациям предыдущих авторов, как информация о религии ингушей⁵¹. Переводчик В.М. Аталиков также в примечании отмечает, что эти сведения относятся к ингушам⁵².

Путешественники и ученые-исследователи XVIII в., побывавшие на Кавказе и писавшие об ингушах, сумели запечатлеть и сохранить для науки многое интересное о жизни ингушей из того, что уже не застали исследователи XIX в. Также ими было положено начало научного изучения ингушей и Ингушетии.

В дальнейшем интерес российских ученых к Кавказу и кавказцам, в том числе к Ингушетии и ингушам, не ослабевал, а наоборот усиливался. С начала XIX в. материалы о народах Кавказа появляются в журналах, выходивших в Санкт-Петербурге и в Москве – в «Вестнике Европы», в «Современнике», во «Временнике», издававшемся «Обществом истории и древностей российских», созданном в 1804 г. при Московском университете. В 1818 г. при Академии наук было учреждено Восточное отделение и открыт Азиатский музей, что положило начало официальному изучению Кавказа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. С. 9.
2. *Гаджиев В.Г.* Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся». М., 1979. С. 11.
3. Сочинения и переводы...
4. Там же.
5. *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. Вып. 1. С. 276.
6. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799.

7. *Генко А.Н.* Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л., 1930. Т. 5. С. 700.
8. *Карпов Ю.Ю., Шафрановская Т.К.* От переводчика и редактора // Гюльденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 14.
9. *Гюльденштедт И.А.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 36.
10. Там же. С. 240.
11. Там же. С. 37.
12. Там же. С. 240.
13. Там же. С. 270–271.
14. *Штелин Я.Я.* Описание черкесов // Географический месяцеслов на 1772 год. СПб., 1772. Без пагинации.
15. Там же.
16. *Генко А.Н.* Указ. соч. С. 700.
17. *Бурнашев С.Д.* О Черкасской или Кабардинской земле // Географический месяцеслов на 1772 год. СПб., 1772. Без пагинации.
18. *Бурнашев С.Д.* Картина Грузии, или описание политического состояния царств Карталинского и Кахетинского, сделанные пребывающим при Е.В. царе Карталинском и Кахетинском Ираклии Теймуразовиче полковником и кавалером Бурнашевым. Курск, 1793.
19. *Генко А.Н.* Указ. соч. С. 690.
20. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 25675-2.
21. *Штедер Л.* Дневник путешествия в 1781 году от пограничной крепости Моздок во внутренние области Кавказа // *Аталиков В.М.* Наша страна. Приложение. Нальчик, 1996. С. 197–198.
22. Там же. С. 192.
23. *Рейнеггс Я.* Историческое, топографическое и физическое описание Кавказа и всех различных народов на нем обитающих // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). Грозный, 1986. С. 26–35.
24. Там же. С. 26.
25. Там же. С. 27.
26. *Муталиев Т.Х.-Б.* Благодаря мужеству и силе нации // Ингушетия и ингуши. Назрань–М., 1999. Т. 1. С. 173.
27. *Рейнеггс Я.* Указ. соч. С. 28.
28. Там же.
29. Там же. С. 31–32.
30. Там же. С. 32.
31. *Паллас П.-С.* Путешествие по южным провинциям российской империи в 1793 и 1794 годах // *Аталиков В.М.* Наша старина. Приложение. Нальчик, 1996. С. 248.
32. Там же.
33. Там же. С. 248, 250.
34. Там же. С. 248–249.
35. Путешествие графа Потоцкого в Астрахань и окрестности страны в 1797 году // Северный Архив. № 2. СПб., 1828.
36. *Потоцкий Я.* Путешествие по Астраханским степям и по Кавказу // *Аталиков В.М.* Наша старина. Приложение. Нальчик, 1996. С. 263.
37. «...на р. Ассе, притоке Сунже, была найдена металлическая маска богини Тушоли. Она являлась частью идола, имевшего светлое лицо, т.е. освещавшегося изнутри свечой. Маска была надета на идола, вырубленного из соснового полена». (*Пчелина Е.Г.* О местонахождении яского города Деякова по русским летописям и исторической литературе // Материалы и исследования по археологии СССР. № 114. М., 1963. С. 158.
38. *Потоцкий Я.* Указ. соч. С. 264.
39. Там же. С. 264–265.
40. *Лядов В.* Кавказ в физическом и этнографическом отношениях // Журнал «Рассвет». СПб., 1859. Т. IV.
41. *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., 2010. С. 318–319.
42. Из архива И.М. Базоркина.

43. *Потоцкий Я.* Указ. соч. С. 265.
44. Там же.
45. Там же.
46. Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1825.
47. Там же.
48. *Аноним.* Нравы и обычаи кабардинцев или черкесов // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков. Нальчик, 2010. С. 82–84.
49. Там же. С. 83.
50. Там же. С. 84.
51. *Георги И.Г.* Указ. соч.; *Гюльденштедт И.А.* Указ. соч. С. 240; *Штелин Я.Я.* Указ. соч.
52. *Аноним.* Нравы и обычаи кабардинцев или черкесов. С. 84.

М.А. Агларов

БРАЧНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ЖЕНЩИН В СТАРОМ ДАГЕСТАНЕ

Когда Бог послал женщин на землю для управления миром...

О том повествуется в одном редком и выразительном предании, записанном мной в Западном Дагестане. Согласно древнему мифу андийцев, на землю сошли двенадцать богинь, каждая из которых повелевала двенадцатью сферами или стихиями: ветром, животными, морями, растениями, и т. д. На землю этих богинь, называемых «Гьалкунял», («Всемогущие» – анд.) послал верховное божество Цоб. На Земле же они, хотя и примерно управляли своими ведомствами, нарушили нравственные устои мироздания. До их пришествия даже животные, не говоря о людях, спаривались ночью, скрытно от людей и друг от друга. Но с самого начала своего владычества, вступая в беспорядочные половые связи, богини совращали людей и животных. Веление верховного божества, чтобы они упорядочили половую жизнь, богини не приняли во внимание. Тогда разгневанное Солнце опустилось на землю и наказало богинь, превратив их в двенадцать достопамятных окаменевших скальных налепов. На одном из обрывов южной стены хребта Бахарган стоят двенадцать, один к другому в ряд, рельефно выделяющиеся окаменелости в форме продолговатых налепов, которых считают окаменевшими богинями. Называют это место как «Йешилиль», что значит «У девушек». Предание, обладает сюжетом исключительным, достойным фантазии древних греков, о хаосе и порядке в мире нравов. Философы и этнологи сделали бы выводы об отражении здесь конца власти женщин эпохи матриархата, и что миф доносит до нас информацию о неупорядоченных половых отношениях, что в этнологии называют промискуитетом первобытно-общинной эпохи и так далее. Но воздержимся от штампов, удивленные тем, что перед нами поразительный сюжет о том, как представляли себе древние обитатели кавказских гор конец правления грешным миром женщинами.

Рис. 1. «Скальные налепы – Йешилиль».
Все двенадцать богинь наказанные разгневанным Солнцем

Рис. 2

«Но прихожу я слишком рано...»

У Расула Гамзатова есть стихотворение – «В Ахвахе». Сюжет вкратце: Он, молодой Расул, в Ахвахе видит толпу юношей, кидающих свои папахи в окно девушки, и он тоже кидает свою кепку в то окно. Летят назад и падают наземь, поднимая пыль, папахи претендентов; его кепка «со сломанным козырьком» тоже летит назад: «ты слишком рано пришел парень», – слышит он. И один из парней девушкой выбран в женихи, и тот «проворно лезет в окно за своей папашой». Много лет спустя, знатный Расул снова в Ахвахе, та же картина, он бросает свою шляпу в окно, шляпа с другими папахами отвергнутых женихов, летит назад, и слышит: «ты слишком поздно пришел парень». Расул уже не тот:

«ХъахИлаб зодихъан боргун ана цIва.–
Кибе бортараб мун дир гIолохъанлъи!
Я хекко вачIула, я кватIун ккола,–
Кидаго швечио дун цо цIараб гIужда».
«Неведомо куда звезда упала,
Куда же ты ушла молодость моя!
К цели прихожу слишком рано,
Или слишком поздно прихожу».

Сюжет с забрасыванием папах поэтом не придуман. Впервые этот обычай ахвахцев был описан Алихановым-Аварским в своем замечательном очерке «О горянках»¹. Об этом обычае и мне рассказывали в Ахвахе еще в 60-е годы прошлого столетия. Только дело происходило, не в ауле, а на водяной мельнице, куда отправлялась девушка для помола зерна и выбора жениха. Я спрашивал собеседников – «и ныне так»? «Нет», – говорили мне, – «Времена какие! Сейчас в дом, где живет брачного возраста девушка, через дымоход камина бросают записки с именами претендентов, по-современному...». Но такой обычай выбора жениха был только в Ахвахе.

Или же... в записных книжках этнографов присутствуют такие сюжеты... Представитель джамаата вечером, поднимался на крышу дома, где проживала девушка брачного возраста, и через дымоход камина просил назвать имя человека,

за которого она желает выйти замуж. По словам информаторов, иногда девушка отказывалась, но нередко называла имя юноши. В тот же вечер, посланный для этого обряда, оповещал родителей избранника. Отказ юноши считался предосудительным поступком. Затем следовал обычный цикл сватовства и свадьбы². Или же... В древности, согласно обычаю *кьурмямяв*, лакская девушка, когда наступал ее брачный возраст, «выбирала момент, когда все мужчины селения по какому-нибудь поводу собирались в одном помещении. Она тайком подходила к окошку снаружи и громко называла имя желанного юноши, а затем свое имя³. Обычай требовал, чтобы семья названного немедленно начинала сватовство»⁴.

Наряду с установлениями связанных с инициативой девушки в брачном выборе, практиковался, а может и практикуется и ныне, обычай *«хадуй ин»* (букв. «уйти вслед, за ним»). Он заключался в том, что девушка ночью или днем, ни с кем не согласовав, уходила к парню или с ним, к его знакомым в соседнее селение. Такой поступок считался унижительным, особенно для родни девушки, потому встречался очень редко. Распространен почти у всех народов Кавказа и везде одинаково порицаем, хотя легализуется после венчания.

Оповещение. Обычай заключался в том, что девушка могла потребовать брака с любым молодым человеком села, если последний при случайной (равно и преднамеренной) встрече загородит ей дорогу или слегка дотронется до нее. После объявления девушкой о случившемся, родственники девушки требовали немедленного брака, и отказ юноши рассматривался как оскорбление для родных и близких девушки. Оповещала девушка в первую очередь людей, близко стоящих к дому, но не родных, и при этом, заливаясь слезами, сгущала краски. Случалось и так, что девушка требовала заключение брака с юношей, ложно обвинив последнего в мнимых попытках преградить ей дорогу, дотронуться до нее, и т.д. Девушка после случившегося до начала переговоров о сватовстве оставалась в доме тех, кого она извещала о попытках юноши оскорбить ее честь.

Все выше рассмотренные формы являлись вне тухумным выбором, что дает некоторые основания думать, что эти обычаи отражают древний этап парного брака на стадии экзогамного рода, который характеризовался инициативой девушки в браке или, по крайней мере, стороны девушки. Вместе с тем, при всей кажущейся логичности такой реконструкции, оснований быть уверенными в ней нет, поскольку сравнительная этнография дает разноречивые ответы относительно инициативы в брачном выборе. В дагестанских материалах этот мотив выражен четко, и, более вероятно, что эти обычаи и установления связаны с внутриобщинной брачной регуляцией в условиях сельской (джамаатской) эндогамии⁵. Заботой общины чтобы в суженном круге брачного выбора не оставались свободные женщины молодого и среднего возраста, пожалуй, яснее и проще объясняются выше приведенные порядки. Они же свидетельствуют об определенной свободе женщины, в важнейшей для нее и остальных сфере жизни.

К ПОЛОЖЕНИЮ ЖЕНЩИНЫ В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ

Внутрисемейные отношения народов Дагестана, продиктованные в большей мере условиями их общественного строя, определялись структурными особенностями независимых общин гражданского типа – джамаатом и формами самоуправления. Семейные традиции всецело отражали их общественно-политический строй и быт; эти традиции обслуживали общество, переиздание которого было связано с семьей. Прежде всего, половозрастное разделение труда, которое предусматривало выполнение домашних работ (за исключением наиболее тяжелых) женщиной. Наиболее тяжелая и ответственная статья женского труда

заклучалась в выполнении женщиной всех полевых работ (за исключением вспашки поля и перевозки урожая на саях-волокушах домой) там, где условия не позволяли применять сани-волокуши. На дальних альпийских сенокосах, где можно было применять большую фабричную косу, косили мужчины. Н. Дубровин пишет, что, «нет возможности перечислить все разнообразные виды занятий женщины, но можно сказать, что трудно увидеть ее без работы... вся жизнь горянки есть труд и труд самый тяжелый». Алиханов-Аварский, аристократ, генерал царской службы, просветитель, публицист высмеял, авторов девятнадцатого века, назвав их сентенции о горянке «галиматьей»⁶. Но, к сожалению, остановить авторов XX века, писавшие галиматью о «закрепощенной» горянке, которую «освободила социальная революция», было видимо некому... Горянки, не в пример женщин Востока, действительно трудились, но это был труд, во-первых, не самый тяжелый и повседневный. Самый тяжелый труд лежал на плечах мужчин или наемных работников. Во-вторых, труд женщин был свободным, продукт которого до единой соломинки шел семье: ни барину, ни государю, ни мечети. Горянки трудились на своей земле, ухаживали за своим скотом и домом, детьми и т.д., поэтому труд одновременно был фактором морального возвышения, а не гнета, как подневольный. Соответственно, горянки сохраняли свой независимый характер, достоинство, открытый нрав, активную роль в общественной жизни, доживали до глубокой старости. Женщины, формально лишённые прав в сфере политической жизни, поддерживали авторитет своих собственных мужчин, создавая все условия для гражданского и рыцарского образа жизни последних. Недаром говорят, что женщины-горянки делают горцев горцами. Мужчины более скрывали свои недостатки и истинные черты характера от жен и женщин в целом, больше чем от мужчин и друзей. С другой стороны мужчины берегли своих женщин, и, не задумываясь, отдавали свою жизнь в делах охраны их достоинства чести. Внедрение «мусульманских стандартов» в семейную жизнь (забота духовенства) была затруднена несоответствием кавказского горского общества с арабским миром на базовом уровне. Арабской культуре не была свойственна, такая как у горцев, высокая хозяйственная роль женщины и вытекающее отсюда положение, когда женщина всегда являлась собственницей недвижимости, включая свою часть земли, получаемой от отца как приданое или в наследство. Декларируемые религией идеалы гармонии семьи на основе полной покорности жены, никогда не соответствовали практике – трудящаяся женщина, женщина-собственница, имела четкие и сильные позиции в семье и вес в обществе. Всю наиболее тяжелую часть работы выполняли мужчины, свои или наемные, но они не могли позволить себе быть все время занятыми, как крестьяне, физическим трудом. Самоуправление, физическая и военная подготовка, участие в общественной жизни, необходимые члену гражданской общины, требовали свободного времени, и оно было обеспечено женщиной, взявшей на себя повседневные работы и заботы. Мужчины, воспитанные в этой манере были способны обеспечить и отстаивать свободу гражданских общин и их объединений. Цена этой свободы обеспечивалась высокой активностью женщин во всех сферах частной и общественной жизни. Обрисованная ситуация особенно стабилизировалась в XVIII–XIX веках, после отмены труда рабов и их освобождения, согласно требованиям шариата и имамов Дагестана и Чечни. Бывшие рабы, холопы и зависимые были отпущены и уравниены в правах. Они уже не должны были трудиться на своих бывших хозяев, что только прибавляло работу горянке в поле и дома. Утверждая, что женщины были неравноправны, исследователи упускают из виду вышеуказанные факторы, особенно различия сфер приложения женского и мужского труда, различие ролей мужчин и женщин в личной, общественной, семейной и духовной жизни, оппозицию мужских и женских «партий» в традиционном обществе. Если взять

за точку отсчета сферы занятий женщин, то получится, что мужчины также были «ущемлены» в праве заниматься исконно женскими делами и, с этой точки зрения, мужчины также неравноправны. Наука и публицистика на эту тематику по сей день исходит из европоцентристских установок и идеалов половой униформы и феминизма. Публицисты и социологи проявляют, можно сказать, «научный цинизм», перенося этические ценности (избегания, различие ролей и т.д.) в сферу привилегий и дискриминации. Важно знать какова точка отсчета...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Алиханов-Аварский*. Выбор мужа дагестанской девушкой. Газ. «Кавказ». 3 сентября 1896 .
2. *Агларов М.А.* Андийцы. Махачкала, 2002. С. 173.
3. *Булатова А.Г.* Лакцы. Махачкала, 2000. С. 263.
4. *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1985. С. 160.
5. *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988. С. 119–120.
6. *Алиханов-Аварский*. Выбор мужа дагестанской девушкой // Газ. «Кавказ». 3 сентября 1896 г.

К ВОПРОСУ О РАННЕМ ПЕРИОДЕ БИОГРАФИИ АЛЕКСАНДРА БЕКОВИЧА-ЧЕРКАССКОГО

Биография князя Александра Бековича-Черкасского не раз становилась предметом изучения различных исследователей. Это – человек уникальной судьбы, представитель кабардинской знати, ставший одним из доверенных лиц Петра I и составивший одну из первых точных карт Каспийского моря. Чаще всего историков интересовал один из самых значительных и в то же время трагических эпизодов его биографии – знаменитая экспедиция в Хиву, при этом мало внимания уделялось более ранним периодам его биографии. Обобщение последних исследований, посвященных Бековичу-Черкасскому, и сопоставление данных из российских источников различного происхождения позволяют нам по-новому взглянуть на такие моменты его биографии, как детство и юность.

До сих пор точно не установлена дата его рождения. Общеизвестно, что он был представителем знатного рода, его семья владела землями в Большой Кабарде. В российской историографии, а позднее и в советской, было принято считать, что род Бековичей-Черкасских восходит к Иналу, легендарному прародителю кабардинских князей¹. При этом еще в XIX в. их высокое родство ставилось под сомнение тогдашними известными экспертами в области генеалогии российского дворянства. Князь Петр Долгоруков, например, считал, что «князья Ахамшуковы, Егуповы и Бековичи» не имеют «одного происхождения с родом князей Черкасских потомства султана Инала»². Не отрицая родства Бековичей собственно с самим знаменитым родом Черкасских, Петров П.Н. выводит их в отдельную ветвь: «Род князей Бековичей-Черкасских начался от несчастного князя Александра (до крещения Девлет Кизден Мурза), изменнически убитого в Хиве»³.

В начале XX в. авторами-составителями Русского Биографического Словаря относительно Александра Бековича-Черкасского было сказано следующее: «Ни о происхождении Бековича, ни о времени поступления его на службу и принятия христианства точных сведений нет»⁴.

В последнее время также появляются версии о крымско-татарском происхождении Девлет-Гирея. В пользу данной гипотезы говорят несколько обстоятельств. Имя Девлет Гирей произносится в оригинальном варианте как «Даулет Гирази» (دولت گاری).

Само имя دولت گاری не кабардинское (адыгское) по происхождению, а имеет арабские корни. Происходит оно от слова دولة (дауляте) – власть, государство, счастье⁵. Вторая часть имени Гирей – это название рода знаменитой династии крымских ханов. Кабардинские князья часто брали на воспитание детей влиятельных крымских феодалов, ханычей – детей из рода Гиреев. Аталычество объединяло два феодалных рода в священный союз, и в случае необходимости стороны обязаны были оказывать помощь друг другу⁶.

Вопрос о восхождении линии Бековичей к легендарному египетскому султану Иналу, по всей видимости, действительно правившему в Египте (существует также версия, что султан Инал был из тюрков, как и большинство представителей династии мамлюков), является темой отдельного исследования. Следует все же заметить, что почти все черкесские княжеские роды, согласно устной традиции, восходят к нему⁷.

В контексте вышесказанного особый интерес представляет попытка потомков Бекевича обособиться в отдельный от Черкасских княжеский род. В конце XVIII в. ходатайства потомков князя Эльмурзы об утверждении за ними княжеского титула были отклонены Герольдией⁸. Их претензии во многом были обоснованы: род Бекевичей или, точнее будет сказать, Бекмурзиных, не менее старинный, чем род князей Черкасских. В начале XVIII в. земли Большой Кабарды находились во владении трех княжеских фамилий, «родов» или «колен» – Атажукиных, Мисостовых и Джамбулатовых. К середине XVIII в. Джамбулатовы разделились на две фамильные родственные группы – Бекмурзиных и Кайтукиных. Таким образом, в Большой Кабарде в XVIII в. существовали уже четыре княжеские «фамильные» родственные группы – Атажукины, Мисостовы, Бекмурзины и Кайтукины⁹. Один из самых первых историков края Хан-Гирей сообщает нам, что за Бекмурзиными был «удел Дянботие» в «оном был княжеский род Бек-мрзе-хе и Ккайткокко-хе которые имеют следующие отрасли.

1. Один аул Ккайсн-ибин или Ккайсе-ххабль на реке Мшьххидь Ккайсн-ибин – семейство Кайсинова.

2. Мсост-ибин – Мсост – иккоадь на реке Арван.

3. Теймбот-ибин Айдеврххабль на реке Кенже.

4. Ельмерзе-ибин. Ельмрзеккомиккоадь на реке Терек (в Малой Кабарде генерал Бекевич был из этой отрасли)¹⁰.

«Удел Дянботие» в отечественной историографии обозначается еще и как «Жамботей». Это имя деда Александра Бекевича-Черкасского – Жамбота Казиева, обосновавшегося в середине XVII в. на Черке (ныне здесь селения Старый Черек, Псыгансу, Аушигер, Урвань и г. Нарткала) и на землях между Чегемом и Урухом¹¹. Встречаются также варианты произношения «Жанболат» и «Джамбулат». «Рода Джанбулатова, фамилии Бекмурзиной», как позднее говорили его потомки¹². У Джанбулата было три сына. Есть также версия, что сыновей было четыре – Бекмурза, Кайтуко, Али Мурза и Султан Али¹³, один из которых – Бекмурза – был отцом Бекевича.

Согласно версии кабардинского историка Ф.К. Дзамихова, вся эта ветвь восходит к Казью Пшепшокову, внуки которого с XVIII в. стали играть «главенствующую роль в политической и общественной жизни Кабарды, в то время как Идаровичи-Темрюковичи (родственники Черкасских) со временем отошли на второстепенные роли»¹⁴. Возможно, это обстоятельство объясняет последующую попытку Бекевичей-Черкасских обособиться от князей Черкасских в России и приобрести свой герб.

Вторым сыном Жамбота Казиева был Кайтуко, от него идет отдельная линия, указанная Хан-Гиреем – «Ккайткокко-хе»¹⁵. Согласно сведениям Ш.Б. Ногмова, между Кайтуко и Бекмурзой «завелся спор за наследственное их владение. С нарушением обета братской любви и дружбы возникло между ними неуважение к старшему их брату и пренебрежение к его власти, завещанной их отцами»¹⁶. Жамбот был вынужден произвести раздел между сыновьями¹⁷. У Кайтуко, в свою очередь, было трое сыновей. Один из них по имени Асланбек или, как он упоминается в источниках, Арслан-бек Кайтукабегов, в дальнейшем будет играть значительную роль в политической жизни Большой Кабарды. Эта ветвь становилась все более влиятельной в княжеской среде¹⁸. И, по всей видимости, именно Кайтуко было «велено по указу царя Федора Алексеевича» 12 декабря 1691 г. писаться «княжым именем» и «ведать на Терке черкас»¹⁹.

Конфликт между двумя ветвями и привел к тому, что одна сторона вынуждена была отдать в аманаты (заложники) своих представителей. Таким аманатом-заложником и оказался Александр Бекевич-Черкасский. Об этом свидетельствует интересный документ конца XVII в. В 1687 г. в Терках, где была резиденция

теркского воеводы, произошел крупный пожар, и в «нем сгорело все без остатку»²⁰. Бывшему воеводе Ивану Борисовичу Мартьянову, который спешно занимался восстановлением города, было велено передать воеводство Афанасию Ивановичу Козлову²¹. При передаче полномочий и имущества был составлен список, из которого совершенно ясно, что в 1688–1689 гг. Девлет-Гирей жил в аманатной избе в Терках. Среди прочего в документе было упомянуто о проживании в «аманатных избах аманатных мурз: Кабардинской Дивлетъ Кирей, Андреевской Чугук, Хайдацкой Амир, Тарковской Хале бек»²². Помимо имущества, переданного воеводе, перечисляются и документы, в частности «Великих государей грамота жалованная о княжестве Хаты мурзы Черкасского, за красной вислой печатью»²³. «Хаты», – вероятно, это был Кайтуко. По всей видимости, Девлет Гирей был забран в аманаты собственным дядей Кайтуко, чтобы воздействовать на его отца Бекмурзу и предостерегать его от самостоятельных действий против брата.

Таким образом, если Александр Бекович-Черкасский еще в 1689–1690 гг. был в Терках, то, как совершенно справедливо было замечено исследователями из Кабардино-Балкарии (Дзамихов Ф.К., Опрышко О.Л.)²⁴, он не мог быть «одним из первых молодых дворян, начавших службу в «потешных войсках», созданных Петром в селе Преображенском»²⁵. К тому времени это уже был Преображенский полк²⁶.

Его последующий переезд из городка Терки в Москву по сей день вызывает много вопросов. В XIX в. бытовала версия о его похищении, по всей видимости, впервые озвученная веком ранее Иоганном Георгом Корбом в своем сочинении «Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г.». Австрийскому дипломату посчастливилось в июле 1698 г. погостить у Бориса Алексеевича Голицина, где он и познакомился с нашим героем. «Чтобы показать свои недостатки, князь Голицын велел подать вина различных сортов. Вместе с тем, с целью блеснуть своим гостеприимством, он приказал двум своим сыновьям прислуживать господину архиепископу и господину послу; к ним присоединил молодого черкесского князя, недавно еще похищенного тайно у своих родителей, князей черкесских, татар, и окрещенного»²⁷.

В дальнейшем версия о «тайном похищении» была дополнена новыми сведениями. Писатель Данилевский Г.П., стараясь усилить трагичность образа Бековича, пишет о том, что «он был похищен ногайцами», затем продан туркам в Азов, где его и нашли при завоевании крепости». Получается, что это могло произойти в 1696 г.²⁸ С нашей точки зрения, эта дата кажется наиболее приемлемой. В документах о передаче земельных наделов, а именно «села Юдино с дер. Трубицино у речки Дрызны, Медвенского стана» княгиней Анной Васильевной Черкасской «внуку своему Девлет мурзе Бековичу-Черкасскому» в 1700 г., указано, что он принял православную веру в 1697 г.²⁹

Следует заметить, что церковные документы позволяют нам по-новому взглянуть на эпизоды биографии князя до его знаменитого похода в Хивинское ханство. Согласно данным переписных книг, «в 1699 г. кн. Анна Васильевна Черкасская отдала село Перхушково внуку своему князю Александру Бековичу-Черкасскому»³⁰. При этом годом ранее согласно воспоминаниям Иоганна Корба, Девлет-Гирей, к этому времени уже крещеный как Александр, проживал в доме князя Голицына. Возникает закономерный вопрос, почему молодой кабардинский князь был на воспитании у князя, а не у своих дальних родственников?

Очевидно, что переехав в Москву, приняв крещение и даже заручившись поддержкой у дальних родственников князей Черкасских, он не переставал быть аманатом по своему статусу. Князь Борис Алексеевич Голицын вошел в историю не только как воспитатель – «дядька» Петра, но и как глава Казанского приказа. В его

ведении были и земли Поволжья, и земли, находившиеся на территории Северного Кавказа, и города Терки в том числе. Соответственно, ему приходилось взаимодействовать и вести переговоры с кабардинской знатью, и именно ему Бекмурза отдал своего сына в заложники.

Одной из популярных версий, объясняющей проживание Бековича у Голицына, на сегодняшний день является версия историка О.Л. Опрышко о приезде Бековича как заложника. «Его скорее всего вызвали сюда по указанию российского правительства – терский воевода мог получить приказ отправить его в Москву «к государю» с целью воздействовать через него на Джамбулатовых, часть которых ориентировалась в тот период на Крым. Среди сторонников крымского хана был тогда и отец Девлет-Гирея – Бекмурза»³¹.

Прокрымские настроения Бекмурзиных имели место в первой половине XVIII в., когда, как писали в Россию, их оппоненты Кайтукины «Бекмурзины дети поссорясь с нами в Крым ушли»³². Связано это было с серьезным конфликтом с родственным им кланом Кайтукиных, вследствие чего они были вынуждены примкнуть на тот момент времени к «прокрымским» кланам – Мисостовым и Атажукиным, то есть к так называемой Баксанской партии³³. Вопрос о более ранних их переходах на сторону крымской партии является, на наш взгляд, дискуссионным.

Впоследствии с приездом Александра Бековича-Черкасского на Северный Кавказ ему довольно быстро удалось заручиться поддержкой родственников (а это были не только Бекмурзины, но и Кайтуковы) и разбить кубанских татар, союзников Крымского хана. При полноценной ориентации Бекмурзиных на Крым ему было бы весьма трудно реализовать этот замысел. Бекович, как оказалось, был идеальным аманатом. Он не только служил гарантом примирения Бекмурзиных и Кайтуковых, но и будучи родственником вторых, был гарантом их «про-российской» ориентации, сначала в Терках в аманатной избе, а затем в Москве в доме главы Казанского приказа.

Тот факт, что он оказался на воспитании у князя Бориса Алексеевича Голицына и определил в дальнейшем всю его судьбу. Как говорит современник тех событий, князь «приучал к военной жизни молодежь»³⁴. Возможно, первым серьезным испытанием для Бековича-Черкасского было участие в посольстве князя Голицына к Аюке в степи Поволжья. Согласно воспоминаниям очевидца, это был поход «с обозом, шумом пушек и труб с более чем тысячью солдат-ветеранов и 200 мальчиками-дворянами, которые должны упражняться, чтобы хорошо стрелять и биться в рукопашную»³⁵. Знаменитые переговоры Голицына и Аюки на реке Камышинке проходили в 1697 г.³⁶ Учитывая это обстоятельство, представляется весьма возможным, что Бекович-Черкасский был среди этих «200 мальчиков-дворян». И, возможно, именно тогда состоялось знакомство будущего капитана Лейб-гвардии Преображенского полка со знаменитым вождем калмыков, сыгравшего свою роль в последующем Хивинском походе и печальном исходе экспедиции.

В отечественной историографии принято считать, что Александр Бекович-Черкасский начал свою военную службу в Преображенском полку еще в 1694 г.³⁷ Большинство авторов ссылается на четвертый том Истории Лейб-гвардии Преображенского полка, где в приложениях за номером 181 в алфавитном списке всех офицеров полка князь Бекович-Черкасский Александр числится прапорщиком Преображенского полка именного с этого года³⁸. При этом будучи офицером Преображенского полка, он нигде в полковых документах второй половины 1690-х гг. не упоминается. Его нет ни в «росписи Преображенскому полку», бывшему под сражением под Воскресенским монастырем со стрельцами 18 июня 1698 г., ни в «Ведомости и списке Преображенского полка начальным людям и урядникам 1698 г.»³⁹.

Это обстоятельство наводит на мысль, что принятая в отечественной историографии дата его поступления на службу ошибочна. Вероятно, на тот момент времени Девлета Гирея Бекмурзина в Москве еще не было. Также кажется маловероятным тот факт, что человек мусульманского вероисповедания в первой половине XVIII века мог служить офицером в Преображенском полку. То, что во второй половине XIX века стало распространенным явлением, а именно служба мусульман в лейб-гвардии в первые годы ее существования не представляется возможным. Во всяком случае, в списке «генералам, штаб и обер-офицерам, служившим и числившимся в Лейб-Гвардии Преображенском полку» в конце 1690 – начале 1700-х гг., таковые не встречаются. А, согласно церковным документам, крещение Девлет-Гирей принял в 1697 г.⁴⁰ Соответственно, если верить указанной дате 1694 г., то Девлет-Гирей, сын Бекмурзы рода Жанболата, служил прапорщиком Преображенского полка три года, до того как стал Александром Бековичем-Черкасским. Соответственно это был прецедент, когда офицером гвардии на самом раннем этапе ее становления был мусульманин. Прецедент, который впоследствии оказался незамеченным.

В приложении к истории Преображенского полка приводится один документ, по всей видимости, подтверждающий, что Александр Бекович-Черкасский начал свою службу в Преображенском полку значительно позднее официально принятой даты. «В декабре месяце 1706 г. Государю было угодно многих из офицеров Лейб-Гвардии Преображенского полка, за отличную их службу, повысить чинами, а некоторых перевести из рот в роты»⁴¹. В списке офицеров, унтер-офицеров и рядовых встречаются некто «солдат князь Александр Черкасский», который был переведен из 16-й роты в 10-ю роту только уже «сержантом»⁴². Из рода Черкасских в то время служили в Преображенском полку князья Андрей и Борис Черкасские. Князь Александр Андреевич Черкасский, будущий генерал-поручик и гофмаршал, в списке «генералам, штаб и обер-офицерам, служившим и числившимся в Лейб-Гвардии Преображенском полку» отсутствует. Таким образом, мы смеем предположить, что здесь упоминается именно Александр Бекович-Черкасский, который начал свою службу в Преображенском полку не в 1694 г., а примерно в 1705–1706 гг., и не в звании прапорщика, а солдатом и далее сержантом.

Относительно обучения Бековича-Черкасского за границей в отечественной историографии было несколько точек зрения. Согласно одной князь был отправлен за границу (Италию)⁴³ для изучения «навигацкого» искусства еще до 1694 г., а уже по возвращению был определен в прапорщики Преображенского полка⁴⁴. Была также точка зрения, что Бекович был за границей для изучения «в особенности мореплавания», но при этом не обнаружены документы, доказывающие или опровергающие данный тезис⁴⁵. Согласно же третьей точки зрения, Петр «отправил в Голландию и Александра Черкасского, ставшему к тому времени поручиком»⁴⁶. Автор ссылается при этом на статью в журнале «Москвитянин». Помимо даты сообщаются и сроки пребывания кабардинского князя за границей – два года⁴⁷.

В 1929 г. в АН СССР состоялось выступление С.Ф. Платонова о документе, «заслуживающем особого внимания». Это был список лиц, посланных для «научения» в Италию и Голландию на рубеже XVII–XVIII вв. «Он писан на двух листах почтовой золотообрезной бумаги (из которых один в целом виде, другой в отрезке), рукою князя Бориса Ивановича Куракина»⁴⁸. Сам документ был без датировки, но Сергей Федорович датировал его 1708–1709 гг. В списке из двадцати фамилий, где было указано кто «сего году посланы фамилии первые в Голландию учитца навигации – и кто им ены явим» фигурирует в одном из столбцов некто – «Черкасский К. (князь. – Прим. автора.) Александр»⁴⁹. По всей видимости, это и есть свидетельство пребывания кабардинского князя за рубежом, где он постигал

основы навигации, впоследствии пригодившееся ему при исследовании Каспийского моря.

К 1709 г., вероятней всего, он уже вернулся в Россию. Любимов в своей работе, посвященной роду Бековичей-Черкасских, приводит выписку из одного любопытного документа, датированного 1709 г. Это была запись из Московского архива Министерства юстиции о том, что «в 1709 г. вдова Акинья Иванова дочь Хоненева вотчину мужа своего деревню Караванцеву (22 четверти) за долговые деньги поступилась князю Александру Бековичу»⁵⁰.

За отсутствием датировки в списке князя Куракина можно предположить, что князь находился на обучении с 1707 по 1708 г. А в 1709 г. вернулся в свое имение, где занялся «хозяйственными делами», пока вновь не был призван на службу.

Биография Александра Бековича Черкасского до сих пор вызывает много вопросов, требующих дальнейшего исследования. Сегодня можно только констатировать, что эпизоды его ранней биографии, такие, как появление его в Москве у главы Казанского приказа, возможное участие в посольстве Голицына к Аюке «на реку Камышинку», начало службы в Преображенском полку и обучение за границей, могут быть пересмотрены при сопоставлении целого ряда сведений из источников самого разного происхождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи. 1792. Т. 2. С. 9; Любимов С.В. Князья Бекович-Черкасские. М., 1915. С. 1; Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982. С. 158; Дзамихов К.Ф. Адыги (черкесы) в политике России на Кавказе (1550 – начало 1770-х гг.). Нальчик, 2001. С. 162; Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа: 1793–1897 гг. Под ред. Думанова Х.М., Мусукаева А.И. Нальчик, 2003. Т. 1. С. 10.
2. *Петр Голицын*. Российская родословная книга. СПб., 1855. Ч. II. С. 42.
3. *Петров П.Н.* История родов российского дворянства. СПб., 1886. Т. I. С. 222.
4. *Бенешевич В.* Черкасский, князь Александр Бекович // РБС: Чаадаев – Швитков. СПб., 1905. С. 182.
5. *Байрамов Э.З.* Великий просветитель российских мусульман Исмаил Гаспринский. М., 2001. Т. 25 С. 36.
6. *Сокуров В.Н.* Внешнеполитическое положение Кабарды в последней четверти 17 – первой четверти 18 века. Автореферат. М., 1977. С. 18.
7. Кабардинский фольклор (Вступ. статья, коммент. и словарь М.Е. Талпа). М.–Л., 1936. С. 140–144.
8. Любимов С.В. Указ. соч. С. 2.
9. *Гугов Р.Х.* Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. Нальчик, 1999. С. 163.
10. *Хан-Гирей*. Записки о Черкессии. Нальчик, 1992. С. 156.
11. *Карданов Ч.Э.* Путь к России. Кабардинские князья в истории отношений Кабарды с российским государством в XVI – начале XIX века. Нальчик, 2001. С. 353.
12. Материалы по Новой истории Кавказа. Под ред. П. Буткова. М., 1869. Т. I. С. 77.
13. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. СПб., 1861. С. 137.
14. *Дзамихов К.Ф.* Адыги (черкесы) в политике России на Кавказе (1550 – начало 1770-х гг.). Нальчик, 2001. С. 163.
15. *Хан-Гирей*. Указ. соч. С. 156.
16. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. СПб., 1861. С. 138.
17. *Карданов Ч.Э.* Указ. соч. С. 266.
18. Кабардино-Российские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. М., 1957. Т. II. С. 34.
19. Любимов С.В. Князья Бекович-Черкасские. М., 1915. С. 3.

20. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией 1676–1700. СПб., 1842. Т. V. С. 313.
21. Там же. С. 314.
22. Там же. С. 315.
23. Там же.
24. *Дзамихов К.Ф.* Адыги (черкесы) в политике России на Кавказе (1550 – начало 1770-х гг.). Нальчик, С. 163; *Опрышко О.Л.* Через века и судьбы. Нальчик, 1982. С. 17.
25. *Вилинбахов В. Б.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982. С. 159.
26. *Бобровский П.* Потешные и начало Преображенского полка. СПб., 1899. С. 9.
27. *Иоганн Георг Корб.* Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Московскому Петру I в 1698 г. веденный секретарем посольства. М., 1867. С. 79.
28. *Данилевский Г.П.* На Индию // Историческая повесть из времен Петра Великого // Вестник Европы. 1880. Т. 86. С. 516.
29. Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии. Вып. 1. М., 1881. С. 216.
30. Там же. С. 185.
31. *Опрышко О.Л.* Указ. соч. С. 14.
32. Кабардино-российские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. М., 1957. Т. II. С. 91.
33. *Кажаров В.Х.* Адыгская Хаса. Из Истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкессии. Институт черкесской истории и культуры. Нальчик, 1992. С. 30.
34. *Кафенгауз Б.Б.* Записки Филиппо Балатри о России при Петре I // Старая Москва: Статьи по истории Москвы в 16–19 вв. М., 1929. С. 96.
35. Там же.
36. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт // Отечественные записки. 1846. Т. XLVII. С. 20.
37. *Любимов С.В.* Князя Бекович-Черкасские. М., 1915. С. 3; *Вилинбахов В.Б.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982. С. 159; *Опрышко О.Л.* Через века и судьбы. Нальчик, 1982. С. 16.
38. История Лейб-Гвардии Преображенского полка 1683–1883. Т. IV. Приложения и список генералам, штаб и обер-офицерам, служившим и числившимся в Лейб-Гвардии Преображенском полку. СПб., 1883. С. 37.
39. Там же. С. 12–16.
40. Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии. Вып. 1. М., 1881. С. 216.
41. История Лейб-Гвардии Преображенского полка 1683–1883. Т. IV. Приложения и список генералам, штаб и обер-офицерам, служившим и числившимся в Лейб-Гвардии Преображенском полку. СПб., 1883. С. 21.
42. Там же. С. 26.
43. *Вилинбахов В.Б.* Александр Черкасский – сподвижник Петра. Нальчик, 1966. С. 10.
44. *Вилинбахов В.Б.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982. С. 159.
45. *Аннанпесов М.* Укрепление русско-туркменских связей. Ашхабад, 1982. С. 21.
46. *Опрышко О.Л.* Через века и судьбы. Нальчик, 1982. С. 18.
47. Там же.
48. *Платонов С.Ф., Куракин Б.И. и А.П. Прозоровский (1697–1720)* // Доклады АН СССР. 1929. № 12. С. 236.
49. Там же. С. 237.
50. *Любимов С.В.* Князя Бекович-Черкасские. М., 1915. С. 11.

ЧЕРКЕСО-ИТАЛЬЯНСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ И ПАРАЛЛЕЛИ¹

На протяжении тысячелетий черкесы взаимодействовали с наиболее могущественными и развитыми народами своего времени, проживавшими в Черноморском и Средиземноморском бассейнах: в доэллинистические времена – с фракийцами, киммерийцами, мидийцами, касситами, пелазгами, этрусками, лигурами, медуллами, хаттами, хеттами в античную эпоху – с греческими полисами; в средние века – с Византийской империей и итальянскими городами – государствами Генуей, Венецией, Флоренцией, Пизой и др.² По большому счету это было взаимовлияние с одной древней культурой, представленной на Востоке греческим, а на Западе латинским языком³.

Известный итальянский путешественник конца XIII – начала XIV века Марко Поло в своей «Книге» отмечал, что считает излишним повествование о Северо-Восточном Причерноморье, так как в Италии его знали очень хорошо⁴. К сожалению, спустя более 700-та лет, Кавказ не только для Италии, но и для всего остального мира и, даже для самой Российской Федерации, частью которой он ныне является, можно назвать *terra incognita*. Поэтому сейчас довольно сложно говорить о многотысячелетней истории черкесской нации. Сегодня мы можем остановиться лишь на ряде дат и фактов. Особый интерес в них может представить более чем двухвековой период черкесо-итальянских связей Позднего Средневековья.

ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ЧЕРКЕССКОЙ НАЦИИ

Черкесы – аборигенный этнос Кавказа, прошедший многотысячелетний путь развития и накопивший богатейшее культурное наследие. Согласно археологическим изысканиям процесс развития черкесского этноса на территории Западного Кавказа можно проследить с древнейших времен. Археологами достаточно отчетливо прослежена линия преемственности в развитии культур палеолита и неолита, всех трех этапов медно-бронзового века на Западном Кавказе. Установлено, что и «в период поздней бронзы и раннего железа смены населения на Северо-Западном Кавказе не произошло», ученые отмечают «последовательное развитие одного и того же этноса – древнеадыгского (древнечеркесского – *О.Ф.*)»⁵.

На эпоху бронзы пришлось возникновение и расцвет майкопской, новосвободненской и дольменной археологических культур развивавшихся синхронно и в тесном взаимодействии⁶. Вот уже более ста лет, с момента первых публикаций, международное научное сообщество считает майкопскую культуру уникальной. Она характеризуется рядом феноменов, из которых можно выделить: 1) земельные террасы, сохранность которых на протяжении 5 тыс. лет позволяет считать их строителей непревзойденными инженерами и мастерами, 2) цветную металлургию и металлообработку, 3) применение гончарного круга, 4) использование лошади для верховой езды, 5) письменность (Майкопская плита⁷). В последние десятилетия А.Д. Резепкин обнаружил в погребальных памятниках новосвободненского типа целый ряд артефактов, признанных на сегодняшний день самыми древними в мире – это деревянная повозка, бронзовый меч, колонна,

полихромная роспись, струнный музыкальный инструмент «шичепшин», названный так реставраторами из-за прямого сходства с народным черкесским инструментом шычэпшынэ. Они отнесены на основании радиоуглеродных датировок к XXXVII–XXXIV вв. до н.э.⁸

Мегалиты Кавказа появились одновременно с египетскими пирамидами и английским Стоунхенджем, их феномен связывается с мегалитическими культурами Испании, Португалии, Италии, Франции, которые датируются V–IV тыс. до н.э. Археологом В.И. Марковиным была выдвинута гипотеза об участии пришельцев из западного Средиземноморья в раннем этногенезе черкесов путем слияния с западно-кавказским древнейшим населением. Эта версия подтверждается и гипотезой о генетическом родстве адыго-абхазов с басками.

Важно отметить, что традиции названных выше культур на уровне археологии прослеживаются вплоть до предмонгольского периода. Наиболее ярким памятником средневековья генетически связанным с ними является царская гробница XI в. Кыфарского некрополя в бассейне реки Большой Зеленчук. На фризах этого выдающегося памятника археологии запечатлены мотивы эпоса «Нарты» («Нартхэр»). Таким образом, как это не удивительно, археологические артефакты, вызывающие горячий интерес ученых, имеют художественное осмысление в древней и развитой адыгской мифологии⁹.

Черкесы – один из немногих народов мира, обладающие своим героическим эпосом «Нарты» («Нартхэр»). Текст эпоса передавался в устной форме на протяжении веков профессиональными бардами *geguako*. Они, подобно кельтским друидам выступали хранителями легенд и обычаев, истории и законов народа¹⁰. Эпос «Нарты» лишь часть уникальной мифологии, являющейся основой этнической культуры черкесов. Мифы включают в себя космогонические и хтонические божества, объясняющие происхождение Вселенной и покровителей основных видов первобытного производства. По древним представлениям черкесов творцом всего сущего выступал Тхашхо (Тхьэшхуэ) – Великий Бог. Термин «Тхьэ» возник по данным лингвистов, не позже рубежа II и I тысячелетий до нашей эры¹¹. (В христианский и мусульманский периоды черкесы в языческой традиции продолжают называть Бога Тха – Тхьэ). Черкесы считают нартов, могущественных воинов-богатырей, символизирующих позитивное начало, своими предками. Видный фольклорист, нартовед Аскер Гадагатль отмечал: эпос «Нарты» свидетельствует, что язык черкесов на протяжении веков мало изменился¹². Сегодня ученые признают родство черкесского языка с ныне мертвым хеттским, носители которого упоминались в Ветхом Завете. Хатты говорившие на языке абхазо-адыгской группы, считаются древнейшим этническим субстратом этногенеза черкесов¹³.

В меотскую эпоху сформировалось ядро архаического эпоса «Нарты». Благодаря древнегреческим и римским письменным источникам (с VI в. до н.э.) и эпиграфическим надписям на каменных плитах периода Боспорского царства впервые становятся известны народности Кавказа и Причерноморья в той или иной мере участвовавших в этногенезе черкесов. Наиболее яркий след в древней черкесской истории родственные племена, объединяемые под собирательным термином меоты. К ним принадлежали «синды, дандарии, тореаты, агры и аррехи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, досхи и многие другие»¹⁴. Основой их хозяйства являлось земледелие и скотоводство, большой удельный вес в экономике имела торговля, главной статьей которой выступали хлебные злаки. Кавказ в то время был житницей Европы¹⁵. Афинский оратор Демосфен (IV в. до н.э.) в своих речах не раз упоминал о жизненной важности для горожан хлебного экспорта из Причерноморья¹⁶. Отсюда вывозилось в Афины порядка 200 000 гектолитров (20 000 кубометров – О.Ф.) зерна в год (V и IV вв. до н.э.)¹⁷. В значительной мере

на экспорт был ориентирован и рыбный промысел. Страбон выделял город Танаис (порт Кабарды по средневековым геноэским картам) как центр рыболовства на богатых рыбой Ейском и Ахтарском лиманах¹⁸. Античные авторы Архестрат, Полибий, Афиней и Страбон писали о том, что черноморская соленая рыба считалась в Греции и в Риме одним из дорогих деликатесов. Промысловыми были различные виды осетровых, карповых, окуневых и др. В Причерноморье и Приазовье археологами было обнаружено значительное число разнообразных рыболовных снастей и остатки рыбозасолочного производства античного времени¹⁹. Из многих ремесел, которыми занимались меоты наибольшее значение имели металлообработка и металлургия железа²⁰. Уникальные артефакты многочисленных курганов Западного Кавказа указывают, что искусство меотов представляло собой высокий уровень синтеза майкопского звериного стиля и античного изящества. Представление о божествах меотского пантеона, о местном антропологическом типе, об одежде дают многие археологические находки. Например, изображения на золотых пластинах и ритонах, обнаруженных в богатом золотыми и серебряными изделиями филигранной работы и оружием погребении меотского вождя (IV в. до н.э., курган Карагодеуашх, левый берег реки Адагум)²¹.

В пору расцвета меотской культуры (VI в. до н.э.) сформировались язык, этнический облик, самобытная культура и первые зачатки государственности черкесов²². Синдам принадлежало древнейшее автохтонное государственное образование на территории Российской Федерации – Синдика или Синдское царство. «Царской столицей синдов...» была Синдская гавань (Горгиппия (с середины IV в. до н.э.²³), совр. Анапа)²⁴. На наличие государства у синдов указывают высокий уровень их социально-экономического развития, наличие городов с одновременным существованием неукрепленных сельских поселений, серебряные монеты «синдон»²⁵. Синды, имевшие большое число городов, использовали в их строительстве приемы античного градостроительства (Семибратное городище)²⁶.

На рубеже тысячелетий по свидетельству древнегреческого географа Страбона (ок. 64 г. до н.э. – 24 г. н.э.) меоты продолжали проживать «вокруг озера Майотиды»²⁷. Синдов он локализовал «за Гипанисом в Синдской области». «После Синдской области и Горгиппии, что на море, следует побережье ахейцев» (ахайев). Из древних авторов Страбон первый, кто назвал *зигов*²⁸.

АНТИЧНЫЕ МЕОТЫ – РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ЗИХИЯ – ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ЧЕРКЕСИЯ

Тесная взаимосвязь с греко-римским миром способствовала тому, что кавказское побережье Черного моря стало одним из первых регионов, подвергшихся христианизации. С другой стороны, утверждение христианства на Западном Кавказе было подготовлено существовавшими здесь издревле монотеистическими представлениями²⁹. Известно, что время начала христианской проповеди на Кавказе относилось к первому веку новой эры. Территория Причерноморья считалась апостольским уделом Андрея Первозванного. Каталог апостолов Сафрония указывает, что апостол Андрей проповедовал Евангелие в числе других народов зихам и «косогдианам (и согдианам)»³⁰ – это эпонимы, под которыми проточеркесы, были известны в начале нашей эры. Христианская традиция, бравшая свое начало со времен апостола Андрея (40-е гг. I в.), не прерывалась на Кавказе и во время гонений на христиан в Римской империи. Христианство стало бытовать на Западном Кавказе с IV в. Подписи представителей Зихийской епархии стояли под актами I Вселенского Никейского собора (325 г.)³¹. Херсонские иерархи (Сугдейская конфедерация) были самовластными (автокефальными) и независимыми в

управлении своими епархиями до времен Халкидонского Собора (451 г.), подчинивших их Константинопольскому патриархату³².

Наряду с зихами, касогами и согдами/сугдами в начале I тыс. продолжало существовать и название «меоты». Меотские народности по-прежнему населяли территорию между средней и нижней акваторией Кубани, Азовским морем и устьем Дона. Амвросий (333/340–397 гг.) писал: «Азия, Понт, эниохи, скифы-кочевники, скифы таврские и *меотийские царства* и все босфораны подчиняются римской власти»³³. После гуннского нашествия (375 г.), имевшего разрушительное воздействие на эволюцию общественной жизни меотов, в исторической литературе больше не встречаются упоминания о синдах, аспургианах, псессах, досах, фатеях и дандарах³⁴.

В начале V в. на территории Азовского, Черного и Каспийского междуморья сложились три политические конфедерации: Зихская, Сугдейская и Касожская³⁵. Динамичное социально-экономическое развитие адыгских земель в раннем средневековье, утверждение в них христианства способствовали их этнической консолидации и усилению центростремительных тенденций в развитии раннесредневековой государственности³⁶. Предпосылки для ее развития в странах Кавказа, в том числе и адыгских конфедерациях, сложились в эпоху Юстиниана I (482/483–565). Попытки византийского императора подчинить их себе остались без успеха, адыгским конфедерациям удалось сохранить свою независимость³⁷. Эпоха Юстиниана была отмечена широкими конфессиональными и военно-политическими связями черкесов с Константинополем, что нашло свое отражение в военном (крепости и укрепленные лагеря) и храмовом строительстве в их стране³⁸. О значении для Константинополя союза с черкесскими конфедерациями свидетельствует то, что именно здесь был построен Юстинианом I один из храмов Божьей Матери³⁹. Он подвергся окончательному уничтожению в 1954 г. при строительстве канализационных сооружений г. Адлер. От него остались лишь две рельефно-орнаментные мраморные плиты, изготовленные из константинопольского мрамора и входившие в систему украшений алтарной преграды храма⁴⁰, аналогичные которым сохранились в храме св. Софии (532–537) в Константинополе и в Пицундском храме Богоматери (550 г.) в Абхазии⁴¹.

В середине VIII в. адыгский этнолингвистический массив предстал пред миром как единая государственно-политическая общность. В Византийской империи и в странах Западной Европы его продолжали называть Зихией, а в восточных странах – Касогией или Сугдеей. Совершенно очевидно, что движение адыгских земель к консолидации вокруг единого политического центра носило дискретный характер. Эта дискретность была связана, прежде всего, с фактором значительных экспансионистских вызовов адыгам на протяжении всего периода Средневековья.

С середины X в., после разгрома русским князем Святославом Хазарского каганата (965–966) Таматарха (была возобновлена VII–VIII вв.) стала в основном адыгским городом⁴². Расположение на стыке Черного и Азовского морей позволяло Матархе (Тамаркьей – Таматарха (Тмутарокань, Тамань) контролировать значительную территорию Причерноморья. Это способствовало ее превращению в политический, конфессиональный и коммерческий центр густо населенной Зихии / Черкесии. К началу XI в. «совершенные права главы адыгской общности уже полностью конституировались и стали обычными социальными нормами. Иными словами, – заключает А.В. Гадло, – адыги к этому времени уже не только вступили на путь формирования собственного государства, но и прошли значительный отрезок на этом пути»⁴³. Известно, что в 10–20-х гг. XI в. политическая власть была сконцентрирована в руках суверена князя Касожского Редеди. Письменные и археологические⁴⁴ источники свидетельствуют, что XII в. стал временем необычайного процветания города. Сицилиец Ал-Идриси – автор крупнейшего

произведения средневековой арабской географии «Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям», 1154 г.) писал, что Матарха была средоточием всех торговых путей из Византии в Причерноморье⁴⁵ и являлась вторым портом по своему значению после Константинополя⁴⁶. Он называл Матарху вечным городом, существовавшим «с незапамятных времен <...>. Там есть виноградники и обработанные поля. Его владыки очень сильны, мужественны, благоразумны и решительны⁴⁷. Их почитают за смелость и господство над соседями. Это большой город с множеством жителей, с процветающими областями; там имеются рынки и [устраиваются] ярмарки, на которые съезжаются люди из самых отдаленных соседних стран и близлежащих округов». Из сообщений ал-Идриси следует, что в подчинении у владык Матархи была большая территория. Они проводили самостоятельную политику, обеспечивавшую экономическое процветание города и его господство над ближайшей округой⁴⁸. В результате многоходовой дипломатической интриги государь «Матархии, Зихии и всей Хазарии» подпал в первой половине XII в. под протекторат византийского василевса. Позднее император Мануил I (1143–1180) внес в свой титул наименование «хазарский» и «зихский», Матарха была причислена к важнейшим для империи «местам» государства⁴⁹.

Падение Византийской империи в 1204 г. и ее реставрация в 1261 г. имели самое непосредственное влияние на экономическую ситуацию на Кавказе. Одним из результатов этих событий стала торговая экспансия итальянцев в Причерноморье. Договор императора Мануила I с генуэзцами 1169 г. предоставил им исключительные привилегии на торговлю на Черном море. Итальянцам не было разрешено заходить только в два порта: таманский (Matarcha) и керченский (Zossia/Rossia), что свидетельствовало о сохранении Константинополем торговой монополии на Черном море⁵⁰. Но уже после Нимфейского договора 1261 г. генуэзцы получили право плавать в Черном море без ограничений и без всякого имущественного и личного налогообложения⁵¹.

События 1204 и 1261 гг. отразились и на политическом положении в кавказских странах, входивших в систему государств, связанных разнообразными узами с Константинополем. В 1204–1205 гг. на территории «Матархи, Зихии и всей Хазарии», освободившейся от сюзеринитета византийского императора, воцарился (или продолжил царствование – ?) княжеский дом Шегакии / Хегакии (одно из субэтнических образований адыгов, от черк. *хы* – море, океан), ставший впоследствии известным как династия Инала или Иналиды. Однако вскоре княжества южного и восточного берегов Таврики были вынуждены признать верховную власть Алексея Комнина, основателя Трапезундской империи. Именно с этим был связан переход шегакских князей из Таврики («вся Хазария») на Тамань⁵². Столицей объединившихся под властью шегакских князей земель стала Матарха. Русская летопись под 1223 г. упоминает о первом вторжении монголов в Страну адыгов (Касоги), ставя Зихию / Касогию в один ряд с такими централизованными государствами того времени как Алания и Грузия. Это летописное свидетельство дало основание сделать вывод, что «в период между 1204 и 1223 гг. адыгские племена и территориальные общности проявили себя как единое политическое образование, противостоявшее соседним централизованным государствам»⁵³. С политической консолидацией адыгских земель в начале XIII в. вокруг Зихии / Касогии под властью князя Кеса было связано и возникновение нового названия страны. Ш.Б. Ногма использовал черкесскую транслитерацию сана и имени ее правителя – Пшир-Кесшь (Пшир – король, государь, Кесш – Кес)⁵⁴. Согласно системе образования топонимов черкесского языка страна Кеса стала называться *Пшир-Кесш-ей*⁵⁵, в тюркской транслитерации – *Сеп-Кес-ут*, а в европейской – *Чер-Кес-ия*. Новый топоним был впервые зафиксирован монгольской хроникой

«Монгольский обыденный изборник» 1240 г. Он сообщал: «§262. А Субеетай-Баатура он (Чингис-хан – *О.Ф.*) отправил в поход на север, повелевая дойти до одиннадцати *стран и народов*, как-то: Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Мачжарат, Асут, *Серкесут*, Кашимир, Болар, Рарал, (Лалат), перейти через многоводные реки Идил и Аях, а также дойти и до самого города Кивамен-кермен. С таким повелением он отправил в поход Субеетай-Баатура»⁵⁶ (курсив наш – *О.Ф.*).

Этноним *черкес* в европейскую литературу был привнесен в 1245 г. итальянским миссионером Иоанном Плано Карпини (он упоминает черкесов в связи с нашествием татаро-монгол в «землю цифов» (зихов – *О.Ф.*) в 1227 г.)⁵⁷. Примерно в то же время топоним *Серкэсу* стал известен и китайским историкам⁵⁸. На китайской карте Кинг-Ши-Та-Тьена 1331 г. рядом с A-lan /А-лан/ и A-sz /А-сз/ помещена страна Sa-gh-ko-sz /Са-рх-ко-сз/ /Черкесия/⁵⁹. Со временем топоним *Черкесия* и экзоним *черкес* стали повсеместными. Благодаря ряду европейских авторов⁶⁰, мы имеем совершенно точное указание, что зихи, черкесы и адыги – это один народ. Генуэзец Дж. Интериано, живший в Черкесии в 70-е гг. XV в., и опубликовавший в 1502 году в Венеции книгу «Быт и страна зихов, именуемых черкесами», писал, что ее народ называл себя *адига /адыгэ*, на греческом, латинском и итальянском языках он звался *зихами*, а на татарском и турецком – *черкесами*⁶¹.

Как повествует персидская летопись Рашид-Ад-Дина «в нокай-ил, год собаки, соответствующий 635 г.х. [24 августа 1237 – 13 августа 1238 г. н.э.], осенью Менгу-каан и Кадан выступили в поход против черкесов». Зимой 1237–1238 г. столица Черкесии Матарха / Тамань была захвачена войсками царевичей Менгу-каан и Кадан (двоюродные братья хана Бату), а ее государь Тукара, сын князя Кеса в ходе боев погиб⁶². Однако, несмотря на все издержки татаро-монгольского владычества в Причерноморье, Черкесия продолжала свое развитие. Эломари отмечал, что она имеет благополучные города, богата хлебом и скотом, но даже при таком экономическом благосостоянии, была вынуждена прибегать к покровительству ханов, оставаясь при этом единым политическим организмом – «они (Черкесы, Русские и Ясы) не в силах сопротивляться султану этих стран и потому (обходятся) с ним как подданные его, хотя у них есть (свои) цари»⁶³. Арабский писатель Ибн-Саид (около 1270 г.) называл владетеля Матархи «малик» (арабск. «царь», «король») и сообщал, что он самостоятельно правит городом⁶⁴. Ибн-Халдун (1322–1406) выделял черкесов из жителей Кавказа, говоря, что они «могущественнее всех». Благодаря некоторым фрагментарным сведениям известны имена ряда великих князей Зихии XIV–XV вв.: Верзахта (правитель Воспоро (совр. Керчь), 1333 г.), Уздемороко (князь Копы, 1446 г.), «князя Зихии» Петрезока (1471 г.)⁶⁵.

В XIII–XV вв. Черкесия оказалась вовлеченной в мировую торговлю через генуэзские фактории на своей территории. Несмотря на определенный регресс в развитии страны связанный с татаро-монгольским нашествием, все-таки можно утверждать, что никогда больше в своей истории она не достигала большего процветания, большего благосостояния и такой густоты населения, как в то время. Богатство археологических памятников той эпохи выявленных на всей территории страны свидетельствует, что уровень жизни ее обитателей для того времени был очень высоким⁶⁶. Черкесы плотно заселяли пространство между Черным (включая южную и восточную часть Крымского полуострова), Азовским и Каспийским морями. Свою *Отчизну, страну, государство* черкесы называют *Хэку*⁶⁷, что значит буквально «середина / сердцевина между морей». И. де Галонифонтибус писал: «Эта страна граничит на западе с Черным морем, на севере с Татарией, на востоке с Каспийскими горами, на юге с Грузией и Абхазией»⁶⁸.

ЧЕРКЕСО-ИТАЛЬЯНСКИЕ СВЯЗИ XIII–XV ВЕКОВ

На протяжении 212 лет⁶⁹ черкесский берег Черного моря был одним из важнейших центров мировой – «большой торговли», объектами которой были зерно, соль, кожи и меха, качественные ткани, металлы, которая была источником денежных ресурсов⁷⁰. Таким образом, Черкесия оказалась вовлеченной и в торговую революцию XIII в. (с 1160-х по 1330-е гг.)⁷¹.

От черкесо-итальянских связей XIII–XV вв. остались архивы в Италии. Среди них – генуэзские нотариальные акты из Перы и Кафы конца XIII века (изданы Г.И. Братиану в 1927 г. в Бухаресте), в 1960–1970-гг. была осуществлена широкая публикация многих итальянских архивов, в том числе и руководств по ведению торговли и торговые тарифы венецианского и генуэзского происхождения⁷², итальянские навигационные карты Черного моря XIV–XV вв.⁷³, значительное число которых по сей день хранятся в Национальной библиотеке Марциана в Венеции.

История итальянского торгового проникновения на Западный Кавказ имеет богатую историографию. Здесь следует особо отметить статьи Е.Д. Фелицына, Е.С. Зевакина, Н.А. Пенчко и Х.А. Поркшеяна, посвященные непосредственно истории генуэзских колоний в Черкесии⁷⁴. Пребывание итальянцев на Кавказе оставило заметный след в черкесских преданиях. Черкесы звали их «франки наши братья» – *френккардаи*⁷⁵ (искаженная транслитерация черкесского выражения «френчхэр ди кьузш» – О.Ф.). Для черкесов название «франки» распространилось на всех европейцев, из них они особо выделяли венецианцев, которых звали *венеди*, и генуэзцев – *джениди*⁷⁶.

Причерноморье исторически было «контактной» зоной⁷⁷, куда постоянно съезжались купцы со всего мира. Многие народы, в том числе и итальянцы, называли Черное море вкуче с Азовским – Главным, Великим (*maggiogi*)⁷⁸. В XIII в. монопольное положение в черноморской торговле стало принадлежать северо-итальянским городам-государствам⁷⁹. Как отмечают А.Г. Еманов и А.И. Попов, благодаря торгово-предпринимательской деятельности итальянцев, обладавших в то время наиболее передовым опытом кораблестроения и навигации и располагавших самой совершенной техникой кредитно-финансовых отношений, черноморская торговля получила новое качество – она была выведена из состояния региональной замкнутости и пришла в согласование с мировыми торговыми коммуникациями⁸⁰. Одним из ключевых участников этой торговли в акватории Черного моря была Черкесия. «Торговля с Черкесией была настолько выгодной, – писали Е.С. Зевакин и Н.А. Пенчко, – что, несмотря на всевозможные препятствия, итальянские купцы стремились завязать с ней прочные сношения». Из 25 купеческих галер, которые обслуживали в 20-х годах XIV в. три главных торговых пути мира – 10 – работало на «романском» (Византийская империя и Черное море)⁸¹.

В 1266 г. генуэзцы утвердились на побережье Таврического полуострова в урочище Кафа. Здесь, купив участок земли, основали одноименную торговую факторию *Кафа* (совр. Феодосия) (с 1318 г. – город⁸²). Генуэзцы монополизировали всю черноморскую торговлю, ее центром стала Кафа. Со временем она стала многолюдна как Константинополь: с появлением генуэзцев в Крыму, его население от нескольких сотен тысяч увеличилось до миллиона⁸³ (черкесы составляли значительную часть населения Кафы⁸⁴, южного и восточного побережья Крыма). На протяжении 2–3 десятков лет генуэзские моряки, купцы и ремесленники создали разветвленную сеть торговых факторий и на северо-восточном побережье Черного моря. Здесь необходимо указать на принципиальное отличие греческой и итальянской колонизации от модели колонизации Нового времени.

Эти две системы различны по существу. «...Греческая *αποικία*, хотя она и переводится словом «колония», представляла собой нечто, по существу, отличное от современной колонии». Под последней подразумевается общество, «не только вышедшее из метрополии, но остающееся политически с нею связанным связью зависимости. Греческая *αποικία* не была таким зависимым обществом», тем более от метрополии не зависели те общества, где создавались эти *αποικία* [*αποικία*], а в средние века – латинские *colonia*⁸⁵. Генуэзские торговые фактории, как прежде и греческие, возникали не на пустом месте, они являлись кварталами в местных городах и поселках. Автор фундаментального труда по истории торговли в Западной Европе в средние века А.К. Дживилегов писал: «Главным учреждением, помощью которого европейские купцы на месте вели правильный обмен с востоком, были так называемые *fondaco*. В тесном смысле *фондако* – это товарный склад чужеземных купцов, но вследствие своеобразных условий торговли в средние века, понятие, обнимаемое ими, сделалось значительно шире и стало означать не только склады, но своего рода торговые колонии иноземцев. Мы встретимся с этим учреждением и в Европе, но оно должно было получить этот вид именно на Востоке, где соединение склада с поселением почти всюду оказывалось единственно возможной формой организации постоянных торговых сношений»⁸⁶. Крупнейший специалист по истории генуэзской торговли Г. Братиану также отмечал, что итальянская колонизация возрождала греческую, и не стремилась ни к территориальным аннексиям, ни к завоеваниям⁸⁷. Его мнение разделял и другой известный историк Н. Мурзакевич⁸⁸. Альтернативная точка зрения оценивает процесс проникновения крупного торгового капитала итальянских республик в Крым не только как сложный и длительный, но и, в определенной мере, как противоречивый. А.Г. Еманов выделяет в нем два качественно различных этапа, каждому из которых соответствовали свои методы и средства, принципы организации торговых и иных связей с Причерноморьем. Первый этап ограничивается им хронологически 1169 г. (договор императора Мануила I с генуэзцами) и 1261 г. (Нимфейский договор). Второй: 1261–1475 гг.⁸⁹ Существует также периодизация истории итальянского присутствия в северо-восточном Причерноморье, связанная с эволюцией природы мировой торговли в этом регионе и постепенной утратой Кафой роли ее центра⁹⁰. О наличии определенных качественных изменений в системе функционирования генуэзских колоний, особенно в XV в., свидетельствуют истории с Солдаией, Чембалом в Крыму и Батиаром (у Ахтарского залива) в Черкесии, с наследованием Матреги генуэзским аристократическим родом де Гизольфи, а также – множества феодальных владений генуэзцев в Причерноморье, возникших, в том числе, и в результате захвата общинных земель. Но, по всей видимости, это было связано не с политикой Генуэзской республики, а с природой генуэзского предпринимательства, представлявшего частные интересы крупного торгового капитала. Ряд сведений (документы о действиях генуэзских властей в Солдаие в 1474 г.⁹¹, устав Кафы 1449 г.) указывают на то, что власти республики пытались ограничить действия своих граждан в части захвата чужих земель. В Солдаие эти попытки вылились в прямое противостояние консула, «выступавшего от имени Генуэзской республики и городского самоуправления Солдаий» против произвола феодалов Гуаско⁹².

Е.С. Зевакин и Н.А. Пенчко разделяли крымские и черкесские колонии и по принципу организации в них управления⁹³. Город Кафа, над которым развевался генуэзский флаг, построенный на купленной в свое время у правителя Крыма Оран-Тимура земле, находился под юрисдикцией Генуи. «Граждане Кафы имели собственные: законы, тариф, монету, герб и свое начальство, которое состояло из нескольких лиц, заведовавших разными частями управления». Консулу Кафы впоследствии были подчинены консулы Солдаий и Чембалом. Внутренняя жизнь

Кафы регламентировалась особыми уставами и постановлениями. Древнейший устав относился к 1290 г. В 1313 г. Генуэзской республикой для населения всех генуэзских колоний, как в Крыму, так и во всей Восточной Европе было издано собрание Общественных актов и повелений (59 статей). В 1403 г. к ним присоединили 98 новых статей. В 1413 г. был принят новый устав, легший впоследствии в основу устава 1449 г.⁹⁴ Татарская община города управлялась ханским тудуном⁹⁵. Правителями Воспоро (совр. Керчь) в восточном Крыму были черкесские князья Верзахт (...1320 гг...), Миллен (...1330 гг...). В 1379–1386 гг. наместником Крыма был черкесский князь Жанкасиус-Зих или Черкес-бек⁹⁶. В 1453 г. Генуя передала город Кафу со всеми прочими генуэзскими поселениями на Черном море в ведение банку Сан-Джорджо с правом собирать в свою пользу пошлины и налоги, судить и казнить преступников⁹⁷.

Международная торговля, имевшая как внешний аспект (товарообмен между городами и государствами), так и – внутренний (иностранный торговля на рынках той или иной страны)⁹⁸, способствовала возникновению в XIII–XV вв. в Черкесии 39 колоний генуэзцев. Они располагались на побережьях Азовского и Черного морей между такими важнейшими для «большой торговли» городами как Тана (Азов) и Себастополис (Сухум). Итальянцы стали интенсивно использовать Северо-Кавказский древний торговый путь, существовавший со II в., ставший известным в VIII–IX вв. как Великий Шелковый путь, а в – XIII–XV вв. как Генуэзский торговый путь или Генуэзская дорога. Одна ее ветвь тянулась от Анапы через многочисленные селения на берегах рек Лаба, Кяфар, Зеленчук, Теберда, через Клухорский и Марухский перевалы в Абхазию, а другая – через всю территорию Кабарды к Каспийскому морю⁹⁹.

В старых городах-эмпориях Черкесии, известных с античных времен, населенных преимущественно черкесами и греками¹⁰⁰, – Матреге, Копе, Мавролако, Халолимее – генуэзцы заняли довольно устойчивые позиции в 90-х гг. XIII в.¹⁰¹ *Особенность системы управления генуэзских колоний в Черкесии* заключалась в том, что они находились под сюзеренитетом местных князей. Е.Д. Фелицын и Л.И. Лавров пришли к выводу, что фактории генуэзцев находились «в зависимости от черкесских князей и вынуждены были им платить дань»¹⁰². Наглядно это обозначено на каталонской карте 1375 г.: над Кафой развевается генуэзский флаг, над Таной – флаг с гербом чингизидов и мусульманским полумесяцем, а на правом берегу Кубани в районе современного Краснодара – крепость с минаретом, но без опознавательных знаков. Археолог Н.Г. Ловпаче обозначает ее как северный оплот независимой Черкесии¹⁰³. В крупнейших политико-хозяйственных центрах Черкесии – Матреге и Анапе не было консульств, несмотря на наличие в них значительных факторий генуэзцев, а в Матреге – даже генуэзского гарнизона¹⁰⁴ (набранного из черкесов). Интересы генуэзских общин были представлены в этих городах президентами (комендантами). Здесь были открыты также представительства различных торговых учреждений¹⁰⁵. Единственным городом Черкесии, где работал институт *временного консула* была Копе – главный генуэзский центр в Северном Причерноморье. Консул пребывал в Копе в течение полугода, когда продолжалась навигация. В это время происходила заготовка, обработка и отправление морепродуктов в Константинополь, Трапезунд и в Европу. В Копе также имелись католическая церковь, торговые учреждения, контора мер и весов. По одним сведениям, должность консула Копы, как и должность весовщика (учреждена в 1460 г.) давалась в награду за особые заслуги перед государством; по другим – продавалась, как и другие «выгодные» должности, консульством Кафы. Е.Д. Фелицын писал, что назначение на должность консула Копы требовало внесения в попечительный комитет Кафы 4 сомов, а писцам кафского сената – 100 аспров¹⁰⁶. Консульство в Копе возникло скорее всего в конце 1440-х гг., когда оно впервые упоминается в

статуте Кафы 1449 г. Возможно, его учреждение было связано с перемещением центра торговли причерноморской рыбой и морепродуктами из Кафы в Копу и Батияр¹⁰⁷. Правам и обязанностям консула Копы была посвящена 87-я глава статута Кафы 1449 г. «О том, что должен делать консул Лакопы». Его права и обязанности были определены «с такой полнотой и точностью, какой нет в главах, относящихся к самой Кафе, Солдае и Чембало». Эти положения демонстрируют, что торговые операции были строго регламентированы, интересы фиска имели приоритет над интересами купцов¹⁰⁸. В данном случае для генуэзских властей и черкесских князей речь шла не об экономической выгоде, – такого подхода в ту эпоху еще не существовало нигде в мире. Фискальная система была проблемой политической и этической, а не экономической¹⁰⁹. Беспрецедентная регламентация фискальных вопросов подчеркивала, прежде всего, сюзеренитет великого князя-государя Черкесии над генуэзскими колониями. Именно на поддержание престижа суверена Черкесии была направлена в первую очередь и выплата генуэзцами безвозмездных ассигнований в форме обязательных даров («*ехепиа*»). Эти дары представляли собой различные товары, в том числе и бокассины (отрезы высококачественной льняной ткани для рубашек). Согласно заявлению де Гизольфи, его предшественники, князя Матреги, получали из кафского казначейства по 50 сом в год¹¹⁰. «*Ехепиа*» князю Матреги аналогична безвозмездным ассигнованиям итальянских торговых колоний на подарки императору Трапезундской империи и татаро-монгольским ханам. Например, император Трапезундской империи получал дары, сумма которых не превышала 250 дукатов¹¹¹. «Дары» преподносились торговыми компаниями и европейским монархам¹¹².

Также, на основе факта сохранения сана *государя* в Черкесии и после татаро-монгольского нашествия, можно утверждать, зная более позднюю систему принятия политических решений¹¹³, например в Кабарде, где сан великого князя существовал до 1822 г., что черкесские князья имели по принципиальным вопросам черкесо-генуэзского сотрудничества консолидированную позицию. В определенной мере это демонстрируется документом, адресованным консулом Кафы банку Сан-Джорджо (1471): «Ему (переговорщику с черкесскими князьями Ковалино Ковало – *О.Ф.*) удалось устроить все по вашему желанию и заключить условие с князем Биберди (князь области Кремух Иосафата Барбаро – ? – *О.Ф.*) и Петрезокком, князем *Зихии*, а также Бельзебоком, князем Копарио, и его супругой»¹¹⁴. Здесь фигурируют князья черкесских княжеств, в наибольшей степени вовлеченных в «большую торговлю»: Биберди – «князь страны между Азовом и Кубанью»¹¹⁵, Бельзебок – князь Мапы (Анапы) и Копы¹¹⁶ и Петрозок – «князь *Зихии*»¹¹⁷, т.е. ее государь, король всей страны (... – 1471 г. – ...).

Сам факт возникновения генуэзских колоний в Черкесии в XIII в. указывает на достаточно высокий уровень ее социально-политического и хозяйственного развития, на наличие в ней условий для товарно-денежных отношений и постоянной торговли. Этот тезис подтверждается письменными источниками и археологическим материалом X – начала XIII в.¹¹⁸ Свод обычного права Черкесии – Адыгэ Хабзэ содержит множество правовых норм по частной собственности. Многие из них возникли задолго до XV в. Одним из важнейших источников права частной собственности черкесских князей было их право сбора торговой пошлины со всех, кто занимался торговлей на территории их княжеств¹¹⁹. Сбор торговых пошлин был одной из самых доходных статей средневековой экономики. Генуэзская торговля приносила стабильные и высокие доходы адыгской аристократии, о чем свидетельствует статут Кафы 1449 г.

1. Генуэзцы выплачивали черкесским князьям торговые пошлины на все вывозимые товары. Так, например, ежегодно, по прибытию в Копу, ее консул вместе с купцами отправлялся к владетельному князю для определения цены на рыбу

на текущий сезон (§ 622). До ее установления никто не имел права торговать под угрозой конфискации товара консулом (§ 623). По этому вопросу генуэзские власти выдавали инструкции властям Кафы. Достоверно известно, что за всю вывозимую рыбу, а Копа была основным поставщиком морепродуктов, князья получали определенную плату¹²⁰. Очевидно, что и на остальные экспортируемые товары им выплачивались определенные суммы.

2. Черкесским князьям выплачивались также различного рода субвенции и субсидии. Князья Мапы и Тамани субсидировались ежегодной суммой из Генуи, «во-первых, для общей защиты и, во-вторых, из политических видов, с целью держать их в зависимости», что следует понимать, как зависимость от торгового интереса к генуэзцам. В 1423 г. упоминается – о ежегодной субвенции на защиту замка «де ла Мапа». В 1465 г. Мапа получила субсидию в размере 10 000 аспров¹²¹.

3. Князья получали доходы и от организации «туземных караванов», которые транспортировали грузы через всю Черкесию, которая в то время занимала большую часть территории Кавказа¹²².

4. Помимо указанных статей черкесские князья получали доходы и от самой черноморской торговли, в которой участвовали через своих агентов или доверенных лиц, как это было принято в ту эпоху среди высшей аристократии, включая и монархов всего мира. Об этом свидетельствуют и данные о кредитно-денежных отношениях между итальянскими банками и черкесскими аристократами. Роль торговых агентов черкесской аристократии, как и в Черкесии, так и в Египте, где они правили в это время, зачастую выполняли генуэзцы¹²³.

Черкесия во второй половине I – начале II тысячелетий была вовлечена в торговлю Византии с Западом и Востоком, благодаря которой тогда было сохранено хоть какое-то *денежное обращение* в Европе¹²⁴. Памятником торговых связей черкесов являются находки византийских монет – под Анапой, в Горячем Ключе и на Рим-Горе относящихся соответственно к VI и VII–VIII и X вв., арабских монет VIII, IX, XI вв. в на Западном Кавказе¹²⁵. Как в некоторых европейских странах в X–XI вв. чеканилась собственная монета¹²⁶, что свидетельствовало о наличии в Черкесии собственной денежной основы, об упадке натурального хозяйства и постепенном развитии менового хозяйства и денежной торговли¹²⁷. Основой роста денежного обращения в Черкесии в XIII–XV вв. стала ее вовлеченность в мировую торговлю. Именно морские перевозки, организованные Генуей и Венецией способствовали циркуляции денег между Италией и другими регионами Европы, в том числе и Причерноморьем. Деньги в виде слитков и монет были одними из основных перевозимых товаров¹²⁸. Жак ле Гофф пишет, что «подобные слитки широко циркулировали в XIII в. во Фландрии и Артуа, в Рейнской области, в Лангедоке, в долине Роны и даже в Италии, хотя монет там хватало и монетное обращение было интенсивным». В Европе имели хождение в основном 3 разных типа серебряных слитков, различавшихся большим или меньшим содержанием чистого металла. В Средиземноморье и в Причерноморье преобладала модель азиатского происхождения¹²⁹. Сведения из деловой документации Кафы и Таны, постановления и распоряжения генуэзского банка Сан-Джорджо, торговые договора, частные письма населения итальянских причерноморских колоний указывают, что черкесы великолепно ориентировались в существовавшей на тот момент сложной денежной системе. В Черкесии, как и в других странах Европы, в XIII в., наибольшее хождение наряду с монетами, которые чеканились, в том числе и в самой Черкесии, имели слитки серебра ладьевидной формы. Такие слитки именовались на латинском языке *sommo/summi* («слиток» или «тяжесть»), по-итальянски – *soma /sonmo*, по-французски – *somme*, по-черкесски – *som/com*. Сом имел эквивалент в определенном числе серебряных монет и использовался и как деньги и как денежная единица-номинал. Небезынтересно будет отметить,

что итальянский термин «som» в черкесском языке и по сей день обозначает в нем денежную единицу. Е.Д. Фелицын отмечал, что черкесы, даже после вхождения в Российскую империю, продолжают оперировать старой генуэзской денежной системой. Так русский рубль они называют *som /som*. «От этого слова по свойствам черкесского языка произошли соманок (сомныкъуэ – О.Ф.) – полтинник и сомышь – четвертак»¹³⁰. Наряду с сомом в генуэзскую эпоху были в обращении монеты разных стран и достоинств, однако наибольшее распространение получили греческие аспры. Они носили первоначально идеальный характер. В начале XV в. на смену идеальному аспру пришел – реальный. В ...1332–1342... гг. он чеканился в Тане (джучидский аспр), с 1420-х гг. – в Кафе. Изначально аспр мог найти свое количественное выражение только через отношение к сому. Сомы Таны и Кафы весили в среднем 198, 4 г и имел 960-ю пробу. Позднее имели место модификации меновой стоимости или мутации кафского аспра: при расчете в 1320 г. 1 сом считался эквивалентным стоимости 120 аспров, т.е. каждый аспр выражал 1, 87 серебра тождественной пробы, в 1343 г. – 1 сом был эквивалентен 200 аспрам, наряду с этим использовался аспр соответствовавший 4 г серебра, когда 1 сом соответствовал 54, 5 новым аспрам. В отдельные годы отношение кафинского аспра к сому доходило до 172:1 при весе аспра в 1,30 г¹³¹. Согласно статуту Кафы 1449 г. консул Копы имел важную привилегию чеканить монету: никто не имел права торговать рыбой, «пока консулом не будет сделана монета установленной пробы»¹³² (к сожалению, название этой монеты не известно). Пеголотти называет еще одну денежную единицу региона – саггио /саджо – серебряные слитки-прутки. Если сомы и аспры использовались в оптовой и мелкооптовой торговле, то саггио /саджо расплачивались за золото и жемчуг. 45 саггио /саджо были равны 1 сому. В Тане наряду с сомом и саггио/саджо имели обращение медные монеты фоллери. 16 фоллери считались аспром. Фоллери не использовались купцами, ими оплачивались «травы /силос /мелкие вещи». Саджо /саггио, как и джучидские аспры (т.е. местной чеканки), изготавливались на монетном дворе Таны (сведения 1332–1342 гг.)¹³³. Наряду с сомом и монетами в это время имели хождение и неметаллические деньги – бокассины. С.П. Карпов отмечает, что сукна западноевропейского производства служили в то время, как и звонкая монета, эквивалентом в обмене на восточные и местные товары¹³⁴. В Черкесии в качестве мерил ценности выступали также определенное количество быков или коров (*цхьэ*)¹³⁵. Но аспры и сомы Черкесии в период генуэзской торговли стали постепенно вытеснять бокассины, о чем может свидетельствовать то, что стоимость, например, даров князю Матреги определялась в сомах. Но все же, наличие бокассин и цхьэ, являлось проявлением экономики, которая с трудом переходит от натуральной стадии к денежной¹³⁶.

Вовлеченность черкесов в средние века в «большую торговлю» способствовала дальнейшему развитию в стране товарного производства, имевшего здесь «очень глубокие корни, уходящие в античность»¹³⁷ и дальнейшей динамике денежного обращения. А.Г. Еманов, опираясь на новейшие публикации массовых генуэзских источников, обращает особое внимание на Кафу не только как на центр реэкспорта, но и как на центр дистрибуции, «которой до сих пор не придавалось значения», в ближайшие периферии¹³⁸. Регион Черкесии был одним из 4-х направлений дистрибуции кафского импорта¹³⁹. Анализируя экспорт и импорт Черкесии, можно утверждать, что торговые города Причерноморья, как и Кафа¹⁴⁰, были центрами с собственной структурой спроса и предложения: через торговые колонии итальянских морских республик на территории Черкесии был налажен импорт восточных и западных товаров, экспорт сельскохозяйственной продукции и ремесленных изделий, транзитная торговля стран Востока и Запада.

Экспорт Черкесии состоял из следующих статей: зерно, невольники, соленая рыба (преимущественно красная), паюсная икра, кожа, воловьши шкуры (продава-

лись по 100 штук), шкуры лошадей (продавались кусками), марена, шерсть, холст, лен, мед, воск, сыр, нутряное сало, древесина (прежде всего, самшит), серебряная руда (ее вывоз стимулировался нехваткой в Европе драгоценных металлов для чеканки монет), фрукты, горностаи, лисий, хорьковый, куны меха, волчьи и оленьи шкуры и «все виды одежды с шелком и золотом» продавались кусками, «простые сорта тканей и холсты всех сортов», которые продавались на пикко (пикко = 71,12 см – *О. Ф.*). Наибольший удельный вес имели зерно, невольники, рыба и воск¹⁴¹.

Работорговля имела на Кавказе 2 000-летнюю историю. Жак Ле Гофф пишет, что человек представлял для средневековых сеньоров ценный капитал, так как основой материального благосостояния общества оставалась человеческая энергия. Питание на грани голода в европейских странах (10 000 калорий в день, современный человек потребляет порядка 100 000 калорий) приводило к малой выносливости и небольшой продолжительности жизни человека из так называемого третьего сословия. Это заставляло правящие круги прибегать к привлечению в экономику армию невольничьего труда, что способствовало развитию работорговли. В XV в. общий объем экспорта рабов в мире составлял 2000 человек. Несмотря на то, что генуэзское законодательство запрещало перевозить невольников на своих галерах, их вывоз с Кавказа в Европу был налажен. Генуя стала одним из центров работорговли¹⁴², с конца XIII – до середины XV в. генуэзцы контролировали значительную долю этого рынка, в связи с монополией Кафы на транспортировку невольников, «гарантированной соглашениями с местными правителями. Кроме того, нельзя не учитывать церковного контроля, возложенного на католического епископа Кафы и призванного воспрепятствовать вывозу христиан». Основным направлением вывоза был Египет, где рабы составляли гвардию султана, в некоторой степени – Майорка и Сицилия. Использование невольников в хозяйствах самой Италии было незначительным¹⁴³. Среди вывозившихся невольников преобладали татаро-монголы, а затем, уступая им по численности, рабы кавказского происхождения (черкесы, аланы, абхазы, мегрелы), греки, славяне¹⁴⁴. Черкесия богатая продуктами продовольствия («хлеба в той стране много, а также мяса и меда, но нет вина»¹⁴⁵) была страной «красивых девушек и храбрых, воинственных, хорошо сложенных юношей», что делало ее «поставщиком» высоко ценимого на невольничьем рынке товара¹⁴⁶.

Главной составляющей генуэзского предпринимательства в Черноморье, первостепенной статьей экспорта Черкесии в средние века, как и в античное время, была, *торговля зерном* (пшеницей, рожью, ячменем, просом). Как в античную и византийскую эпохи, в позднем средневековье территория Зихии /Черкесии оставалась житницей Европы. В XIV–XV вв. ее хлебом снабжались как Трапезунд и Константинополь, так и итальянские морские республики и их торговые колонии в Причерноморье. Торговля хлебом была настолько важна, что она не была монополизирована итальянцами, в ней принимали участие самые разные категории местных купцов. Она тесно смыкалась с внутренней торговлей аграрными продуктами Причерноморья¹⁴⁷. В эту эпоху товарооборот черкесского хлебного рынка достиг еще более значительных размеров, чем когда-либо прежде. В отдельные годы 10–15% потребляемого в Генуе зерна привозилось из Черкесии¹⁴⁸. Н. Мурзакевич отмечал, что пшеница, отпускавшаяся из Крыма (хлебный экспорт из Черкесии концентрировался в значительной мере в Кафе¹⁴⁹) предпочиталась «всем прочим родам этого хлебного семени». Документы массариев Кафы 1374, 1381–1382, 1386–1387 гг. фиксировали поставки хлеба кафинской коммуне, в частности, из Матреги, Мапы, Зихии, Халолимеи /Калолимены¹⁵⁰. «С пшеницею генуэзцы отправляли в Константинополь: шерсть, меха лисьи и других животных, воск, серебро и золото»¹⁵¹. По свидетельству Ф.Б. Пеголотти (1427 г.) пшеница, рожь, ячмень, просо и бобовые продавались местной мерой – «кашито»(?)¹⁵². Высокий

и постоянный спрос на продукты земледелия способствовал тому, что сельское хозяйство Черкесии было в значительной мере сориентировано на экспорт. Направленность на внешние рынки стимулировала развитие технического оснащения отрасли. Еще в предмонгольский период (начало II тысячелетия) пашенное земледелие, развивавшееся на равнинах Черкесии (в горах – мотыжное земледелие), имевшее место у адыгов с античных времен, достигло очень высокой производительности труда благодаря изобретению тяжелого адыгского плуга¹⁵³. На высокую рентабельность хлебной торговли в то время указывают археологические источники. Белореченские курганы, располагавшиеся на территории «житницы Зихии» княжества Кремух (Кемиргой, Темиргой), отличавшиеся чрезвычайным богатством погребений. «Наличие многочисленных дорогостоящих импортов, – по мнению В. Кузнецова, – подтверждают отмеченное Барбаро и Интериано богатство области Кремух и существование в ней рынка, связанного с итальянскими торговыми факториями в Северо-Восточном Причерноморье»¹⁵⁴. Таким образом, можно утверждать, что не только причерноморские города, но и глубинные районы Черкесии являлись активными участниками внешней торговли и потребителями значительной части импорта. С другой стороны, участниками торговли и потребителями импорта выступали не только правящие слои общества, но и представители так называемого третьего сословия. Об этом свидетельствуют археологические находки бедных погребений¹⁵⁵. Потребление, как известно, выступало важным источником обращения денег. И как доказывают М. Блок и Ж. ле Гофф в развитии денежного обращения в средние века были заинтересованы не только города, но в большей мере – деревни¹⁵⁶.

Наряду с земледелием основной отраслью сельского хозяйства черкесов с древнейших времен было *животноводство*, а именно коневодство, овцеводство, разведение крупного рогатого скота. Как письменные, так и археологические источники свидетельствуют о достаточно высоком уровне их развития¹⁵⁷. История *коневодства* брала свое начало в период майкопской археологической культуры. В результате тысячелетней селекционной деятельности в период раннего средневековья была выведена черкесская порода лошадей (адыгэшы)¹⁵⁸. Археологические артефакты говорят о довольно развитом *овцеводстве*. Разводили главным образом грубошерстную черкесскую породу овец (адыгэ мэлфьццэ) (75% от всего поголовья, например, в Кабарде), шерсть которых использовалась для изготовления сукна и войлочных изделий¹⁵⁹. *Крупный рогатый скот* применялся в хозяйстве как тягловая сила. Мясо и молочные продукты играли важную роль в питании, кожа шла на изготовление обуви и военных доспехов¹⁶⁰. Товары, связанные со скотоводством и его продуктами были также важнейшей статьёй экспорта. В значительном количестве вывозились воловьши шкуры (продавались по 100 штук), овчины, шерсть, сыр, солонина, нутряное сало, конский волос¹⁶¹. Экспорт продуктов животноводства способствовал не только дальнейшему развитию традиционной отгонной (яйлажной) системы скотоводства, но и стимулировал внутризэкономические связи.

Рыболовство и переработка морепродуктов были традиционными промыслами черкесов. Благодаря сведениям Страбона и Интериано известно, что на протяжении 15 веков в Черкесии ловилась рыба «антакей» /«античей» – «род осетров, больших и малых, очень вкусных и удобоваримых для желудка»¹⁶². В средние века рыбный промысел продолжал носить товарный характер. На рыболовстве и переработке морепродуктов специализировались целые города и села, существовали заводы по переработке морепродуктов. Экспорт рыбы из Черкесии удовлетворял значительный спрос на морепродукты в Европе, который особенно возростал во время христианских постов. В XII в. в Константинополе итальянцы занимали целые рыбные ряды, в которых торговали кубанской и азовской рыбой черкесов¹⁶³.

Пчеловодство и бортничество издревле занимали в хозяйственной жизни черкесов одно из ведущих мест. Они поставляли на экспорт огромные объемы воска и меда. Горный («каменный мед») наряду с лесным, луговым, и др. видами производился в Черкесии на экспорт на протяжении 800 лет. Необычайно большой размах приобрел вывоз из Причерноморья воска, потребность в котором определялась развитием свечного и бумажного производств в Европе. Только в 1289–1290 гг. в Геную из Кафы было отправлено воска почти на 9 млн. аспров, в Перу – на 17,8 тыс. Часть воска, стоимостью 54 тыс. аспров, составила товарный резерв в самой Кафе¹⁶⁴.

Главным промысловым занятием черкесов в средние века оставалась *охота*, являвшаяся одновременно и своеобразным видом спорта для черкесской аристократии. В то же время, благодаря этому промыслу, продолжался вывоз из страны многих тысяч мехов горностаев, лисьих, куньих (продавались связками хвостов – по 20 хвостов в одной связке), волчьих, медвежьих шкур¹⁶⁵. Торговля мехами и шкурами была одной из самых высоко rentабельных статей экспорта средневековья.

Многие традиционные для Черкесии *ремесла* – кузнечное, оружейное, ювелирное, гончарное, ткачество, золотошвейное, кожевенное, шорное, достигшие уровня мелкого товарного производства уже в раннем средневековье, получили в период генуэзской торговли дальнейший импульс к развитию¹⁶⁶.

Общеизвестно влияние *производства текстиля* на развитие средневековых городов и на становление денежного обращения. В Европе этот сектор экономики почти единственный дошел до промышленной стадии и способствовал более активному обращению денег в кругах торговцев сукном. Производство текстиля, несмотря на то, что оставалось чаще всего индивидуальным и продолжало в основном располагаться в деревнях, оказывало содействие большому техническому прогрессу в ткачестве¹⁶⁷. Характер самого процесса сукноделия способствовал развитию «большой торговли»: «Торговля материями не могла ограничиться одним каким-нибудь округом, ибо почти никогда не бывало так, чтобы одна какая-нибудь местность умела готовить одинаково хорошо всякие сорта. Необходимость широкого обмена вытекала именно отсюда сама собою»¹⁶⁸. Изготовление тканей берет свое начало в майкопскую и меотскую эпохи¹⁶⁹. Экспорт тканей прослеживается по письменным источникам с X по XIX вв. Мас'уди указывал, что в X в. здесь производились различные высококачественные ткани из льна, многие виды этих тканей импортировались. Один из сортов, отличавшийся особой тонкостью и прочностью, назывался «тала» («золото»), «который более тонок и носок, чем сорт *дабики*¹⁷⁰». Он продавался очень дорого (10 динаров за отрез). Вывоз тканей из Черкесии производился, согласно Мас'уди, как «смежными народами», так и в арабские страны – «в соседние страны ислама»¹⁷¹. В пору генуэзской торговли экспорт тканей из Черкесии в Европу получил дальнейшее развитие. Наряду с вывозом «простых сортов тканей и холстов всех сортов» (продавались в пикко (пикко = 71, 12 см – *О.Ф.*) стала вывозиться и готовая *одежда*¹⁷², вышитая шелком и золотом¹⁷³. Это свидетельствовало о высоком уровне развития золотошвейного искусства, в котором черкесы создали свой специфический стиль, отличный от золотошвейного искусства других народов¹⁷⁴. Главная составляющая этого стиля – вышивка *в прикреп* – наиболее древняя техника золотого шитья в Черкесии (внутри самого этноса она известна как *адыгская вышивка*). Эта техника жива по сей день. Она имеет долгую традицию, начало которой датируется VI–VII вв.¹⁷⁵ Многие авторы, побывавшие в Черкесии в разное время неизменно отмечали искусность черкешенок в рукоделии вышивания и изготовления басонных изделий¹⁷⁶. Экспортировавшееся из Таны, по данным Ф.Б. Пеголотти, готовое платье – «все виды одежды с шелком и золотом» не могли не включать и черкесскую одежду, которая была типологически очень близка европейскому костюму¹⁷⁷. (Историк кавказской одежды

Е.Н. Студенецкая отмечала, что черкесы, благодаря достигнутому при изготовлении одежды высокому уровню технического мастерства, тонкому эстетическому вкусу при ее украшении, еще в средние века создали свой собственный *стиль в одежде*¹⁷⁸. Реконструированный в 1950 г. реставратором государственного исторического музея Е.С. Виденовой женский национальный костюм начала XIV в.¹⁷⁹ имел практически тот же облик, что и костюм XIX в.). В то же время имел место импорт готовой одежды в Черкесию из Европы¹⁸⁰.

Шорное ремесло также выделялось довольно высоким уровнем мастерства. Например, в Бахчисарае существовала улица, где жили черкесы – седельники и потому она называлась Черкесской¹⁸¹.

Как отмечает С.П. Карпов, «изучение ассортимента товаров позволяет нам глубже разобраться в самой природе торговли, в ее направленности и социальной ориентированности»¹⁸². Черкесия полностью могла обеспечивать себя продуктами питания и быта. Единственным импортируемым ею предметом, имевшим всеобщее потребление, была соль. Ее добыча в соленых озерах Черкесии была недостаточна. Большое количество соли потреблялось в животноводческом и рыболовном хозяйствах, работавшим в значительной мере на нужды экспорта. Большую часть ввозимых в Черкесию товаров составляли предметы роскоши из стран Европы, Индии, Китая, Тибета, Персии и Туркестана, а также предметы христианского культа (церковные колокола, металлические и деревянные иконы, священные книги, ладан, церковная одежда, необходимая для богослужения, церковная посуда). Обилие предметов роскоши среди археологических артефактов, сведения письменных источников о черкесском импорте склоняют к выводу о многочисленности и богатстве правящего сословия Черкесии той эпохи.

А.Г. Еманов отмечает, что поступавший в Кафу западный импорт в подавляющем своем количестве оставался в Крыму или вывозился в страны бассейнов Черноморского и Азовского морей. Этот импорт состоял, прежде всего, из разнообразных *тканей и одежды*. Так в Кафу, в XIII – первой половине XIV в. завозились изделия сукнодельческих центров Фландрии и Франции; льняные и конопляные итальянские ткани, производившиеся в предместьях Генуи, в Савоне, Асколли, Фермо, Витербо; ткани из хлопка, производившиеся в Генуе и Перуджи; шерстяные ломбардские сукна, производившиеся в Милане, Пьяченце и Бергамо; флорентийские кружева с золотым шитьем, длиннополая рубаха (гонна) миланского производства. Во второй половине XIV в. в импорте преобладали итальянские сукна Милана и Флоренции, в последующем усилился ввоз в Причерноморье тканей из Германии и Англии. Известно, что «в Тану отправлялось ломбардское сукно, ткани Витри, хлопчатое полотно, рубахи, белье. В Копу везли одежду»¹⁸³. В Черкесию наряду с хлопчатобумажными, льняными и шерстяными тканями в большом количестве ввозились дорогие ткани, являвшиеся предметами роскоши: драгоценные «золотые ткани» – венецианский аксамитный бархат и парча. Из этих тканей шилась национальная черкесская одежда (Белореченские курганы и др.). Завозились также итальянская майолика, стекло, мыло, изящная утварь¹⁸⁴. Из восточных стран импортировались бокаран (легкая драгоценная ткань вроде муслина, производившаяся в Индии и Эрзинджане), китайский и иранский шелка, ковры, жемчуг и другие драгоценные камни. По кафским актам 1289–1290 гг. подавляющая часть мосульских тканей была отправлена в Тану. Почти весь бокаран, помянутый в актах конца XIII в., также был послан в Тану и Копу. В Копу вывозились лучшие по качеству тонкие специи (мускатный орех, мускатный цвет, корица, манна). Имел место импорт риса, горчицы, имбиря, стеклянной посуды¹⁸⁵. Таким образом, сведения о разнообразном и многочисленном экспорте и импорте указывают на благоприятную динамику в хозяйственном развитии страны и системы денежного обращения в ней.

Закубанье с эпохи бронзы было крупным центром добычи металлов и металлообработки, еще в античную эпоху *кузнечное дело* выделилось у адыгов из домашних промыслов в настоящее ремесло, обслуживавшее заказчиков¹⁸⁶. Мастера работали частично на местном сырье, частично – на привозном. На месте добывались и выплавлялись серебряная, железная и медная руды. В средние века на Кавказе уже владели техникой изготовления стали. В период генуэзской торговли часть серебряной руды вывозилась из страны, в то же время имел место импорт значительного количества металла и готовых металлических изделий – сельскохозяйственных орудий, предметов конского снаряжения, а также золота и серебра. Существенную часть ввоза составляло генуэзское оружие. Профессия кузнеца была широко распространена в Черкесии и пользовалась большим уважением¹⁸⁷.

К XIII–XV вв. относится формирование оригинального черкесского стиля в *ювелирном искусстве*, позволившее выделить в археологии специальное понятие «Белореченская культура»¹⁸⁸. О развитии ювелирного дела говорят сведения об импорте драгоценных металлов и камней (жемчуг, алмазы, рубины, сапфиры, бирюза, оникс, кошачий глаз)¹⁸⁹. Наряду с ювелирными изделиями местных мастеров, имели хождение импортные украшения – пояса, ожерелья, браслеты, кольца, золотая и серебряная посуда¹⁹⁰.

Важное место в черноморской торговле Черкесии занимал *резкспорт*. До середины XIV в. главными статьями транзитной торговли были специи, ткани, драгоценные камни. Торговля этими товарами была определяющей для итальянских купцов¹⁹¹. Резкспорт восточных товаров в западные порты в конце XIII–XIV в. производился через Тану (и Трапезунд), когда она стала контролировать «монгольский торговый путь». Ее экспорт наряду с рыбой, зерном и солью, имевшими жизненное значение для Константинополя, пополнялся резкспортом шелка, хлопка, специй, пушнины, драгоценных камней и металлами. Из Китая в Тану привозился фарфор, из Индии – алмазы и пряности, из Тибета – мускус, из Эфиопии – слоновая кость, из Аравии – мирра и ладан¹⁹². В последующий период резкспорт восточной продукции осуществлялся через порты Черкесии и Анатолийского побережья Черного моря¹⁹³. Через кавказские порты вывозился шелк Грузии, Гиляна, Талиша, Шеки, Ганджи, Астары и Лезгистана. Из Кафы эта продукция централизованно вывозилась в Италию¹⁹⁴.

А.К. Дживилегов отмечал, что расцвет левантской торговли с конца XIII по конец XIV вв. оказал «могущественное влияние на торговлю в самой Европе, где мало-помалу успели обнаружиться и результаты внутренней экономической эволюции; то и другое вместе совершенно преобразовало народно-хозяйственную физиономию Запада»¹⁹⁵. В XIV в. наблюдался также процесс прогрессивного развития многих черноморских городских центров. Они в свою очередь стали стимулировать региональный обмен своим товарным производством и растущим спросом на продукты питания и сырье¹⁹⁶. Автор XIV в. Ибнфадлаллах Эломари отмечал богатство «черкесских, русских, яских» городов¹⁹⁷. К сожалению, история черкесских городов никогда специально не изучалась. Есть лишь констатация того, что в Черкесии, как в античное время, так и средние века существовали города, что синды уже в античную эпоху использовали в строительстве своих городов приемы античного градостроительства (Семибратное городище)¹⁹⁸. О комплексе причин возникновения городов сложно говорить в связи с недостаточностью эмпирической базы. Можем лишь обобщить имеющиеся в нашем распоряжении сведения. Одним из результатов вовлеченности Черкесии в систему мировой торговли не только в роли резкспортера, но и активного и значительного экспортера и импортера имело развитие, как старых городских центров, так и возникновение новых городов. Наибольшее значение в жизни страны в этот период играли Матрега /Тамань, Копа, Мапа /Анапа, Мавролако /Геленджик, Халолимей /Ново-

российск. За исключением Копы – это старые торговые города, существовавшие в античную и византийскую эпохи. Развитию этих городов в позднее средневековье способствовало то, что они, как и ранее, представляли собой оживленные торжища. Расцвет генуэзской торговли в регионе состоялся именно благодаря этой традиции и наличию в Причерноморье важнейших торговых магистралей, связывавших Восток и Запад. Город Копа возник, видимо, уже в описываемую пору, благодаря своей специализации на рыболовстве и обработке морепродуктов. Основным населением черкесских городов являлась аристократия, «богатевшая на торговле с генуэзцами», ремесленники и лица, связанные с рыбными промыслами¹⁹⁹.

Известный по классическим произведениям античных авторов город Матарха называвшийся итальянцами *Matregea*, а черкесами Тамаркьэй или, как и весь полуостров, на котором он находился, – Темэн (совр. станция Тамань Темрюкского района) продолжал оставаться в пору генуэзской торговли важнейшим экономическим центром Черкесии. К.Ф. Ганн объяснял его многочисленные названия так: «Таман – турецкое название²⁰⁰, может быть, позаимствованное у черкесов, на языке которых «темен» значит «болото». У арабов носит имя Метерха, очевидно, тождественное с Тацатарха Константина Порфирогенета; на итальянских картах XIV века называется Materca, Matriga, Matuga, Matega, Matrega. В русских летописях город носит название Тмутаракани»²⁰¹. Таманский полуостров назывался еще «калмыками и донцами», а также русскими летописями Мултани /Мунтани²⁰².

Матрега, располагавшаяся на одной из веток устья Кубани, которое в настоящее время уже не существует, была портом первостепенной важности. Она могла принять 1 000 судов²⁰³. В ней останавливались корабли, которые не плавали в Азовском море из-за его мелководья. Сюда из Таны, где располагались рыбные заводы, привозилась рыба – осетры, белуги, севрюги и прекрасная паюсная икра. Свои рыбные заводы имелись и на Тамани. Э. Челеби писал, что на Тамани «в изобилии водится рыба семидесяти пород»²⁰⁴. Жители города были разных национальностей, но основным населением города и всего полуострова являлись черкесы и греки. В Матрегу для продажи и обмена привозились продукты земледелия и животноводства, ремесленные изделия со всей Черкесии. Они через посредство генуэзцев обменивались на импортные товары²⁰⁵. Сюда же караванным путем доставлялось серебро, которое добывалось в горах Кавказа, и отгружалось для доставки в Европу²⁰⁶.

Вторым по своему значению торгово-экономическим центром Зихии в то время был город **Копа** (Куба; Ла-Копа; Локопа; Копарно; Копарио). О месте его локализации имеется много версий²⁰⁷. Однако, имея в виду специализацию Копы на рыболовстве и обработке морепродуктов, нужно заключить, что она располагалась на побережье Ахтарского или Ейского заливов, известных со времени Страбона богатством рыбы. Эли-де-ла Примоде локализует Копу близ Темрюка, Н. Мурзакевич – около турецкой крепости Копыл, большая часть исследователей – близ станции Славянской (с 28.05.1958 г. – г. Славянск-на-Кубани)²⁰⁸. Е.С. Зевакин и Н.А. Пенчко писали, что населенный пункт Копа существовал задолго до появления здесь генуэзцев и имел своих князей. Образовавшиеся здесь в конце XIII – начале XIV вв. город и генуэзская колония были названы по имени местного населенного пункта²⁰⁹. Возникновение города было связано со специализацией его населения преимущественно на солении рыбы и приготовлении икры (икра продавалась на «фушо» (?)), огромное количество которых поставлялось в Константинополь, Самсун и Трапезунд. Копа имела широкую аграрную периферию, в ее окрестностях черкесы занимались скотоводством и земледелием, торговля и обмен между аграрной провинцией и городом носил регулярный характер. С конца апреля по 15 мая в Копе проходила ярмарка, являвшаяся кульминацией ведущей здесь постоянной торговли²¹⁰. Копа была хорошо укреплена. Крепость и другие

постройки были возведены местным черкесским населением²¹¹. В сохранившихся книгах Кафского казначейства упоминаются 3 консула Копы – в 1448 – Андреоло Дория, в 1454 – Томасо Коломбано, в 1457 – Бибиллиано Адорно. Консул Копы пользовался важной привилегией чеканить монету²¹².

На месте древней столицы Синдского царства Синдской гавани, известная после присоединения к Боспорскому царству как Горгиппия (с IV в. до н.э.), в генуэзское время существовал город *Mana* (Ла Мапа; *Maraġium*; черк. Анапа; совр. Анапа). Н.Я. Марр, посвятивший слову *Анапа* /*Анапай* специальное исследование, считал, что это было названием этого города на местном синдском /черкесском языке и обозначало в буквальном переводе *гавань*²¹³. Название это, по его предположению, было получено путем отбрасывания характерного префикса *a-* от слова Анапа, которое могло существовать и форме «амапа». (Наименования «Копы» и «Матрега», полученные именно на основе существовавших до генуэзского времени названий делают этот вывод вполне закономерным). По сведениям К.Ф. Гана, слово Анапа переводится от черкесского *'анэ* (Ианэ) – стол и как *ппе* (пэ) – *мыс*²¹⁴. Эвлия Челеби, как и древнегреческий географ Страбон, называл Анапу «Престольным городом» (Страбон: «царская столица синдов»²¹⁵). Еще одно название города, приведенное Челеби, – Гевхерган / Гевхерпай (Сокровищница жемчуга)», т.к. здесь добывался жемчуг²¹⁶.

Мапа находилась в гуще черкесского населения, в определенные дни здесь бывали большие базары, отсюда шел через всю территорию Черкесии знаменитый Генуэзский торговый путь²¹⁷. Отменное качество многих участков старой Генуэзской дороги отмечалось даже во второй половине XIX в.

Мавролако (*Mauro Iaco*, Мавро Лако, Черное озеро, совр. Геленджик) был лучшим портом того времени на всем черкесском побережье²¹⁸. Отсюда по генуэзскому торговому пути отправлялись товары в глубинные районы Черкесии и в Дагестан²¹⁹.

Другими центрами генуэзской торговли были *Trinissie* (Тринисс²²⁰, черк. Цемесс (Густой лес)) или *Халолимея* (Калолимена, Красивый замок), черк. Дзыгъуэ-цЫкгу-къалэ (Замок маленьких мышей), искаженная транслитерация Суджук-ка-ла²²¹, совр. Новороссийск), *Maura Zega* (Мауро Зихия или Черная Зихия, район Туапсе), *Alba Zega* (Альба Зихия или Белая Зихия, район Сочи)²²².

Рассуждая о черкесских городах, нельзя не упомянуть о *Тане* (Азов) – центре как генуэзской, так и венецианской торговли на Кавказе, история которого как торгового эмпория также началась в античное время²²³. И не только по причине того, что значительную часть его населения составляли в то время черкесы, и его владельцами и ордынскими наместниками являлись черкесские князья, но и потому, что он тесным образом был связан с глубинными районами этой страны. Ф.К. Брун писал о «высоком коммерческом значении Таны». Итальянцы имели там удобную пристань «для покупки свежей или соленой рыбы у туземцев, которую потом они могли продавать с большим барышом в Константинополе или на Западе...»²²⁴. Другой важнейшей статьей экспорта Таны было зерно, производившееся в черкесском княжестве Кремук (Кемиргой, Темиргой) – «страны, лежавшей между Кубанью и Азовом». Экспорт рыбы, зерна и соли из Таны имел жизненно важное значение для Константинополя²²⁵. Пример взаимосвязи Таны и княжества Кремук демонстрирует тесную взаимосвязь приморского города с глубинными землями Черкесии. Кремук подчинялся в середине XV в., по сведениям И. Барбаро, черкесскому князю Биберди сыну Кертибея²²⁶. В Тане находилась резиденция ордынского наместника (даруги). Итальянцы появились в устье Дона в середине XIII в. Однако генуэзское консульство возникло здесь в конце 80 – начале 90-х гг. XIII в., а – венецианское – в 1320-х гг. В 1332 г. венецианская фактория получила особый юридический статус, оформленный договором с ханом Золотой Орды

Узбеком и решениями Сената в феврале 1333 г. Генуэзская фактория также имела от ханов привилегии. Таким образом, Тана находилась под юрисдикцией ханов, но управлялась, к примеру, согласно жалованной грамоты-ярлыка Джанибека венецианским купцам (1342–1357), владельцем этих земель князем-даругой Зихом / Черкесом, а итальянские кварталы – консулами²²⁷.

Вовлеченность Черкесии в международную торговлю на протяжении веков давала мощный стимул развитию городов с мощной аграрной периферией. Значительное число городов (селища и большие городища) возникло в VIII–XII вв. Многие из черкесских городов находились в глубинных районах страны: на реках Белой, Кубани (как на левой, так и на правой стороне), Б. и М. Зеленчуках, Теберде, Большой Лабе, Кяфаре, Аксауте, Подкумке, Эшкаконе и др.²²⁸. Так, например, в литературе описан «городской центр» XI–XIV вв. «с кирпичными домами, признаками литейной мастерской или цеха и близким курганным черкесским кладбищем» (близ совр. г. Краснодар)²²⁹. О городе /пшуко (резиденция князя) Бесней /Беснейбай /Бесленей на Лабе, сравнивая его с Бахчисараем, пишет Э. Челеби. Очевидно, что город должен был развиваться в течение нескольких веков, чтобы иметь описываемый облик²³⁰. В.А. Кузнецов пишет, что утерянные руины Белореченской церкви (VI–VII) сигнализируют о существовании в средние века в окрестностях г. Белореченска крупного населенного пункта, являвшегося центром раннефеодального адыгского княжества Кремух²³¹. Е.П. Алексеева сообщила о городах Лукук (в 20 км выше устья Кубани) и Сиба (на реке Афипс), в которых имелись генуэзские укрепления. Она идентифицировала Рим-Горское городище в Пятигорьи с Бургусантом (Боргустаном), являвшимся, согласно черкесским преданиям, в период позднего средневековья центром Кабарды. Здесь же она локализует генуэзскую факторию Борго-Санто²³². Е.П. Алексеева отмечала, что средневековые городища возникали как центры ремесла и обмена, по внешнему облику и структуре они представляли собой типичные феодальные города. Их защищали оборонительные сооружения – каменные стены, валы, рвы, башни, караульные помещения (Рим-Гора), в них имелись каменные постройки (зачастую двухэтажные – Инджур-Гата, Нижний Архыз), остатки оград, дворов, усадеб (Верхний Архыз, Рим-Гора), церкви и часовни (Нижний Архыз, Адиюх, Гиляч, Первомайское на большой Лабе и др.), кладбища, тюрьмы (Рим-Гора, Адиюх). Как правило, городища имели цитадели (Адиюх, Учкулька, Хумара, Кызыл-Кала и др.). На Нижне-Архызском городище у Среднего Зеленчукского храма были найдены руины монастыря, в Хумаринском городище – водопровод²³³.

Очевидно, что развитие хозяйственной жизни, внутренней и международной торговли, денежного обращения в Черкесии не могли не трансформировать социальную структуру общества. Так, наряду с правящими сословиями – княжеско-дворянской аристократией и духовенством, в этот период появились многие профессиональные корпорации, возникшие благодаря естественному разделению труда. В Причерноморье наряду с торговлей генуэзцев и венецианцев – наиболее развитых торговых народов, существовала еще торговля греков, армян, евреев, татар и других народов²³⁴. О развитой торговле черкесов и наличии у них купеческого сословия повествует арабо-персидская традиция X в. (Мас'уди, «Хулул-ал-алем») ²³⁵. Наличие купечества, второго после духовенства сословия, объединенного исключительно профессией, свидетельствовало о свершившемся в черкесском обществе переходе от закрытой экономики к – открытой.

С XII в. в Европе в свете переоценки в средневековой системе ценностей и социального престижа труда, постепенно происходит реабилитация купечества, а вскоре и ростовщиков. Это открывает возможность для широкого применения новых форм и методов ведения торговли, направленных на удовлетворение растущего спроса на деньги и на соединение ремесленников и купцов узлами солидар-

ности в различные коммерческие общества (морские и сухопутные товарищества) и компании. Последние занимались преимущественно обменом, а впоследствии – перешли к более разнообразной, более комплексной и более спекулятивной деятельности настоящих банков²³⁶. В XIV–XV вв. развитие торговли привело к введению двух главных новшеств, позволивших удовлетворить потребности в недостающих деньгах – переводного векселя и практики страхования. В XIII в. были разработаны принципы, легитимировавшие для кредитора требования и получение финансовой компенсации, пропорциональной денежной ссуде, – проценты. Размер такой компенсации составлял в то время 20%²³⁷. Перечисленные и другие новые технические приемы были внедрены итальянскими купцами и в черноморскую торговлю. Известно, что крупнейшим кредитором торговых операций в Причерноморье выступал в XV в. старейший генуэзский банк Сан-Джорджо. Имеющиеся документы демонстрируют вовлеченность черкесской аристократии, выступавшей дебиторами этого банка, в товаро-денежные отношения и в сложную систему кредитно-вексельных отношений²³⁸.

Значительную прослойку в черкесских городах и селах составляли ремесленники. Интересный факт был засвидетельствован Э. Челеби в 1666 г.: крепость Тамань, которая в результате турецкой аннексии уже в течение почти 200 лет пустовала, располагала старым павильоном для цеховых собраний ремесленников²³⁹.

Помимо значительного числа людей, специализировавшихся на различных видах ремесел и купечества, социальная структура черкесских городов была отмечена появлением совершенно новых социальных групп, связанных с обеспечением международной торговли в портовых городах Черкесии. Их социальный состав был необычен для того времени: представители крупного и мелкого торгового капитала, портовые рабочие, солдаты, матросы, врачи, юристы, инженеры, учителя²⁴⁰. Г. Братиану писал, что в итальянских колониях конца XIII в. существовал режим договора о заработной плате, что лишенная многочисленных уз традиции, колониальная жизнь развивалась свободно и давала человеческим взаимоотношениям почти современный облик²⁴¹. Е.С. Зевакин и Н.А. Пенчко, исследовавшие систему социальных отношений в генуэзских колониях второй половины XV в. говорят о значительном процессе пауперизации²⁴². Очевидно, что черкесы, будучи основным населением Причерноморья и Приазовья, многочисленным – в Крыму, не могли остаться в стороне от общих процессов, протекавших здесь. Рыбные заводы на Тамани и в Копе, порты – не могли обойтись без их рабочих рук. Многие черкесы служили во флоте и в гарнизонах крепостей, получая солидное жалование, позволявшее даже вести торговые операции²⁴³. Таким образом, в период генуэзской торговли в Черкесии шло не только дальнейшее развитие феодальных отношений, но и на основе складывавшихся зачатков капиталистического хозяйства, стали формироваться и протокапиталистические отношения²⁴⁴. Судя по более поздним событиям, можно утверждать, что этот процесс коснулся и черкесских населенных пунктов в глубине страны. Несмотря на то, что в конце XV в. генуэзские фактории были уничтожены турками, процессы эволюции социальных отношений внутри Черкесии, характерные для Нового времени, которые начали зарождаться именно в период черкесо-генуэзского сотрудничества, продолжились в том же направлении, что и в странах Западной Европы. Доказательством этому служат революционные выступления в Черкесии на протяжении XVII–XVIII вв. Так, первое письменное свидетельство о массовом крестьянском движении в Черкесии относится, по крайней мере, к третьей четверти XVII в. В 1679 г. некий аноним, ссылаясь на более ранние источники, опубликовал о нем информацию в Париже²⁴⁵. В результате революционных преобразований 1791–1796 гг.²⁴⁶ в ряде субэтносов Западной Черкесии была свергнута власть князей и установлено «так называемое «народное правление», основанное на выборном начале. Основным

критерием выдвижения в представительные органы власти стали личные заслуги, а не принадлежность к классу благородных»²⁴⁷.

Наряду с черкесами, итальянцами и греками, в колониях проживали французы, поляки, татары, турки, русские, валахи, арабы. Многочисленные генуэзско-черкесские браки привели к образованию к XV в. своеобразной культурной общности, представители которой именовали себя черкесами-франками. В конфессиональном плане они были католиками, а в культурном и лингвистическом отношении ничем не отличались от черкесов²⁴⁸. На протяжении XIII–XV вв. наблюдалось сращивание черкесской и итальянской аристократий. Самый яркий пример такого династического союза – это брак единственной дочери черкесского князя Матреги /Тамани Берзибоха с сыном генуэзского аристократа Винченцо Гизольфи²⁴⁹.

Причерноморье во время расцвета здесь итальянской торговли представляло собой мир обмена не только материальными ценностями, но и ценностями культуры и идеями. В то время экономика продолжала быть встроенной во всеобъемлющую политическую и религиозную систему, которую определяли такие фундаментальные ценности, как справедливость и *caritas* (экономика милости)²⁵⁰. Доминанта общества средневековья – идеальное целеполагание – пронизывало насквозь все сферы общественной жизни. В основе всей левантской и черноморской торговли лежали нормы как римского²⁵¹, так и канонического права, немыслимого «без внутренней моральной справедливости...»²⁵². Несмотря на то, что фундаментальные ценности средневекового общества на протяжении XIV–XV вв. были «низведены на брэнную землю»²⁵³, они отложили мощный отпечаток на ментальности и на правовой культуре европейских народов, среди которых свое место занимали тогда и черкесы. Несомненно, исторический опыт этих столетий во многом способствовал утверждению в черкесской ментальности и таких идей, как идея уважения человеческой личности и демократизм.

Из всех вышеприведенных фактов может следовать только один вывод: история черкесо-генуэзского сотрудничества опровергает утвердившуюся в общественном мнении и в официальной историографии XIX в. точку зрения об органичной перманентной отсталости Черкесии во всех областях хозяйственной жизни, об отсутствии в ней городов, развитых земледелия и животноводства, промыслов и ремесел, об отсутствии в ней денежного обращения и торговли, архаичности и отсталости ее социально-политической системы на протяжении всей ее истории, об «особой» ментальности и правовой культуре ее населения.

* * *

После взятия Константинополя турками в 1453 г. турецкая угроза стала явлю для Черноморо-Средиземноморского бассейна. В 1475 г. началась аннексия причерноморских территорий Черкесии османами. Султан объявил газават, под видом которого начался грабеж богатейших черкесских городов и княжеств и уничтожение адыгского православия. После аннексии Причерноморья турками, именно венецианские и генуэзские аристократы, чьи семьи были связаны с торговлей в Северном Причерноморье, выступали послами в Россию, Персию, в Орду, пытаясь организовать отпор османской экспансии и избавить итальянские города-государства от турецкой угрозы (например, Амброджио Контарини (1474)). В XVI веке Италия, как и Черкесия, переживала сложные времена. Венеция потерпела первые серьезные поражения от турок. Генуя утратила свое морское владычество. Флоренция была ослаблена бесконечной борьбой за власть. Начался период иностранных вторжений на Апеннинский полуостров, превратившийся в арену борьбы между Испанией и Францией за сферы влияния²⁵⁴. С 60-х гг. XVI в. Черкесия

наряду с осmano-крымской угрозой сталкивается с необходимостью противостояния имперским притязаниям царя Ивана Грозного. Таким образом, на протяжении трех веков экспансионизм стал определяющим фактором жизни, как на Кавказе, так и на Апеннингах. Как и в Италии, так и в Черкесии решающие события борьбы за независимость пришлось на XIX век. Не могу здесь не упомянуть военного советника российского посольства в Константинополе итальянца по происхождению Виктора Антоновича Франкини, которому принадлежит, направленная военному министру Российской империи Милютину в 1863 г. «Записка ... о необходимости и об условиях скорейшего водворения спокойствия на Кавказе». Этот документ – один из самых потрясающих документов Кавказской войны. Франкини показал глубочайшее знание Кавказа, проанализировав сложившуюся здесь ситуацию в 1863 г. с позиций гуманистических и военно-правовых норм XIX в. Он писал Д.А. Милютину (1863), что если новый план покорения Западного Кавказа, заключавшийся в массовом выселении черкесов с Кавказа в Османскую империю будет осуществлен, то он не только изменит до основания характер Кавказа, но и «подействует самым неблагоприятным образом на блестящую будущность этого края, ибо в общем своем значении точно также, как и в мельчайших своих подробностях, изгнания туземных племен с кавказского края положительно вредны выгодам России, с какой бы точки зрения они не рассматривались»²⁵⁵.

Закончим свой экскурс, заключив, что в результате Рисорджименто²⁵⁶ 17 марта 1861 года было провозглашено Итальянское королевство и итальянская нация возродилась к новой жизни. Итогом длительной борьбы за независимость черкесской нации стало уничтожение ее государственности и всей общественной системы, аннексия ее территории и изгнание из Отчизны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лекция (дополненная) подготовлена для выступления в Риме в июле 2012 г. по случаю мероприятий в Российском центре науки и культуры в Риме (совместно с итальянским представительством Федерального агентства по гуманитарному сотрудничеству Россотрудничество) и в Центре фотографии (Италия).

2. Научный архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований при правительстве КБР и КБНЦ РАН (далее – АИГИ КБР). Ф. 1. Оп. 5. Д. 27. Л. 7. *Намитокоев А.* Происхождение черкесов. Ч. 1. Париж. 1939. Перевод с фр. Р. Морской. 1958.; АИГИ КБР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 27а. *Намитокоев А.* Происхождение черкесов. Париж. 1939. Ч. 2. Перевод с фр. К.А. Мальбахова. 1981; *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII–XV веках // Исторический вестник. Нальчик, 2007. Вып. V. С. 368–449.

3. *Мейер Э.* Труды по теории и методологии исторической науки. М., 2003. С. 71.

4. Северный Кавказ в европейской литературе XII–XVIII веков. Нальчик, 2006. С. 10.

5. *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (вопросы этнического и социально-экономического развития). М., 1971. С. 46, 56.

6. *Бгажноков Б.Х.* Кавказские дольмены: планетарные свойства и местные традиции // Археология и этнология Кавказа. Нальчик, 2012. Вып. 1. С. 41.

7. Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург.

8. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 46; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 5; Национальный музей Республики Адыгея // Официальный сайт: <http://roksalan.narod.ru/0mauseum.htm>; *Корневский С.Н.* Феномен майкопской культуры // Достояние поколений // Научно-популярный журнал. М., 2009. № 3 (7). С. 24; *Резепкин А.Д.* Новосвободненская культура (по материалам могильника Клады). СПб. 2012. Цит. по: [Электронный документ]. Проверено 28.03.2013. Получено с http://ru.wikipedia.org/wiki/Резепкин,_Алексей_Дмитриевич; Россия – родина арфы и колонн [Электронный документ]. Проверено 28.03.2013. Получено с http://www.pravda.ru/science/useful/04-07-2011/1082193-russia_invention-0/

9. Кузнецов В.А. В верховьях Большого Зеленчука. М., 1977. С. 100–105; *Бгажноков Б.Х.* Дольмены в мифологии и истории кавказских народов // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2011. С. 3–18; Племена дольменной культуры. Дольмены и их типы 17 марта 2011, Категория – Статьи. Археология в избранное. [Электронный документ]. Проверено 6.07.2012. Получено с <http://adygi.ru/index.php?newsid=4833>
10. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М., 1977. С. 28; Мифологический словарь. М., 1990.
11. *Лавров Л.И.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009. С. 206.
12. Нартский эпос и кавказское языкознание // Материалы VI Международного майкопского коллоквиума Европейского общества кавказологов. Майкоп, 1994. С. 16.
13. Консультация к.ф.н. Х.С. Братова; *Дунаевская И.М.* О структурном сходстве хатского языка с языками Северо-Западного Кавказа // Исследования по истории культуры народов Востока. М.–Л., 1960. С. 75; *Иванов В.В.* Хеттский язык. М., 1963; *Гютербок Г.Г.* Хеттская мифология // Мифология древнего мира. М., 1977. С. 461; *Айхенвальд А.Ю., Баюн Л.С., Иванов В.В.* Материалы к реконструкции культурно-исторического процесса в древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985; *Генри О.Р.* Хетты. М., 1987. С. 194. *Ноговицын А.Е.* Магия хеттов. М., 2004. С. 3; *Хотко С.Х.* Очерки истории черкесов от эпохи киммерийцев до Кавказской войны. СПб., 2001. С. 43, 44.
14. Античные источники о Северном Кавказе // Хрестоматия. Сост. В.М. Аталиков. Нальчик, 2004. С. 88.
15. *Мейер Э.* Указ. соч. С. 42.
16. Античные источники о Северном Кавказе... С. 52–53; *Мейер Э.* Указ. соч. С. 62.
17. *Мейер Э.* Указ. соч. С. 62.
18. Античные источники о Северном Кавказе... С. 84; *Еманов А.Г., Попов А.И.* Итальянская торговля на Черном море в XIII–XV вв. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1988. [Электронный документ]. Проверено 23.11.2012. Получено с http://annales.info/blacksea/small/emanov_88.htm
19. *Блаватский В.Д., Бондарь Р.Д.* Античные государства Северного Причерноморья // Археология СССР. М., 1984. С. 159.
20. *Анфимов Н.В.* Указ. соч. С. 123.
21. *Анфимов Н.В.* Указ. соч. С. 131–136.
22. Античные источники о Северном Кавказе... С. 16, 18, 20, 262, 263; *Анфимов Н.В.* Указ. соч. С. 122; *Крупнов Е.И.* Древняя история Кабарды. История и культура племен Кабардино-Пятигорья и Северо-Западного Кавказа в I тысячелетии до н.э. // Ученые записки Кабардинского НИИ. Нальчик, 1952. Т. VII. С. 62.
23. *Челеби Э.* Книга путешествия // Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века // Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. Вып. 2. С. 217.
24. Античные источники о Северном Кавказе... С. 88.
25. *Анфимов Н.В.* Указ. соч. С. 91.
26. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в... С. 77.
27. Античные источники о Северном Кавказе С. 88.
28. Античные источники о Северном Кавказе... С. 88, 89, 277.
29. *Бгажноков Б.Х.* Древняя религиозная система адыгов // Исторический вестник. Нальчик, 2008. Вып. VI. С. 317; *Ханаху Р.А.* От истоков к мировой религии. Природа слова «Тхъэ» // Мир культуры адыгов. [Электронный документ]. 21.01.2009 10:51. Проверено 11.12.2011. Получено с <http://www.aheku.org/page-id-955.html>; Религия страны адыгов // [Электронный документ]. 5.11.2011. Проверено 11.12.2011. Получено с <http://adigasite.com/archives/4505->
30. Труды В.Г. Василевского. СПб., 1909. Вып. 1. Т. 2. С. 225, 226, 227, 266, 268; *Макарий (Булгаков)* митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. 1. М., 1994. С. 109–112; Античные источники о Северном Кавказе... С. 208.
31. *Макарий (Булгаков)* митрополит Московский и Коломенский. Указ. соч. С. 129; *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения // Под ред. Г.Л. Курбатова. Л., 1991. С. 95, 97.

32. *Макарий (Булгаков)* митрополит Московский и Коломенский. Указ. соч. С. 113.
33. Античные источники о Северном Кавказе ... С. 211.
34. *Лавров Л.И.* Указ. соч. С. 91; *Бетровов Р.Ж.* Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в древности // Истоки региональных культур России. СПб., 2000. С. 25.
35. *Гадло А.В.* Об одном средневековом наименовании адыгов // Краткое содержание докладов среднеазиатских чтений. Апрель 1985 г. // Под ред. В.П. Курьлева. Л., 1986. С. 10–11; *Озова Ф.А.* К вопросу происхождения княжеской династии Черкесии // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2012. Вып. 1. С. 140.
36. *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности // Труды славянской комиссии АН СССР. Л., 1930. С. 30; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.... С. 137; *Гадло А.В.* Тмутараканские этюды. II. (Держава князя Инала и его потомков) // Исторический вестник. Вып. II. Нальчик, 2005. С. 450–454; *Он же.* Князь Инал адыго-кабардинских родословных // Из истории феодальной России // Статьи и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина. Л., 1978. С. 30.
37. *Проконий Кесарийский.* Война с готами. О постройках. М.: Арктос, 1996. [Электронный документ]. Проверено 20.12.2011. Получено с http://apsnyteka.narod2.ru/p/voina_s_gotami/kniga_iv_/index.html; *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси // Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004. С. 207.
38. *Воронов Ю.Н.* Западный Кавказ в эпоху Юстиниана (527–565 гг.) // XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, 1984. С. 24, 25.
39. *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. В 2-х тт. Т. 1. Майкоп, 2006. С. 119.
40. Сочинский музей краеведения.
41. *Ворошилов В.И.* История убыхов // Очерки по истории и этнографии Большого Сочи с древнейших времен до середины XIX века. Майкоп, 2006. С. 31.
42. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа. X–XIII вв. СПб., 1994. С. 38, 73.
43. *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси. СПб., 2004. С. 219; *Он же.* Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. III. С. 447.
44. *Воронов Ю.Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1970. С. 103.
45. *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 167.
46. *Андреев А.Р.* История Крыма. Краткое описание прошлого Крымского полуострова. М., 1997. С. 18. [Электронный документ]. Проверено 20.06.2011. Получено с lib.ru/histori|Andreev_A_R|krim_histori/txt
47. Коновалова И.Г. указала на ошибку, допущенную во французском переводе сочинения ал-Идриси: «К сожалению, весьма распространенное в литературе утверждение о том, что в сочинении ал-Идриси упоминаются правящие Тмутараканью князья из «династии Олуабас», является результатом недоразумения, возникшего вследствие того, что Б.А. Рыбаков опирался не на арабский текст «Нузхат ал-муштак», а на его французский перевод, в котором переводчик допустил в данном случае ошибку. Выражение улу ба'с шадид, начало которого П.А. Жобер принял за название династии, на самом деле является сказуемым именного предложения, где в качестве подлежащего выступает слово «владыки» (мулук), а предложение в целом буквально означает: «Его (города. – И.К.) владыки – обладатели силы, мужества, благоразумия и решительности». Ошибка П.А. Жобера была исправлена Б. Недковым, давшим верный болгарский перевод отрывка еще в 1960 г., однако даже те, кто ссылается на издание Б. Недкова, продолжают и по сей день пользоваться неправильным переводом П.А. Жобера и Б.А. Рыбакова». (Коновалова И.Г. Указ. соч. С. 169). На основе этой ошибки Б.А. Рыбаков сделал вывод о княжении в Таматархе / Тмутаракани русских князей из династии Ольговичей; М.С. Тхайцухов – абазинских князей Лоовых, а А.П. Новосельцев, В.Т. Пашуто и А.Л. Папаскир – абхазских или абхазо-абазинских князей. (Коновалова И.Г. Указ. соч. С. 169; Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. М., 1967. № 3. С. 107; Папаскир А.Л. Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии. Сухум, 2005. С. 152; Тхайцухов М.С. Абазинское зарубежье. Черкесск, 2003. С. 7).
48. Коновалова И.Г. Указ. соч. С. 167–170.
49. История Византии. В 3-х тт. М., 1967. Т. 2. С. 351, 352; Мавродин В.В. Тмутаракань // Вопросы истории. 1980. № 11. С. 181; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа... С. 102, 107, 114, 119, 120.

50. *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 65.
51. *Брун Ф.К.* Материалы для истории Сугдеи // Перепечатано из Новороссийского календаря на 1872 год. Б/м. Б/г. С. 12; *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды // Краткий исторический очерк. Киев, 1906. С. 81; *Насонов А.Н.* Тмуторакань в истории Восточной Европы // Исторические записки. М., 1940. Т. 6. С. 97; *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII–XV веках // Исторический вестник. Нальчик, 2007. Вып. V. С. 377; *Еманов А.Г.* К вопросу о ранней итальянской колонизации Крыма // Византия и ее провинции. Свердловск, 1982. С. 63–65.
52. *Озова Ф.А.* Указ. соч. С. 150; *Брун Ф.К.* Указ. соч. С. 13.
53. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа. X–XIII вв. ... С. 124.
54. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев // Вступительная статья и подготовка текста Т.Х. Кумыкова. Нальчик, 1994. С. 94; *Озова Ф.А.* Указ. соч. С. 148.
55. Возникновение этого топонима соответствовало как тюркской традиции, благодаря которой он был впервые зафиксирован, так и системе образования черкесских топонимов, наблюдавшейся на протяжении Позднего Средневековья и Нового времени. Так, например в ту же эпоху возникли такие топонимы и этнонимы как Авария и авары, Ногай и ногаи, Узбекистан и узбеки – соответственно от царя Сарира Авара, от ханов Ногая и Узбека. В более позднее время эту же традицию мы продолжаем наблюдать и в Черкесии – все княжеские уделы, за редким исключением, носили имена своих владетелей – КИэмыргу-ей, Къэбэрд-ей, Беслен-ей и т.д.
56. *Козин С.А.* Сокровенное сказание // Монгольская хроника 1240 г. под названием «Монгольский обыденный изборник». М.–Л., 1941. Т. 1. С. 188, 189.
57. Северный Кавказ в европейской литературе XII–XVIII веков... С. 9; АИГИ КБР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 27. Л. 133, 134. *Намитоков А.* Происхождение черкесов. Париж. 1939. Ч. 1. Перевод с фр. Р. Морской, 1958; *Аталиков В.М.* Северный Кавказ в XIII–XV вв. // Живая старина. № 3. Нальчик, 1993. С. 25.
58. *Рашид-Эддин.* История монголов. Сборник летописей. История Чингис-хана от восшествия его на престол до кончины // Труды Восточного отделения русского археологического общества. Ч. 15 // Русский перевод И.Н. Березина. СПб., 1888. С. 172.
59. АИГИ КБР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 27. Л. 133, 134. *Намитоков А.* Происхождение черкесов. Париж. 1939. Ч. 1. Перевод с фр. Р. Морской. 1958.
60. Северный Кавказ в европейской литературе XII–XVIII веков... С. 17, 20, 30; *Аталиков В.М.* Северный Кавказ в XIII–XV вв. // Живая старина. № 3. Нальчик, 1993. С. 25, 26.
61. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (далее – АБКИЕА) // Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 46.
62. *Рашид Ад-Дин.* Сборник летописей. В 2-х тт. // Пер. с перс. А.А. Хетагуровой и О.И. Смирновой. М.–Л., Т. 2. 1960. С. 39; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в... С. 193; *Озова Ф.А.* Указ. соч. С. 148.
63. *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. 1 СПб., 1884. С. 231.
64. *Коновалова И.Г.* Тмуторакань в XII–XIV вв. (по данным арабских источников) // Контактные зоны в истории Восточной Европы: Перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995. С. 66, 67. Цит. по: *Васильев А.* Черкесы и государство Феодоро [Электронный документ]. Проверено 13.11.2012. Получено с <http://graal.org.ua/ru/2009-06-04-15-08-45/2012-03-18-09-22-14/98-chircassia-crimea>
65. *Лавров Л.И.* Указ.соч. С. 29; *Хотко С.Х.* История Черкесии в средние века и в Новое время. СПб., 2001. С. 165; Черкесия в картах. Краснодар, 2–11. С. 6.
66. *Леваишова В.П.* Белореченские курганы // Труды Государственного Исторического музея. М., 1953. Вып. XXII; *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево–Черкесии...; *Ловпаче. Н.Г.* Этническая история Западной Черкесии (с VI тысячелетия до н.э. по XIX в.). Майкоп, 1997; *Нагоев А.Х.* Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000. С. 25–35.
67. Адыгэбзэ псалъалъэ // Словарь кабардино-черкесского языка. М., 1999.
68. Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков... С. 19.
69. *Мурузакевич Н.* История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837. С. 2. Самой цветущей порой генуэзской торговли на Черном море следует считать 117-летний

период – от восстановления Византийской империи (1261) до начала войны с Венецией (1378). (Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний... С. 375, 376).

70. Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги // Очерк исторической антропологии. СПб., 2010. С. 43, 44.

71. Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги... С. 31.

72. См.: Еманов А.Г. Развитие торговых связей Кафы в XIII–XV веках // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989. С. 22–24.

73. Фелицын Е.Д. Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. Т. 5. С. 25–27; Черкесия в картах... С. 10–30.

74. Фелицын Е.Д. Указ. соч. С. 3–27; Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки истории генуэзских колоний... С. 368–447. Первая публикация: Исторические записки. М., 1938. С. 72–129; Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV веке // Исторические записки. М., 1940. С. 3–33; Поркиеван Х.А. К вопросу о пребывании адыгов в Крыму и об их взаимоотношениях с народами Крыма в эпоху средневековья // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик. 1957. С. 335–390.

75. Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII вв. С. 60.

76. Султан Адиль-Гирей. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии // Военный сборник. 1860. № 11. С. 289.

77. Королюк В.Д. О так называемой «контактной» зоне в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972. С. 31–46; Арутюнова-Фиданян В.А. Армения и Византия в VII в.: синтезная контактная зона // Византийский временник. М., 2002. Т. 61. С. 58, 59.

78. Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков... С. 14; Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки истории генуэзских колоний ... С. 403; Мурзакевич Н. История генуэзских поселений в Крыму... С. 58.

79. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки истории генуэзских колоний ... С. 371, 372.

80. Еманов А.Г., Попов А.И. Итальянская торговля на Черном море в XIII–XV вв. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1988 г. [Электронный документ]. Проверено 23.11.2012. Получено с http://Annales.info/blacksea/small/emanov_88.htm

81. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки истории генуэзских колоний... С. 399; Жак Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 203.

82. Мурзакевич Н. Указ. соч. С. 24.

83. Там же. С. 10.

84. Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990. С. 36.

85. Сили Дж.Р., Крэмб Дж.А. Британская империя. М., 2004. С. 50.

86. Дживилегов А.К. Торговля на Западе в средние века. СПб., 1904. С. 64.

87. Bratiani G. Recherches sur le commerce geneois dans la Mer Noitre au XIII siecle. Paris, 1929. Цит. по: Пенчко Н.А. Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе ... С. 415, 416.

88. Мурзакевич Н. История генуэзских поселений в Крыму... С. 5.

89. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки истории генуэзских колоний ... С. 415–435; Они же. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях... С. 3–33; Еманов А.Г. К вопросу о ранней итальянской колонизации Крыма... С. 63–65;

90. Еманов А.Г., Попов А.И. Итальянская торговля на Черном море в XIII–XV вв. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1988. [Электронный документ]. Проверено 23.11.2012. Получено с http://Annales.info/blacksea/small/emanov_88.htm

91. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях... С. 13.

92. Секирский С.А., Секирский Д.С. Феодалные владения генуэзцев в Восточном Крыму во 2-й половине XV в. // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989. С. 15; Зевакин Е.С. Пенчко Н.А. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях... С. 13.

93. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Указ. соч. С. 6.
94. *Мурзакевич Н.* Указ. соч. С. 11, 13, 22, 23, 58; *Фелицын Е.Д.* Указ. соч. С. 10.
95. *Некрасов А.М.* Указ. соч. С. 40.
96. *Хотко С.Х.* Указ. соч. С. 165.
97. *Фелицын Е.Д.* Указ. соч. С. 15.
98. *Карпов С.П.* Указ. соч. С. 4.
99. *Акритас П.Г.* Древний торговый путь от Черного моря к Каспийскому по горам Центрального Кавказа // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Т. XVI. Нальчик, 1959. С. 199, 201–219; *Ловпаче Н.Г.* Указ. соч. С. 134; *Поркшиеян Х.А.* Указ. соч. С. 359; *Аствацатурян Э.Г.* Оружие народов Кавказа. История оружия. М.– Нальчик, 1995. С. 20; *Хотко С.Х.* Указ. соч. С. 163.
100. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Из истории социальных отношений в генуэзских колониях... С. 4.
101. *Фелицын Е.Д.* Указ. соч. С. 6.
102. *Фелицын Е.Д.* Указ. соч. С. 21; *Лавров Л.И.* Указ. соч. С. 29.
103. *Фелицын Е.Д.* Указ. соч. С. 26; *Ловпаче Н.Г.* Указ. соч. С. 134, 135.
104. *Еманов А.Г., Попов А.И.* Итальянская торговля на Черном море в XIII–XV вв. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1988. [Электронный документ]. Проверено 23.11.2012. Получено с http://Annales.info/blacksea/small/emanov_88.htm
105. *Брун Ф.К.* О поселениях итальянских в Газарии // Топографические и исторические заметки. М., 1872. С. 21; *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе... С. 378, 379; *Они же.* Из истории социальных отношений в генуэзских колониях... С. 6.
106. *Фелицын Е.Д.* Указ. соч. С. 23; *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе ... С. 404; *Они же.* Из истории социальных отношений в генуэзских колониях... С. 18.
107. *Еманов А.Г., Попов А.И.* Итальянская торговля на Черном море в XIII–XV вв. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1988. [Электронный документ]. Проверено 23.11.2012. Получено с http://Annales.info/blacksea/small/emanov_88.htm
108. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе ... С. 380, 381, 382, 400–402, 405.
109. *Ле Гофф Ж.* Средневековье и деньги... С. 72.
110. *Фелицын Е.Д.* Указ. соч. С. 21; *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе... С. 401, 409, 415, 421.
111. *Карпов С.П.* Указ. соч. С. 314.
112. *Ле Гофф Ж.* Средневековье и деньги ... С. 113, 114.
113. В данном случае, как и в случае с наследованием де Гвизольфи Матреги, фигурирует женщина – жена владетеля Мапы и Копы, что абсолютно не характерно для прав собственности и для порядка принятия решений, закрепленных в Адыгэ Хабзэ и существовавших в Черкесии в более поздний период.
114. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе... С. 416.
115. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе... С. 384.
116. Berzebuch (1462) или Berzeboch – муж Борунды и отец Cambelat'a (1471). В 1446 г. к владельцам Копы причисляется Usdemoroch Dominus Jeticorum'a. (*Фелицын Е.Д.* Указ. соч. С. 16, 17).
117. Из этого документа следует, во-первых, что правитель Зихии Петрезок и князь Копы Бельзебок – не одно лицо. Ф.К. Брун, Е.С. Зевакин и Н.А. Пенчко признавали одно лицо в князе Копы Парсабоке (Копарио – Бельзебок) и в князе Мапы Берзебохе (*Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе... С. 382, 383, 416, 417). Здесь возникает закономерный вопрос о месторасположении княжеского удела великого князя Зихии Петрозока. Как известно, Матрега в результате династического брака дочери владетеля Матреги Берзехуха и итальянского аристократа из рода де Гизольфи в 1419 г. перешла во владение де Гизольфи, а затем в 1446 г. была унаследована

их сыном Заккарием де Гизольфи. В 1457 г. черкесский князь Кадибельди с зихами заняли Матрегу. Но это восстание было подавлено и замок возвращен де Гизольфи. Кстати, вся непонятная для нас история с претензиями на Матрегу неких черкесских родственников Заккарии можно объяснить именно с позиции наличия в Черкесии власти великого князя, которому по Адыгэ Хабзэ должен был подчиняться и князь Матреги. Захват Матреги в 1457 г. можно объяснить тем, что генуэзцы, используя Заккария де Гизольфи, пытались вывести Матрегу из-под юрисдикции великого князя-государя Черкесии. (*Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе ... С. 409; *Дзуганов Т.А.* Род де Гизольфи в истории северо-западных адыгов // Исторический вестник. Нальчик, 2009. Вып. VIII. С. 375–377).

118. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. ... С. 144, 145, 156.

119. *Катанчиев Т.М.* Адыгэ Хабзэ как обычное кабардинское право. Нальчик, 2001. С. 99, 105.

120. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе... С. 421.

121. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Там же. С. 382, 408, 409.

122. *Акритас П.Г.* Указ. соч. С. 200; *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе... С. 389.

123. *Хотко С.Х.* Указ. соч. С. 167.

124. *Ле Гофф Ж.* Средневековье и деньги ... С. 13.

125. *Лавров Л.И.* Избранные труды... С. 95; *Алексеева Е.П.* Археологические памятники Карачаево-Черкесии как исторический источник. (Некоторые аспекты проблемы) // Вопросы древней и средневековой археологии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1990. С. 27; *Давыденко Г.Г., Березина (Маслова) Е.А.* Арабоязычные монетные находки на территории Кубани // Тринадцатые чтения по археологии средней Кубани. Армавир, 2006. С. 34, 35.

126. *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси... С. 202, 203.

127. *Дживелегов А.К.* Средневековые города в Западной Европе. СПб., 1902. С. 20; *Левашова В.П.* Указ. соч. С. 210. *Еманов А.Г.* Развитие торговых связей Кафы в XIII–XV веках... С. 212.

128. *Ле Гофф Ж.* Средневековье и деньги ... С. 53.

129. *Ле Гофф Ж.* Указ. соч. С. 61.

130. *Фелицын Е.Д.* Указ. соч. С. 23.

131. Северный Кавказ в европейской литературе XII–XVIII веков ... С. 14, 13; *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции // Источниковедческое исследование. СПб., 2002. С. 16, 17; *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе... С. 397; *Поркшиеян Х.А.* Указ. соч. С. 356; *Хан Н.А.* Франческо Пегелотти о денежном обращении Таны // Доклад (поправленный) для конференции, посвященной памяти крупного археолога и нумизмата Г.А. Фёдорова-Давыдова – [Электронный документ]. Проверено 15.07.2012. Получено с <http://nkhan.ru/2011/franchesko-pegolotti-o-denezhnom-obrawenii-tany/> *Дзуганов Т.* К вопросу о роли денег в хозяйственно-экономической жизни Черкесии в XIII–XV вв. – [Электронный документ]. Проверено 15.07.2012. Получено с <http://caucasushistory.com/index.php?act=news&id=650&PHPSESSID=6c09e61d940ffe0f7d6a8d4979a38465>

132. *Фелицын Е.Д.* Указ. соч. С. 23.

133. Северный Кавказ в европейской литературе XII–XVIII веков ... С. 14, 13; *Хан Н.А.* Франческо Пегелотти о денежном обращении Таны // Доклад (поправленный) для конференции, посвященной памяти крупного археолога и нумизмата Г.А. Фёдорова-Давыдова – [Электронный документ]. Проверено 15.07.2012. Получено с <http://nkhan.ru/2011/franchesko-pegolotti-o-denezhnom-obrawenii-tany/>

134. *Карнов С.П.* Указ. соч. С. 156.

135. Щхьэ – буквально переводится как «голова». «...По введенному в Черкесии обыновению принято за правило при платеже за кровь, равно и за жену, считать плату головами, некоторым образом, как бы говорилось штуками; однако ж эти головы разделяются на степени, например, первостатейная, простая и проч. Голова первостатейная стоит по самой высокой цене 4 души молодых людей обоего пола, простая – по самой высокой цене –

4 штуки рогатого скота средних достоинств». (*Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 214).

136. *Жак Ле Гофф*. Цивилизация средневекового Запада... С. 232.
137. *Левашова В.П.* Указ. соч. С. 211.
138. *Еманов А.Г.* Развитие торговых связей Кафы в XIII–XV веках... С. 17, 22.
139. *Еманов А.Г., Попов А.И.* Итальянская торговля на Черном море в XIII–XV вв. // *Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века*. Ростов-на-Дону, 1988 г. [Электронный документ]. Проверено 23.11.2012. Получено с http://Annales.info/blacksea/small/emanov_88.htm
140. *Еманов А.Г.* Развитие торговых связей Кафы в XIII–XV... С. 22.
141. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе... С. 378, 390–396; *Хутыз К.К.* Охота у адыгов. Майкоп, 2001. С. 64; Северный Кавказ в европейской литературе XII–XVIII веков... С. 14, 13; *Челеби Э.* Книга путешествия... С. 26.
142. *Ле Гофф Ж.* Средневековье и деньги... С. 27.
143. *Еманов А.Г., Попов А.И.* Итальянская торговля на Черном море в XIII–XV вв. // *Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века*. Ростов-на-Дону, 1988. [Электронный документ]. Проверено 23.11.2012. Получено с http://Annales.info/blacksea/small/emanov_88.htm
144. *Карпов С.П.* Указ. соч. С. 166.
145. Северный Кавказ в европейской литературе XII–XVIII веков... С. 27.
146. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе ... С. 391, 392.
147. *Карпов С.П.* Указ. соч. С. 168.
148. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе ... С. 395; *Карпов С.П.* Указ. соч. С. 145; *Хотко С.Х.* Указ. соч. С. 172, 173.
149. *Мурзакевич Н.* Указ. соч. С. 38.
150. *Еманов А.Г., Попов А.И.* Итальянская торговля на Черном море в XIII–XV вв. // *Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века*. Ростов-на-Дону, 1988. [Электронный документ]. Проверено 23.11.2012. Получено с http://Annales.info/blacksea/small/emanov_88.htm
151. *Мурзакевич Н.* Указ. соч. С. 38.
152. Северный Кавказ в европейской литературе XII–XVIII веков... С. 13, 14.
153. *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии... С. 111; *История народов Северного Кавказа*... С. 158; *Гутнов Ф.Х.* Факторы социальной эволюции средневековых обществ Северного Кавказа // *Кавказский сборник*. М., 2006. Т. 1 (33). С. 19.
154. *Кузнецов В.А.* Забытый Кремух // *Сборник Русского исторического общества*. Т. 4 (152). М., 2002. С. 206–216; *Он же.* Адыгское феодальное владение Кремух // *Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа // Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (12–15 апреля 2001 г.)*. Ставрополь, 2001. <http://Annales.info/life/5minaev/5minaev.htm#47>
155. *Алексеева Е.П.* Очерки истории черкесов в XIV–XV вв. // *Труды карачаево-черкесского НИИ*. Черкесск, 1959. Вып. III. С. 43, 44.
156. *Ле Гофф Ж.* Средневековье и деньги... С. 44, 64.
157. Например: *Нагоев А.Х.* Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000. С. 107–120.
158. *Калинин П.И.* К вопросу о происхождении и формировании кабардинской породы лошадей // *Ученые записки Кабардинского НИИ*. Нальчик, 1954. Т. IX. С. 166–182; *Крупнов Е.И.* Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик, 1947. С. 38. Цит. по: *Кумыков Т.Х.* О прогрессивном значении добровольного присоединения Кабарды к России // *Сборник статей по истории Кабарды*. Нальчик, 1955. Вып. IV. С. 26; *Нагоев А.Х.* Указ. соч. С. 112–116.
159. *Нагоев А.Х.* Указ. соч. С. 117.
160. *Блаватский В.Д., Бондарь Р.Д.* Указ. соч. С. 158.
161. *История народов Северного Кавказа*... С. 158, 159; Северный Кавказ в европейской литературе XII–XVIII веков... С. 13, 14; *Поркшиеян Х.А.* Указ. соч. С. 357.
162. Античные источники о Северном Кавказе... С. 78; Северный Кавказ в европейской литературе XII–XVIII веков ... С. 35.

163. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе... С. 379, 380, 382; *Поркшиеян Х.А.* Указ. соч. С. 346, 357; *Карпов С.П.* Указ. соч. С. 150.
164. *Еманов А.Г., Попов А.И.* Итальянская торговля на Черном море в XIII–XV вв. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1988. [Электронный документ]. Проверено 23.11.2012. Получено с http://annales.info/blacksea/small/emanov_88.htm
165. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе ... С. 378, 390–396; *Хутыз К.К.* Охота у адыгов. Майкоп, 2001. С. 64; Северный Кавказ в европейской литературе XII–XVIII веков ... С. 14, 13; *Челеби Э.* Указ. соч. С. 26; *Нагоев А.Х.* Указ. соч. С. 122.
166. *Лавров Л.И.* Избранные труды... С. 94; *Левашова В.П.* Указ. соч. С. 210; *Аствацатурян Э.Г.* Указ. соч. С. 211; *Нагоев А.Х.* Указ. соч. С. 122–136.
167. *Ле Гофф Ж.* Средневековье и деньги ... С. 28.
168. *Дживилегов А.К.* Торговля на Западе в средние века... С. 67.
169. *Анфимов Н.В.* Указ. соч. С. 96; *Кореновский С.Н.* Указ. соч. С. 22.
170. Вид высококачественного и дорогого полотна, изготовлявшийся в г. Дабике (Египет).
171. Мас'уди о Кавказе // *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента X–XI веков. М., 1963. С. 206.
172. С первых веков нашей эры число меотов проживавших в городах было так велико, что они, усваивая греческую культуру, и сами подвергали греков влиянию своей культуры. Так, считается, что сапоги и штаны греки переняли от адыгов. (*Поркшиеян Х.А.* Указ. соч. С. 343). Экспорт кавказской одежды имел наибольшие масштабы в XVII в, когда она стала особенно модной во многих странах восточной Европы. (*Барановский Б.* Кавказ и Польша // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 254.
173. Северный Кавказ в европейской литературе XII–XVIII веков ... С. 13.
174. Золотое шитье адыгов (черкесов). Майкоп, 1998. С. 9.
175. *Азаматова М-К.З.* Адыгейский народный орнамент. Майкоп, 1960. С. 1; *Студенецкая Е.Н.* Украшение одежды у кабардинцев (XIX–XX вв.) // Ученые записки КНИИ. Нальчик, 1950. Т. 5. С. 175.
176. АКБИЕА. С. 335; Северный Кавказ в европейской литературе XII–XVIII веков ... С. 34.
177. *Озова Ф.А.* Влияние социальной организации черкесского общества на развитие национального костюма // Народы Северного Кавказа и Россия (к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии с Россией) // Материалы Всероссийской научной конференции 18–21 октября 2007 г. Нальчик, 2007. С. 88–91.
178. *Студенецкая Е.Н.* Указ. соч. С. 163–193
179. Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. Т. 1. С. 108–109.
180. *Еманов А.Г.* Развитие торговых связей Кафы в XIII–XV веках... С. 19.
181. *Поркшиеян Х.А.* Указ. соч. С. 364.
182. *Карпов С.П.* Указ. соч. С. 110.
183. *Еманов А.Г.* Развитие торговых связей Кафы в XIII–XV веках... С. 17, 18, 19.
184. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе ... С. 396; *Поркшиеян Х.А.* Указ. соч. С. 347, 355; Очерки истории Адыгеи... С. 108, 109; *Левашова В.П.* Указ. соч. С. 210; *Аствацатурян Э.Г.* Указ. соч. С. 20.
185. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе ... С. 396; *Поркшиеян Х.А.* Указ. соч. С. 347, 355; Очерки истории Адыгеи... С. 109; *Левашова В.П.* Указ. соч. С. 210. *Еманов А.Г.* Развитие торговых связей Кафы в XIII–XV веках... С. 20, 21.
186. *Лавров Л.И.* Избранные труды... С. 93.
187. История народов Северного Кавказа... С. 159; *Поркшиеян Х.А.* Указ. соч. С. 356; *Аствацатурян Э.Г.* Указ. соч. С. 20, 21.
188. *Ловпаче Н.Г.* Указ. соч. С. 138, 139.
189. *Еманов А.Г.* Развитие торговых связей Кафы в XIII–XV веках ... С. 19, 20.
190. *Мурзакевич Н.* Указ. соч. С. 38; *Левашова В.П.* Указ. соч. С. 172, 173.
191. *Карпов С.П.* Указ. соч. С. 168.

192. *Карпов С.П.* Когда и как возникла Тана? (О происхождении итальянской фактории на византийской окраине) // Византийский временник. М., 1997. Т. 57. С. 5, 14.
193. *Еманов А.Г.* Развитие торговых связей Кафы в XIII–XV веках ... С. 20.
194. *Еманов А.Г., Попов А.И.* Итальянская торговля на Черном море в XIII–XV вв. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1988 г. [Электронный документ]. Проверено 23.11.2012. Получено с http://Annales.info/blacksea/small/emanov_88.htm
195. *Дживилегов А.К.* Указ. соч. С. 65.
196. *Еманов А.Г., Попов А.И.* Указ. соч.
197. *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. // Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 234.
198. История народов Северного Кавказа... С. 77, 156, 163.
199. *Алексеева Е.П.* Очерки истории черкесов в XIV–XV вв... С. 46.
200. Многочисленные попытки анализа этого названия через монгольский и тюркский языки отслежена А.В. Гадло. (*Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси. СПб., 2004. С. 167, 168 (прим. №29).
201. *Ган К.Ф.* Указ. соч. С.133, 134. В пользу черкесского происхождения этого наименования говорит, на наш взгляд, и то, что это название охватывает не только город, но и саму местность – Таманский полуостров. Местность с таким же название существовала и в восточной Черкесии, в Прикаспии в низовьях реки Терек. Она была транслитерирована в русский язык как Тюмень.
202. *Короленко П.П.* Синдия (к истории Кубанского края) // Кубанский сборник. Т. 14, 1909. С. 245.
203. *Челеби Э.* Указ. соч. С. 26.
204. *Челеби Э.* Указ. соч. С. 51.
205. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе ... С. 377, 378.
206. *Поркшиеян Х.А.* Указ. соч. С. 356.
207. *Фелицын Е.Д.* Указ. соч. С.18, 19; *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе... С. 379. 380.
208. *Фелицын Е.Д.* Указ. соч. С.18, 19; *Поркшиеян Х.А.* Указ. соч. С. 357; *Еманов А.Г.* Развитие торговых связей Кафы в XIII–XV веках ... С. 19.
209. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе... С. 379, 380.
210. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе... С. 379, 380, 382, 396; Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков... С. 14; *Поркшиеян Х.А.* Указ. соч. С. 346, 357.
211. *Алексеева Е.П.* Очерки истории черкесов в XIV–XV вв... С. 47.
212. *Фелицын Е.Д.* Указ. соч. С. 23.
213. *Челеби Э.* Указ. соч. С. 217.
214. *Ган К.Ф.* Указ. соч. С. 10.
215. Античные источники о Северном Кавказе... С. 88.
216. *Челеби Э.* Указ. соч. С. 26, 217, 218 (примечания и комментарии Григорьева А.П., Желякова А.Д.).
217. *Поркшиеян Х.А.* Указ. соч. С. 359.
218. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе ... С. 383.
219. *Поркшиеян Х.А.* Указ. соч. С.359.
220. Черкесия в картах... С. 18.
221. *Де Монпере Ф.Д.* Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Нальчик, 2002. С. 91; Черкесия в картах... С. 18.
222. Черкесия в картах... С. 18.
223. *Мурзакевич Н.* Указ. соч. С. 2–5, 56, 57; *Карпов С.П.* Когда и как возникла Тана?... С. 14.
224. *Брун Ф.К.* Указ. соч. С. 20.
225. *Карпов С.П.* Когда и как возникла Тана?... С. 5, 14.
226. Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков... С. 27; *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе... С. 384.

227. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века... С. 23, 48–50; Картов С.П. Когда и как возникла Тана?... С. 15–18.
228. Алексеева Е.П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии ... С. 12, 18, 23, 24.
229. Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков... С. 118; Монгайт А.Л. Некоторые средневековые археологические памятники Северо-западного Кавказа // Советская археология. XXIII. 1955. Цит. по: Ловпаче. Н.Г. Указ. соч. С. 126, 135.
230. Челеби Э. Указ. соч. С. 78; Ловпаче. Н.Г. Указ. соч. С. 142.
231. Кузнецов В.А. Забытый Кремух ... С. 215.
232. Алексеева Е.П. Очерки истории черкесов в XIV–XV вв... С. 47, 48, 49, 59; Она же. Археологические памятники Карачаево-Черкесии как исторический источник... С. 24.
233. Алексеева Е.П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии ... С. 12, 18, 23, 24.
234. Еманов А.Г. Развитие торговых связей Кафы в XIII–XV веках ... С. 17.
235. Мас'уди о Кавказе // Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI веков. М, 1963. С. 206. Худуд-ал-алем // Рукопись Туманского. Введение и указатель В. Бартольда, Л., 1930. С. 31; Лавров Л.И. Указ. соч. С. 95.
236. Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги... С. 96, 107–110.
237. Предоставлял купцам 4 возможности: 1) способ оплаты торговой операции; 2) способ передачи фондов в место, где используется другая монета; 3) источник кредита; 4) финансовую прибыль за счет игры на различиях и колебаниях обмена в разных местах. – (Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги... С. 96, 97, 98, 128, 130).
238. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе... С. 413, 414; Поркишеян Х.А. К вопросу о пребывании адыгов в Крыму ... С. 356; Ловпаче. Н.Г. Указ. соч. С. 150; Дзуганов Т. К вопросу о роли денег в хозяйственно-экономической жизни Черкесии в XIII–XV вв. – [Электронный документ]. Проверено 15.07.2012. Получено с <http://caucasushistory.com/index.php?act=news&id=650&PHPSESSID=6c09e61d940ffe0f7d6a8d4979a38465>
239. Челеби Э. Указ. соч. С. 43.
240. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе ... С. 432.
241. Цит. по: Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе... С. 405.
242. Там же. С. 14.
243. Поркишеян Х.А. Указ. соч. С. 362.; Хотко С.Х. Указ. соч. С. 166.
244. Нарожный Е.И. Северный Кавказ: этапы исторического развития. Армавир, 2000. С. 19.
245. Очерки истории Адыгеи... С. 190.
246. Аутлев П.Г. К вопросу о дате Бзюнокской битвы // Ученые записки Адыгейского НИИ языка и литературы. Майкоп, 1971. С. 386–396.
247. Кажаров В.Х. Адыгская Хаса. Нальчик, 1992. С. 122.
248. Хотко С.Х. Указ. соч. С. 176.
249. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе ... С. 409; Поркишеян Х.А. Указ. соч. С. 354; Лавров Л.И. Избранные труды... С. 190; Дзуганов Т.А. Род де Гизольфи в истории северо-западных адыгов // Исторический вестник. Нальчик, 2009. Вып. VIII. С. 375–377.
250. Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги ... С. 120.
251. Картов С.П. Указ. соч. С. 178–199, 209.
252. Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги ... С. 9; Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., доп. М., 1984. С. 231.
253. Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги... С. 92.
254. Зонова Т.В. Россия и Италия: история дипломатических отношений. Учебное пособие. М., 1998. Ч. I. [Электронный документ]. Проверено 15.07.2012. Получено с <http://www.mgimo.ru/files/34352/rus-it.pdf>
255. Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX века. Нальчик, 2000. С. 100.
256. Рисорджименто – национально-освободительное движение против иноземного господства, за объединение раздробленной Италии.

**ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ АДЫГАГЭ И АПСУАРА:
УНИВЕРСАЛИИ И СПЕЦИФИКА**

При изучении этнографии того или иного народа отдельное внимание обращают на себя те элементы его культуры, которые сам этнос полагает решающими при определении его своеобразия, т.е. максимально насыщенные этнодифференцирующими функциями. А таковые функции изначально должны быть присущи некоторым культурным явлениям. Причем, как правило, на их состав влияют обстоятельства исторического ландшафта, в рамках которого существует этнос: например, в иноверном окружении одним из доминирующих признаков при сходности остальных будет религия¹, в иноязычном – язык² и т.д. При изменении условий (например, массовой миграции, или возникновении рядом родственного по многим «параметрам» соседа) номенклатура этнических маркеров может измениться. Стабильность же определителя, его практическая независимость от окружающих условий, придает ему дополнительную весомость и заставляет смотреть на него как на главный (если не единственный) признак, формирующий общность.

В связи со сказанным при изучении культуры адыгской общности и ее нагрузки этнического маркера нельзя не обратить внимания на этический и обычно-правовой комплекс «адыгагэ» – «адыгство».

Само определение этого явления через эндоэтноним, особенно учитывая, что одновременно существует абхазская система «апсуара» – «абхазство» с такими же функциями, создает соблазн увидеть исключительную этническую специфику не только в содержании, но и в самом наличии подобных явлений: «Именно правовое поле адыгэ хабз идентифицировало все адыгское население. В адыго-абхазском мире функционировали два культурно-правовых поля «адыгэ хабз» (адыгское обычное право) и «апсуа хабз» (абхазское обычное право). Или ты был в правовом поле «адыгэ хабз» и идентифицировал себя как адыг, или ты был в правовом поле «апсуа хабз», и ты абхаз»³.

Некоторые делают и более радикальные выводы: «Как показывают выдержки из исторического романа «Фараон» Б. Пруса (! – А.С.), хетт из города Харрана Пхут обладал следующими чертами характера: сдержанность в еде, отсутствие тяги к спиртному, наличие выдержки, терпения, скромность в одежде, проявление видимого безразличия к интересным представлениям, чистоплотность, остроумие, справедливость, мужественность, доброта, уважительное отношение к гостю и женщине. Все эти признаки у современных адыгов называются одним словом «адыгагэ» – «адыгственность». Таким образом, адыгственность начинается с хеттов, а еще раньше – с Ноя, Хама, Ханаана, Седона и Хета. Так что можно предположить, что корни адыгов уходят дальше в глубь веков, чем корни евреев, грузин и других народов, претендующих на древность своей культуры и истории»⁴.

Из этого вытекает необходимость определить, в чем же конкретно состоит момент уникальности – в самих элементах системы, или в той форме, в которой они существуют. Автор задался целью установить суть и степень специфичности обоих явлений, а также объяснить, почему же в обоих случаях определение этико-правовой системы дается через самоназвание народа.

Обширная литература на тему адыгских и абхазских обычаев носит главным образом описательный характер, *апсуара* и *адыгагэ* там упоминаются как обоб-

шающие термины перед последующей расшифровкой без определения их как самостоятельные понятия⁵. Выгодно отличаются на этом фоне, например, фундаментальный труд Б.Х. Бгажнокова по теме *адыгагэ* «Адыгская этика»⁶ и диссертационное исследование по *апсуара* Р.Г. Читашевой⁷, в разной степени содержащие момент научного анализа обоих комплексов.

Первое, на что обращают внимание исследователи *адыгагэ* и *апсуара* – это их сходство как по функциям, так и по содержанию: «Абхазо-адыгские этикетные параллели в широком смысле этого слова настолько многочисленны и выразительны, что книгу об адыгском этикете с известным основанием можно назвать и произведением по абхазским моделям поведения и наоборот»⁸. Сходство проявляется уже в вариантах определения этих явлений. Б.Х. Бгажноков в своем исследовании использовал термины «габитус»⁹, «система»¹⁰, но «рабочим» для него является определение «адыгская этика». Схожи и дефиниции *апсуара*. Р.Г. Читашева в своем диссертационном исследовании также определяет *апсуара* как систему, состоящую из множества разноуровневых подсистем¹¹. Как видим, наиболее приемлемыми оказываются определения столь же широкого толкования («этика», «этнокультурная система»), как и сами понятия «*адыгагэ*» и «*апсуара*».

Представляя *апсуара* как систему, Р.Г. Читашева кратко описывает его структуру следующим образом:

а) преобладающие в абхазском обществе мировоззренческие идеи, теоретизированные представления, исходные принципы, категории философии, этики, этикета, эстетики, педагогики и других гуманитарных знаний;

б) нормативно-правовые общественные законы и эталоны, регулирующие все стороны социальной, производственной, бытовой и т.д. жизни и деятельности абхазского этноса в целом и каждого его члена в отдельности;

в) понятия и качества, которые охватывают подсистемы: *апсуа* *киабз* (синоним «адыга хабзэ»), *апсуа* *намыс* («ламыс»), *апсуа* *аююра* (абхазская человечность), *апсуа* *жърацвара* (абхазское кровное родство), *апсуа* *тынхара* (абхазское некровное родство), *апсуа* *культура* в самом широком смысле, то есть все отношения и формы проявления этого отношения к себе и к окружающей физической и духовной среде; *апсуа* *аамшашвара* (букв. «абхазско-княжеское», понимаемое как рыцарство, благородство, галантность) *апсуа* *еихацгылара* (взимоснисходительность) и т.п.»¹².

Б.Х. Бгажноков выделяет «пять постоянств адыгской этики». Прежде всего, это *человечность* (*цыхугэ*¹³), включающую в себя эмпатию (*гуццлэгъу*), связанные с ней готовность прийти на помощь (*зэхэццлыкI*) и чувство благодарности (*фцлццлэ*)¹⁴. Категории человечности, как базовой, подчинены остальные четыре принципа. Это *почтительность* – *нэмыс*, расшифрованная через свои синонимы: уважение (*шгъхэццлаф*) и скромность (*нэхаиш*); *разум* – *акъыл*, т.е. «искусство находиться среди людей» (*цыху хэтыкIэ*), «способность понимания» ситуации (*зэхэццлыкI*) и чувство меры (*мардэ*); *мужество* – *лыгэ*, которое кроме собственно воинской доблести (*хахуагэ*) подразумевает еще и толерантность (*тэмакъ кыхагэ*), справедливость и благородство (*лыфцлэгэ*); наконец, *честь* – *напэ* (букв. – «лицо»), т.е. чувство стыда, пристойность поведения (*екIу*), совесть¹⁵. К этому примыкает обычно-правовой кодекс «*адыгэ хабзэ*» («*хэку хабхзэ*»), придающий правилам *адыгагэ* статус норм обычного права¹⁶.

Таким образом, становится ясно, что оба этико-правовых комплекса сходны не только по функциям, но и по содержанию, а, по большому счету, и по форме, поскольку базовые константы и элементы системы в них практически совпадают:

Адыгагъэ – адыгство		Апсуара – абхазство
Напэ	Честь, совесть, репутация	Аламыс
Хабзэ	Обычай, обычное право	Ацас, къабз
Цыхугъэ	Человечность	Ауюра
Щэнхабзэ, нэмыс	Этикет, почитательность	Ахымюапгша
Тэмакъкыхьагъ	Терпимость, толерантность	Ачхара
Лыгъэ	Мужество	Ахацара
Хахуагъэ	Доблесть, героизм	Афырхацара
Акьыл	Разум, мудрость	Акушра
Хьэщцэм и нэмыс	Гостеприимство	Асасра
Уэркъыгъэ	Благородство	Аамсташвара
Емыкгу	Нарушение правила	Цасым

Данным перечнем, разумеется, не исчерпывается ни содержание, ни терминология *адыгагъэ* и *апсуара* – указаны лишь наиболее общие, содержательные понятия. Более того, большинство норм являются универсалиями, характерными не только для всего Кавказа, но и вообще для культур многих народов.

Так, дословный перевод терминов *уэркъыгъэ* и *аамсташвара* – по-дворянски, аристократически; но смысловой перевод «благородство» сделан автором не случайно. Ведь этимология и русского слова «благородный» предельно прозрачна: человек «благого», т.е. «хорошего» рода, знатного происхождения, применительно к историческому прошлому – феодал (*ср.* титул адыгского владельческого сословия, первостепенных княжеских вассалов: *лакьуэлэш* – сильный род)¹⁷. Б.Х. Бгажноков употребляет еще один синоним – «рыцарский», намекая на аналогии с правилами чести европейского дворянства.

Основной костяк правил *адыгагъэ* и *апсуара* действительно восходит к кодексам чести служилой категории феодалов (адыг. – *уэркъ*, *оркъ*, абх. – *аамста*). Изначальная общественная функция родовитой аристократии – профессиональная военная служба. Идею социального превосходства и воинственную идеологию знати поддерживал особый кодекс чести – «дворянский закон» (*уэркъ хабзэ*), имевший свои аналогии практически во всех феодальных обществах. Он вменял аристократу в обязанность постоянно доказывать свою принадлежность к военной касте, ежеминутно проявляя высшие достоинства воина. Сказанное, разумеется, касается не только Кавказа: «Честь, храбрость, безпредельная верность и любовь к Государю и Отечеству, составляли главные свойства и Дворянина и Рыцаря», – провозглашал российский император Павел I в 1797 г. в манифесте о введении «Общероссийского дворянского гербовника»¹⁸.

Будучи корпоративным достоянием знати, правила чести призваны были подчеркивать превосходство аристократии не только в происхождении, но и в моральном отношении: высокие нравственные характеристики дворянина, рыцаря, уорка («благородного») противопоставлялись «подлому» (т.е. «подлежащему», зависимому) простолюдину, который «...по сложившемуся у феодалов мнению, не только труслив и неотесан, он еще и лжив, неблагодарен, невоспитан, нерасторопен, глуп»¹⁹. Разумеется, изначально законы «благородства» касались только «своих», будучи для знатной касты как бы цеховым кодексом «внутреннего употребления», «чернь» этичного отношения не заслуживала²⁰.

Однако со временем, в процессе развития дворянской этики, ее нормы стали обязательны для общения с кем бы то ни было. «Несмотря на то, что князья, соблюдая этикет в отношениях со своими собратьями по классу, могли в других случаях вести себя более свободно, не очень жестко следуя правилам апсуара, общественного осуждения за определенное пренебрежение народными обычаями

они все же не избегали. Причем тот феодал, который поступал согласно апсуара со всеми, вне зависимости от социальной принадлежности, пользовался наибольшим уважением как среди крестьянства, так и, что интересно, среди большинства своего собственного класса»²¹. Схоже было положение дел у адыгов: «Народ был предан своим пше (*князьям*. – А.С.), терпеливо переносил от них побои и даже обиды, а если он был приветлив, справедлив и в добавок храбр и красноречив, то за такого пше всякий рисковал своей жизнью... Если пше нарушали слишком народные правила и были строптивы в обращении, корыстны, то народ ограничивался тем, что переходил в зависимость другого князя или, в крайних случаях, жаловался на их действия народным собраниям, которые, по оригинальности общественного строя адиге, имели право лишать недостойного пше его звания. Такие примеры не раз случались»²².

Распространение «благородного» отношения на подданные сословия привело к тому, что и «простолюдины» стали предъявлять себе такие же требования – вначале по отношению к аристократам, а затем и друг к другу. «*Уэркъ хабзэ*» трансформировался в «*адыгэ хабзэ*», а слово «*уэркъ*» (благородный) стали применять к любому, кто ведет себя соответствующим образом²³. В русском, как и в других языках, слова «благородство» «рыцарство», «аристократизм» также стали этическими категориями, обозначая альтруизм, самоотверженность, галантность, утонченные манеры.

Конечно, знать оставалась главным носителем этических канонов, потому с нее и был особый спрос. «Например, до аскетизма доходило отношение к некоторым элементарным потребностям и желаниям: предосудительным считалось сооружение благоустроенных жилищ, жалобы на экономические трудности, недопомогание, холод, жару, страсть к нарядам, излишнее любопытство»²⁴. Отсюда поговорка: «*Уэркъыгъэ* – ноша, подобная каменной глыбе». *Уэркъыгъэ* вошло в структуру *адыгагъэ* подобно тому, как *аамсташвара* вошло в структуру *апсуара*, именно как идеальный, в какой-то степени радикальный их вариант. В том числе наличие такого общего «эталона» как свидетельства предельных требований со стороны общества к соблюдению норм *адыгагъэ* и *апсуара* отличает обе этико-правовые системы от многих таких же у других народов.

Лыгъэ/ахацара – мужество, вероятно, изначально было одной из ключевых составляющих *уэркъыгъэ* и *аамсташвара*, исходя из военных обязанностей знати: «Привычными занятиями высших классов считаются охота и военные упражнения»²⁵. Понятно, что исходной точкой дешифровки понятия «мужество» станет героизм, воинская доблесть (*хахуагъэ /афырхацара*). Специфика военного рода деятельности предполагает перманентную смертельную угрозу, следовательно, главным качеством воина должна стать постоянная готовность к героической смерти: «Ребята! не Москва ль за нами? / Умремте ж под Москвой, / Как наши братья умирали!» / И умереть мы обещали...»²⁶. Эту готовность, естественно, не следует путать с простым желанием умереть – смерть воспринимается как допустимая альтернатива трусости: «Дылохъэри – даукI, / ДылуокIри – дауб // Вступим в бой – погибнем, / Отступим – покроем себя позором»²⁷. Ср. в «Слове о полку Игореве»: «Луце жь потяту быти, неже полонену быти – Лучше ведь убитым быть, чем плененным быть»²⁸.

Исходя из сказанного, становится понятен максимализм, в частности, адыгских аристократов в этом вопросе: «Жить долго, вообще говоря, считалось неприличным»²⁹. Причем, чем выше статус аристократа, тем более жесткие требования к нему предъявляются: «„величайшей славой для князя считается быть в битвах впереди всех, – сообщает исследователь нравов кабардинской аристократии Д.С. Кодзоков в 1873 г. – Нынешний старший Князь, как рассказывают, приобрел славу известным удальством: он решил с тремя товарищами пробиться

через русский отряд, в чем и успел, товарищи его убиты в столь храбром, но бесполезно подвиге»³⁰. У П.С. Палласа читаем о шапсугах: «У них нет князей, но они рассматривают своим начальником того, чья фамилия самая могущественная или наиболее прославлена грабежами»³¹; под «грабежами» подразумеваются набеги, рассматривавшиеся аристократами как боевая тренировка в период между «большими» конфликтами и также служившие показателем доблести и молодечества.

В «аристократических» феодальных обществах воинская служба, как правило, считалась привилегией знати. Но в «демократических племенах» ситуация была иная: там тоже была своя воинственная родовитая аристократия, но ее роль в общем войске шапсугов, натухайцев или абадзехов была не исключительной; тому свидетельство – ход Бзюкской битвы 1795 г., в которой крестьянское ополчение шапсугов до вмешательства черноморских казаков эффективно противостояло соединенному войску бжедугского и шапсугского «дворянства»³². Также и абхазы «...были не только земледельцами и скотоводами, но и воинами. В их исторической жизни военное искусство – как сухопутное, так и морское – играло важную роль»³³. При этом простой народ занимался военным делом не профессионально, а по необходимости, а значит и нужды в столь крайних проявлениях «мужества» не было. Тем не менее, сама суровая природа Кавказских гор диктовала человеку необходимость проявлять физический стоицизм, смелость и решительность безотносительно к военным действиям. К тому же, «народный» вариант мужества был как бы более рационален: «Разум ставь впереди мужества». «Под «ахацара» понимается поэтому не просто личная храбрость, бесстрашие, отвага, но и честь, терпение и уважение к человеку»³⁴.

Одновременно с проявлением отваги и стойкости истинно мужественный человек толерантен и великодушен. Легенды адыгов и абхазов сохранили воспоминания о проявлениях такого великодушия, которое Р.Г. Читашева определила как «взаимоснисходительность» (*ансуа еихацгылара*), а Б.Х. Бгажноков как «мужество-благородство» (*лыфлыгъэ*). «По преданию, один убийца, скрывавшийся от родственников убитого, однажды тайком пришел к себе домой, чтобы выкупаться и сменить одежду. Он разделся, а жена, подававшая ему воду во время купания, выразила опасение, что мстители могут воспользоваться этим моментом и подстрелить его. На это он ответил: «Мои враги не из тех, которые могут поднять руку на нагого». Преследователи в это время действительно были за дверью, но увидев врага в столь беззащитном состоянии, повернули обратно и ушли»³⁵. «Согласно другому преданию, знаменитый на всю Черкессию князь Мыхамат-Аш, проявляя человечность, запретил своим воинам стрелять в несущегося на него противника из рода Каноковых лишь только потому, что тот был слишком молод, почти ребенок. Это стоило Мыхамат-Ашу жизни, но он погиб как подобает рыцарю»³⁶. Разумеется, подобные примеры можно найти и в истории других народов, но не везде они предстают как образцы для буквального подражания.

Щэнхабзэ /ахымюангца (этикет) как выражение почтительности (адыг. – *нэмыс*) должен, казалось бы, также возводиться к средневековью. Иерархичное феодальное общество держалось в том числе на жестком «каркасе» этикета, подчеркивавшего статусное соотношение не только между знатью и народом, но и внутри самого господствующего сословия. Как и любая другая, адыгская феодальная знать представляла собой своеобразную пирамиду, на вершине которой стояли князья (адыгск. – *пцы*). Владельческое сословие тлокотлешей (*лакьуэлэши*) было подчинено им на правах вассалов, остальное «дворянство» (*оркь, уэркь*, в русской литературе – «узденъ») служило при тех и других дружинниками на условиях «уэркь тын» – «дворянского подарка», т.е. условного владения³⁷. Уорки-уздени также различались между собой по степени близости господину, обязанностям в военное и мирное время и т.п.³⁸ Иерархична была и структура феодального со-

словия в Абхазии: «Абхазцы, называющие своего владетеля «ах», делятся на пять сословий: на «тавад», князей; «амиста» (*аамста* – А.С.), дворян; «ашнахмуа», владетельских телохранителей, составляющих среднее сословие; «анхао» (*анхаю* – А.С.), крестьян, и «агруа», рабов»³⁹.

Главным внешним выражением этой иерархии служили детально разработанные правила оказания знаков почитания, определявшие порядок совместного движения, обращения при разговоре, очередность вставания и посадки, расположение на общем совете и на пиру и мн. др. Так, у абхазов существовал целый корпус речевых оборотов, подчеркивавших почтение к собеседнику: «Да будешь ты жив» («*Уара умсит*»), «Да приму я на себя твои невзгоды» («*Уххь згэит*») и др.⁴⁰ Адыги также обладают немалым арсеналом благопожелательных формул, адресуемых, в первую очередь, более статусным собеседникам⁴¹.

Но иерархия может быть не только социальная. В традиционном обществе безотносительно сословной градации непременно развита геронтология – почитание стариков, которые, как носители жизненного опыта, воспринимаются источником мудрости, совета и поучения. Отсюда – традиционная геронтократия (власть старших над младшими). Не даром в русском языке слово «старший» употребляется также в значении «главный», «более статусный»: «старший помощник капитана», «старшая медсестра», «старший научный сотрудник», «старший лейтенант». Офицерское звание «майор», соответствующее командиру батальона, восходит к латинскому *major* – «старший». Название высшего органа власти многих государств – Сенат – также имеет латинский источник: *Senatus*, т.е. «собрание стариков».

Почитание стариков на Кавказе – известная традиция, пережившая столетие: «Вытри старику нос и спроси у него совета» (осетинская пословица). «Уважение, оказываемое пожилым жителям Кавказа, является не менее восхитительным, чем их гостеприимство, и заслуживает, чтобы быть заимствованным европейцами»⁴². Абхазы называют семейного патриарха «*ххыбао*» – «наш череп», в смысле «голова», а правительство – «*аихабыра*» от «*аихаба*» (старейшина – см. выше о Сенате). Абхазское слово *атахмада* (старик) созвучно адыгскому *тхьэмадэ* (начальник, распорядитель) – своеобразному почетному титулу старейшего из присутствующих.

Кстати, автору довелось услышать несколько версий адыгской легенды о «Горе стариков» на берегу р. Аше в Лазаревском р-не г. Сочи Краснодарского края, с которой якобы в незапамятные времена сбрасывали стариков. Легенда посвящена тому, почему это перестали делать: сын вначале пожалел старика, а затем получал от него мудрые советы. (полевые материалы автора: аулы Большой Кичмай, Калез, Псебе). Подобная легенда существует и у абхазов⁴³. Вообще же, судя по всему, этот сюжет в мире действительно является «бродячим»⁴⁴.

Прежде всего, почтительно относиться следует к родителям – отцу, матери, дедушкам и бабушкам. В одном из древнейших нравственных кодексов, предназначенных ко всеобщему буквальному исполнению – «10 заповедях» пророка Моисея – сказано: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой дает тебе» (Исх. 20, 12). Власть патриарха, отца и деда в традиционной семье может быть сравнима с властью главы небольшого государства. Особенно красноречиво свидетельствуют об этом многозначные термины адыгских языков «*пцы*» и «*гуацэ*». традиционно переводимые на русский язык, соответственно, как «князь» и «княгиня», сами по себе эти слова означают «хозяин», «господин» и «хозяйка», «госпожа». Они используются для обозначения княжеского сословия, видимо, как показатель их абсолютного верховенства (*кьоджэпц / кьуажэпц* – владелец аула). Однако, они также употребляются, например, для обозначения свекра и свекрови, точнее главы семьи и его жены:

пицъыкъу – деверь (букв. «сын свекра»). В адыгском варианте нартского эпоса имени старшей женщины нартгов Сатаней также придано окончание «гуаше», покровительницу дождя называют «Ханцегуаше», хозяйка реки — «Хепепегуаше»⁴⁵ и т.д.

Соответственно, формы выражения почтительности по разному поводу оказываются схожи: «При встрече князя всякий верховой останавливался, приветствовал и присоединялся к поезду до тех пор, пока князь не отпускал его»⁴⁶. Ровно то же самое правило действует и относительно старшего по возрасту⁴⁷. «Изошренный этикет» полагался как по отношению князю⁴⁸, так и по отношению к старику⁴⁹. В частности, «По древнему обычаю, невестка всю свою жизнь должна была стоять и молчать в присутствии свекра...»⁵⁰. Кавказская молодежь вообще больше стояла в присутствии стариков, чем сидела, а лежать и вовсе было запрещено⁵¹. Эта же форма почтения применялась и к более знатным аристократам: «На народных собраниях, – сообщает об адыгах Дж. Белл, – потомки ханов занимают место на земле первыми, затем пши, после них – урки и последними – тфокуатли»⁵².

Особый разговор следует вести о взаимоотношениях внутри семьи. Их выражением, например, являются правила избегания, также общие для всего Северного Кавказа. Прежде всего это избегание между молодой парой и родителями: невестка не может встречаться и разговаривать со свекром, муж не может показаться рядом с женой ни родителям, ни на людях⁵³, с ее родственниками он общается только по особым случаям и т.п. Определенное избегание существует между родителями и детьми подросткового возраста и старше. Во время полевых исследований Института этнографии АН СССР в 1980–1981 гг. в Абхазии, объясняя правила «аламысного», т.е. этически безупречного поведения, 80-летняя Зоя Дарсалия изъяснилась о взаимоотношениях невестки со свекром: «Я с ним ни разу не заговорила»⁵⁴. «У адыгов женщине полностью запрещалось всякое общение с отцом и дедом мужа: с ними нельзя было разговаривать, находиться в одном помещении, показываться им на глаза за пределами дома»⁵⁵. Общаться со старшей женщиной невестка была вынуждена в силу своей подчиненности ей по «женской» линии власти. Но у абхазов, называвших главу «женской» половины семьи «*аюны аихабы апхюс*» – старшая женщина дома, «...невестке не разрешалось мыться, одеваться или причесываться в присутствии свекрови, сидеть с ней на одной скамье, ложиться спать раньше нее»⁵⁶. Адыгским невесткам при *гуащэ* («хозяйке», «госпоже») «...запрещалось показываться в небрежном виде, громко разговаривать, шутить, смеяться, в отношении нее соблюдались обычаи избегания»⁵⁷.

У адыгов обязанность почтения выражается термином «*нэмыс*» – от арабского «*намус*» («честь»). Эту честь другого человека следует блюсти и беречь. Почитать следует отца (*адэм и нэмыс*), мать (*анэм и нэмыс*), старшего вообще (*нэхъыжьым и нэмыс*), женщину (*бзылъхугъэм и нэмыс*), гостя (*хьэщлэм и нэмыс*) и т.д. В целом же, по понятиям *адыгагъэ*, уважения достоин любой человек – отсюда объединяющая константа «*цлхум и нэмыс*» – «почтение к человеку». «Этический иммунитет устанавливает равенство прав на элементарное уважение и признание каждого человека, будь то высокопоставленный чиновник, ребенок, кровный враг или нищий бродяга»⁵⁸. Относительно *апсуара* Р.Г. Читашева приходит к выводу: «В системе апсуара-абхазство и в национальном характере ключевое место занимает ЧЕЛОВЕК, возведенный до понимания личности»⁵⁹.

Отдельный разговор следует вести о почитании гостя (адыг. – *хьэщлэм и нэмыс*), вытекающего из обычая гостеприимства (абх. – *асасра*), исторически также универсального. «*Асас бжь-насыпк ицуп*» (Гость приносит семь счастливых), – утверждают абхазы. «*Хьэщлэр Тхьэм и Лыклуэци*» (Гость – посланец Бога), – вторят им адыги. В том же смысле высказываются и арабы⁶⁰. По некоторым данным, у

древних восточных славян обычай гостеприимства оправдывал даже воровство у соседа ради надлежащего приема гостя⁶¹. Но со временем у многих народов эти традиции, не исчезнув вовсе, отошли от крайностей, ныне ограничиваясь обычным радушием и хлебосольством (в пределах уместности и материальных возможностей хозяина).

На Кавказе же особые нормы гостеприимства держались дольше всего, и в большинстве случаев держатся до сих пор: в некоторых домах и сейчас существуют особые гостевые комнаты для гостей, называемые в литературе «кунацкие» (полевые материалы автора: Лазаревский район г. Сочи, аулы Большой Кичмай, Малый Кичмай, 1998 г.), при общении с приезжим постоянно декларируется уважение к нему: «Ты гость», хозяин подчеркнуто проявляет готовность удовлетворить любые просьбы гостя и т.п. (полевые материалы автора: аул Большой Кичмай, пос. Ахинтам, аул Тхагапш, 1998 г.). Прочность обычая гостеприимства свойственна в целом всему Кавказу, например, аварцы говорят: «Дверь, которая не открывается в день прибытия гостя, пусть навсегда останется закрытой»⁶².

Тем более все это было выражено в прошлом, когда горское гостеприимство вошло в поговорку. «Гостеприимство есть одна из важнейших добродетелей черкеса»⁶³. Хан-Гирей от имени своего народа объявлял: «...гость есть святыня в Черкесии и гостеприимство есть неотъемлемая принадлежность черкесов»⁶⁴.

Все это, впрочем, более чем объяснимо. Гостеприимство как институт является особой формой взаимопомощи, и для путешественника служит гарантией неперемennого получения помощи в сложных условиях Кавказских гор. Сложность же эту составляют не только природные условия, но и разобщенность горных общин и племен, для которых любой человек извне (хотя бы и с другого склона горы, а тем более издалека) потенциально был опасным чужаком, и «...личная безопасность обеспечивается самостоятельно, или покоится на слове, предоставленном гостеприимством...»⁶⁵. Поэтому безопасность пришельца была гарантирована главной обязанностью хозяина – покровительствовать гостю, заботиться о нем и защищать: «Надо начать с того, что в глазах горца нет такой услуги, которая могла бы унижить хозяина перед гостем, сколько бы ни было велико расстояние их общественного положения»⁶⁶. «Жизнь и достоинство гостя защищаются и оберегаются хозяином и всей его родственной группой»⁶⁷.

С этой точки зрения, проявление почтения к гостю есть своего рода визуальная декларация его обычно-правового статуса и безопасного иммунитета. Адыги, кстати, различали гостя – близкого друга или родственника (*унэ хьэцIэ* – гость дома), принимаемого просто радушно, и гостя – не знакомого, издалека (*хьэцIэцI хьэцIэ* – гость кунацкой), прием которого превращался в торжественный ритуал, насыщенный целым каскадом знаков взаимного уважения⁶⁸. Не менее детально регламентирована эта процедура у абхазов⁶⁹.

В соционормативной культуре Кавказа нравственный закон воедино связан с обычным правом. Отступление от этических норм является правонарушением, а несоблюдение законов обычного права аморально. У абхазов собственно обычное право называется *апсуа кьабз* («абхазский закон»), так же, как и у адыгов (*адыгэ хабзэ* – «адыгский закон»). Слово «обычай» по-абхазски звучит *ацас*, в смысле – «правильно», «положено». Антоним этого термина – *цасым* («не обычай», «не правильно», «нельзя»). Адыги соблюдение правил этики и обычного права определяют как *екIу* («пристойно») или *езэгъу* («правильно», *екIурэ-езэгъу* – «безупречно»), а нарушение правила – *емыкIу* («непристойно», «стыдно»).

И в *адыгагэ*, и в *апсуара* маркером «правильности» поведения с точки зрения морали и обычного права выступает понятие *напэ* (адыг.) или *аламыс* (абх.). Оба термина на русский язык принято переводить, используя спаренное «честь, совесть». Действительно, в русском языке слова «честь» и «совесть» в общем синонимичны,

В.И. Даль их даже определяет друг через друга⁷⁰. И, тем не менее, существует нюанс, отраженный в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова: совесть – это «Чувство нравственной ответственности перед окружающими людьми, обществом»⁷¹, а честь – «1. Достойные уважения и гордости моральные качества и этические принципы личности... 2. Хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя»⁷².

Таким образом, становится понятно, что русское «честь» предполагает моральную оценку как бы «извне», со стороны общественного мнения, а «совесть» – внутреннюю самооценку. Разумеется, в идеале они совпадают, но это получается не всегда – человек может оценивать свои поступки лучше или хуже, чем это принято в обществе, смотря по собственным убеждениям. В случае с *адыгагъэ* и *ансуара* это невозможно: общественная нравственность достаточно жестко регламентирует поведение человека, и эти регламентации входят в индивидуальное сознание каждого в процессе воспитания: «Формирование у человека внутренней потребности жить согласно установленным обществом кодексом морали правилам поведения, являлись главной задачей традиционного абхазского (адыгского) воспитания»⁷³. Самооценка будет полностью соответствовать тому, как в этом случае оценило бы поведение человека общественное мнение (абх. *анхацара*): «Каждый, умирая, уже слышал хвалебный гимн себе или порицание соотечественников, и мысль: *что скажут обо мне*, отражалась на всех его славных и бесславных деяниях»⁷⁴.

Кстати, «*напэ*» буквально означает «лицо»: «В сознании адыгов «лицо – орган чести и совести, чутко реагирующий на малейшие отклонения от морали, наилучшим образом представляющий различные оттенки нравственного чувства»⁷⁵. Таким образом, человек, соблюдающий этические нормы «имеет лицо» («*напэ илэи*»), а тот, кто их нарушает, соответственно, лица не имеет («*напэниэ*»). Чистую совесть означает «белое лицо» («*напэ хужь*»), а запятнанную репутацию – «черное лицо» («*напэ фьыцлэ*»). Ср. в русском языке: «сохранить лицо», «потерять лицо», «не ударить в грязь лицом» и т.п.

Термин «*аламыс*» той же этимологии, что и адыгское «*нэмыс*»⁷⁶, и употребляется в том же значении, что и «набус» у арабов – «честь», «совесть», «репутация», «доброе имя». При этом требование «аламысного поведения» достаточно жесткое: «Смерть абхаза в его аламысе» (*Ансуга ипсырта иламыс ауп*). Естественно, имеется в виду не физическая смерть, а символическая. Человека, нарушающего моральные запреты, называют не иначе как «*апсыбза*», т. е. «живой мертвец»⁷⁷.

Тут мы и подходим к ответу на вопрос: почему же оба морально-правовых комплекса определяются через самоназвания? Ведь и «в осетинском им синонимичны слова «иронзинад» («осетинственность»), «агъдау» (закон, обычай, традиция, поведение, дисциплина), «афсарм» (скромность, деликатность), «намыс» (слава, доброе имя), «фаетк» (правило, обычай, порядок), «цасгом» (лицо, вид, слава), все они несут вместе с тем понятия «честь», «совесть», «нравственность»»⁷⁸. О том, какие именно добродетели им соответствуют, можно судить по осетинским пословицам: «благородный человек – хозяин своему слову», «иногда и молчание красноречиво», «не торопись с порицанием, опаздывая с похвалой», «прощение – от могущества», «коня узнают по выезде, а человека – по общению», «старший чихнул, младшие встали», «гость – божий гость» и др.⁷⁹ Такие же требования к человеку содержит и *къарачайчылыкъ* – «карачаевскость»⁸⁰.

Как видим, невозможно сделать вывод о том, что человек может не придерживаться норм *адыгагъэ*, предпочитая *иронзинад*, *ансуара* или *къарачайчылыкъ*, и таким образом являясь не адыгом, а осетином, абхазом или карачаевцем. На самом деле получается, что тот, кто соблюдает один из этих моральных кодексов, тем самым выполняет требования и остальных, и не только упомянутых. Тогда в чем же смысл таких названий?

Для понимания этого необходимо вспомнить, что самоцель соционормативных правил – сохранение цельности и внутренней комфортности коллектива, препятствие разладу в нем, ведущему к распаду сообщества, его гибели. Преступающий моральные законы фактически противопоставляет себя социуму, более того, несет угрозу ему тем большую, чем больше степень отхода от обычая. С этой точки зрения и следует воспринимать сентенции на тему «лица» и «смерти»: общество отторгает вредоносный элемент, перестает его воспринимать, он как бы становится невидимым («без лица»), исчезает («умирает»). Упрек «*Адыгагэ пхэлькьым*» («Нет в тебе адыгства») означает не принадлежность человека к другому этносу, а его бесполезность, в какой-то степени враждебность для адыгского сообщества (как, впрочем, и любого другого), а, следовательно, исключенность из него⁸¹.

Дополнительно понятие становится и смысл термина «человечность» (адыг. – *цыхугэ*, абх. – *аюра*), особенно с учетом этимологии абхазского слова «*аюю*» – «человек»: *ауа* (родственный) + *юы* (подобный)⁸². Человек – это тот, кто подобен мне и моим близким, в том числе в нравственном отношении. В этой трактовке слово «человечность» почти во всех современных языках определяет полноту и безупречность соблюдения моральных предписаний, максимальное соответствие представлениям о человеческом идеале. Именно в таком значении оно и употреблено, например, в знаменитом стихотворении Р. Киплинга «Если...» («Завещание», «Заповедь»...): «Тогда весь мир ты примешь во владенье, / Тогда, мой сын, ты будешь Человек» (перевод М. Лозинского)⁸³. Если к этому присовокупить, что самоназвание народа, являясь в основе своей маркером в системе координат «свой – чужой», зачастую определяет «своего» как «правильный», «наш», «понятный», «человек» (что, скорее всего, и означает термин «*ансуа*» – «абхаз»), становится очевидно, что термины *адыгагэ /ансуара* и *цыхугэ /аюра* вполне соотносимы, чтобы не сказать, почти синонимичны.

Следует помнить и о таком явлении, как этнический стереотип, особенно автостереотип – набор предполагаемых характеристик, которыми народ отличает себя от других⁸⁴. В условиях исторических и культурных трансформаций XIX–XXI вв., весьма болезненных, а иногда просто катастрофических для этнической культуры, в качестве ядра автостереотипа как залога сохранения этнокультурной группы было выбрано то, что, по идее, останется неизменным в любой ситуации, к тому же, всегда способствовало внутреннему единству и внешней стабильности общества – морально-правовые комплексы. В результате «Благодаря адыгству самосохранение и самовоспроизведение этноса стало всеобщим моральным долгом»⁸⁵. «Апсуара-абхазство – морально-нравственная основа объединения людей, сплочения их в единый этнос»⁸⁶.

Таким образом, *адыгагэ* и *ансуара* выполняли и выполняют не столько дифференцирующую, сколько интегрирующую роль; термины «адыгство» и «абхазство» в данном случае определяют не отличие в моральном отношении абхазов и адыгов от других народов, а тем более друг от друга, а необходимость должного соблюдения нравственных норм для того, чтобы считаться членом данного социума.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Например: понтийские греки и турки, осетины и большинство народов Северного Кавказа, йезиды и курды.

2. Потомки кавказских переселенцев-мухаджиров в арабских странах Ближнего Востока и др.

3. *Тхагапсова Г.Г.* Рецензия: А.В. Сивер. Шапсуги: Этническая история и идентификация. Нальчик. Полиграфсервис и Т. 2002. 216 с.; илл. // Кубанский сборник. 2006. № 1. С. 183.
4. *Гишев Н.* Кто такие хетты, или Куда уходят корни адыгов // Шапсугия. 1996. № 9(92). С. 3.
5. См. напр.: *Куадже Р.* Адыгагъ – лицо нации. // Шапсугия. 1994. № 5(41). С. 3–4.
6. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. Нальчик: Эль-Фа, 2001.
7. *Читашева Р.Г.* Абхазская этнокультурная система апсуара-абхазство. Эволюция, современное состояние и проблемы. Дисс... канд. ист. наук. – 07.00.07 – этнография, этнология и антропология. Нальчик, 2005. *Читашева Р.Г.* Абхазская этнокультурная система апсуара-абхазство. Эволюция, современное состояние и проблемы. Автореф. дисс... канд. ист. наук. – 07.00.07 – этнография, этнология и антропология. Нальчик, 2005.
8. *Инал-Ина Ш.Д.* Очерки об абхазском этикете. Сухуми: Алашара, 1984. С. 172.
9. *Термин П.* Бурдые от лат. *habitus* — состояние: «Габитус есть одновременно система схем производства практик и схем восприятия и оценивания практик. В обоих случаях эти операции выражают социальную позицию, в которой он был сформирован» (*Бурдые П.* Начала. М., 1994. С. 193).
10. *Бгажноков Б. Х.* Указ. соч. С. 17.
11. *Читашева Р.Г.* Абхазская... Дисс... С. 85–88.
12. *Читашева Р.Г.* Абхазская... Автореф... С. 15.
13. Здесь и далее термины указаны, главным образом, в кабардино-черкесском, а не адыгейском варианте; сокращение «адыг.» в паре с сокращением «каб.» («кабардинское») означает «адыгейское», в других случаях – «адыгское».
14. «Суммируя добродетели черкесов, мы не должны забывать об их милосердии... каждый оказывает... помощь, которую обязанная сторона считает долгом совести вознаградить тем же, когда к ним соблаговолит судьба» (*Спенсер Э.* Путешествие в Черкесию. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1994. С. 117.).
15. *Бгажноков Б.Х.* Указ. соч. С. 16–17.
16. Там же. С. 26.
17. На современный украинский литературный язык слово «благородно» переводится «*шляхетно*» – от польского *szlachta* (шляхта – дворянство, феодальная знать).
18. Цит. по: Дворянские роды Российской империи. Князя. СПб.: ИПК «Вести», 1993. В 10 тт. Т. 1. С. 18.
19. *Бгажноков Б.Х.* Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. С. 70.
20. Там же. С. 86.
21. *Инал-Ина Ш.Д.* Очерки об абхазском этикете. Сухуми: Алашара, 1984. С. 45–46
22. *Кодзоков Д.С.* Пояснительная записка о личных правах туземного населения Кубанской области. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 348. Оп. 1. Д. 9. Л. 16.
23. *Лавров Л.И.* Из поездки в Черноморскую Шапсугию. // Советская этнография. 1936. № 4. С. 133.
24. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская... С. 27.
25. *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах, по приказанию Русского Правительства Юлиусом Клапротом, придворным советником Его Величества императора России, членом Академии Санкт-Петербурга и т. д. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.». Изд. Центр «Эль-Фа», 2008. С. 214.
26. *Лермонтов М. Ю.* Сочинения в 4 т. М.: Правда, 1986. Т. 1. С. 44–45.
27. См.: *Бгажноков Б.Х.* Адыгская... С. 64.
28. Злато слово. Век XII. М.: Молодая гвардия, 1986. С. 31, 32.
29. *Бгажноков Б.Х.* Этнография... С. 78.
30. *Кодзоков Д.С.* Указ. соч. С.11–11об.
31. *Паллас П.С.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 216.
32. *Султан Хан-Гирей.* Избранные труды и документы. Нальчик: Полиграф-Юг, 2010. С. 271–273.
33. *Инал-Ина Ш.Д.* Очерки об абхазском этикете. Сухуми: Алашара, 1984. С. 38.
34. *Инал-Ина Ш.Д.* Указ соч. С. 57.
35. *Инал-Ина Ш.Д.* Там же. С. 117–118.

36. *Бгажноков Б.Х.* Этнография... С. 77.
37. Феодальное владение на Северо-Западном Кавказе отличается от европейского: главный его предмет не земля, а коллектив «подвластных», крестьянские общины, в угодьях которых феодалу принадлежит особая доля.
38. См.: *Клапрот Ю.* Указ. соч.; *Султан Хан-Гирей.* Указ. соч. С. 109–113.
39. Секретная миссия русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1999. С. 102.
40. *Инал-Ипа Ш.Д.* Указ. соч. С. 173.
41. *Бгажноков Б.Х.* Этнография... С. 17.
42. *Спенсер Э.* Путешествие в Черкесию. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1994. С. 116.
43. *Инал-Ипа Ш.Д.* Указ. соч. С. 91.
44. *Перишц А.И.* Геронтогимные традиции и долгожителство на Северном и Западном Кавказе. // Северный Кавказ: бытовые традиции в 20 в. М., 1996. С. 22.
45. Религиозные верования у черкесов-шапсугов. (Материалы Шапсугской экспедиции 1939 г.). М., 1940. С. 66.
46. *Кодзоков Д.С.* Указ. соч. Л. 16.
47. *Перишц А.И.* Указ. соч. С. 19,
48. *Кодзоков Д.С.* Указ. соч. Л. 15. Об. 16.
49. *Перишц А.И.* Указ. соч. С. 17–20.
50. *Инал-Ипа Ш.Д.* Указ. соч. С. 93.
51. *Перишц А.И.* Указ. соч. С. 18.
52. *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1937, 1938, 1939 годов. В 2 т. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Изд. Центр «Эль-Фа», 2007. Т. I. С. 372.
53. Феодальное владение на Северо-Западном Кавказе отличается от европейского: главный его предмет не земля, а коллектив «подвластных», крестьянские общины, в угодьях которых феодалу принадлежит особая доля.
54. См.: *Чеснов Я.В.* Нравственные ценности в традиционном абхазском поведении // Полевые исследования Института этнографии. 1980–1981. М., 1984.
55. *Смирнова Я.С.* Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа // Этнические и этнокультурные процессы на Кавказе. М., 1978. С. 129.
56. *Смирнова Я.С.* Свадьба без новобрачных. (К вопросу о генезисе и функциях свадебного скрывания у народов Северного Кавказа) // Советская этнография. 1976. № 1. С. 25.
57. Там же. С. 26.
58. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская... С. 47.
59. *Читашева Р.Г.* Абхазская... Дисс... С. 104. Данный посыл, кстати, также не уникален и вполне в духе европейского постсредневекового гуманизма.
60. *Кирей Н.И.* Этнография арабов Передней Азии и Северной Африки. Краснодар: КубГУ, 1996. С. 192.
61. *Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 кн. М.: Мысль, 1988. Кн. I. Т. 1–2. С. 96.
62. *Магомедсалихов Х.Г.* Этикет и культура поведения горцев как фактор динамической стабильности в традиционных обществах // Лавровский сборник: Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований: Этнология, история, археология, культурология, 2006–2007. СПб.: Изд-во МАЭ, 2007. С. 157.
63. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк Черкесского народа. // Кавказский сборник. Т. 21. Тифлис, 1900. Отд. II. С. 135.
64. *Султан Хан-Гирей.* Указ. соч. С. 253.
65. *Жиль Ф.А.* Письма о Кавказе и Крыме. / Сост. и пер. с франц. К.А. Мальбахова. Нальчик: ГП КБР «Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. С. 81.
66. Секретная... С. 165.
67. *Инал-Ипа Ш.Д.* Традиции и современность. Сухуми: Алашара, 1973. С. 65.
68. См.: *Бгажноков Б.Х.* Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгских (черкесских) народов // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 179, 181–189; *Мамбетов Г.Х.* О гостеприимстве и застольном этикете адыгов. // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Майкоп, 1964. С. 231–232.
69. *Инал-Ипа Ш.Д.* Указ. соч. С. 104–106, 112–113.

70. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1881. Т. III. Репринтное воспроизведение: М., 1981. С. 599.
71. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Изд. 17-е, стереотипное. М.: Русский язык, 1985. С. 64.
72. Там же. С. 766–767.
73. *Касландзия Н.В.* Адыгагъэ и апсуара: адыго-абхазские культурно-этические параллели. // *Философия и социология в Республике Адыгея*. Научно-информационный сборник. № 2. Майкоп: Меоты, 1995. С. 766–767.
74. Очерк северной стороны Кавказа. // *Кавказ*. 1847. № 2. С. 7.
75. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская... 71.
76. Р.Г. Читашева полагает, что термин *аламыс* (*анамыс*) происходит от латинского *animus* – «дух», «душа». (*Читашева Р.Г.* Абхазская... Дисс... С. 86), что, впрочем, вряд ли.
77. *Инал-Ипа Ш.Д.* Очерки... С. 47. *Чеснов Я.В.* Указ. соч.
78. *Цаллагова З.Б.* Этнопедагогический потенциал северокавказских пословичных назиданий // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 2. С. 130.
79. Там же. С. 129–135.
80. См.: *Читашева Р.Г.* Абхазская... Дисс... С. 109.
81. Не даром самым суровым наказанием в традиционных обществах, в том числе кавказских, считается изгнание из общины – в этом случае наказанный лишается поддержки не только соседей и соплеменников, но и других людей и обществ и, как правило, погибает (См.: *Анчабадзе Ю.Д.* Остракизм на Кавказе // *Советская этнография*. 1979. № 5. С. 137–144.).
82. *Читашева Р.Г.* Указ. соч. С. 104.
83. *Киплинг Р.* Избранное. М.: Художественная литература, 1980. С. 599.
84. См.: *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. С. 71–74.
85. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская. С. 27.
86. *Читашева Р.Г.* Абхазская... Автореф... С. 15.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СБОРНИКА

Агларов Мамайхан Агларович – главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РД, Заслуженный деятель науки РФ (Махачкала).

Андреев Артем Александрович – научный сотрудник Государственного Эрмитажа (отдел «Дворец Меншикова»).

Бгажноков Барасби Хачимович – директор КБИГИ, доктор исторических наук (Нальчик).

Бурков Сергей Борисович – старший научный сотрудник Центра археологических исследований Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ).

Кодзоев Нурдин Даутович – ведущий научный сотрудник Ингушского НИИ гуманитарных наук им. Ч. Ахриева, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия.

Кузнецов Владимир Александрович – ведущий научный сотрудник сектора археологии КБИГИ, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Северной Осетии и РФ (Нальчик).

Красильников Константин Иванович – доцент Луганского национального университета им. Т. Шевченко, кандидат исторических наук (Луганск, Украина).

Маслов Владимир Евгеньевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник скифо-сарматского отдела Института археологии РАН (Москва).

Озова Фатима Анатольевна – ведущий научный сотрудник сектора истории Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований, кандидат исторических наук (Черкесск).

Пятых Геннадий Григорьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела бронзового века Института археологии РАН (Москва).

Сивер Александр Викторович – доцент кафедры истории и философии Государственного морского университета им. Ф.Ф. Ушакова, кандидат исторических наук (Новороссийск).

Темирова Раиса Хасановна – заведующая сектором кабардино-черкесского языка Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований, кандидат филологических наук (Черкесск).

Фоменко Владимир Александрович – заведующий сектором археологии КБИГИ, кандидат исторических наук, доцент (Нальчик).

Чеченов Исмаил Магомедович – ведущий научный сотрудник сектора археологии КБИГИ, кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки КБР (Нальчик).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакторов</i>	3
<i>Кузнецов В.А.</i> Несколько слов о Чеченове Исмаиле Магомедовиче	5
<i>Бгажноков Б.Х.</i> Чашевидные знаки кавказских дольменов	7
<i>Маслов В.Е., Красильников К.И., Пярых Г.Г.</i> Катакомбные погребения последних веков до н.э. на территории Дагестана	33
<i>Бурков С.Б.</i> Амулеты и талисманы из «египетского» фаянса с территории Кабардино-Балкарии	40
<i>Чеченов И.М.</i> К историографии развития археологии на Северном Кавказе: Крупнов Е.И. (1904–1970 гг.) и Крупновские чтения (1971–2012 гг.)	51
<i>Кузнецов В.А.</i> Свет угасшей звезды (некоторые вопросы хронологии древностей Северного Кавказа в докторской диссертации А.К. Амброза)	74
<i>Бгажноков Б.Х.</i> Поединки в традициях феодальной Черкесии	86
<i>Темирова Р.Х.</i> К этимологии имени «Адиюх»	95
<i>Фоменко В.А.</i> К вопросу о месте погребения легендарного князя Инала	108
<i>Кодзоев Н.Д.</i> Путешественники и исследователи XVIII в. об ингушах	113
<i>Агларов М.А.</i> Брачные инициативы женщин в старом Дагестане	127
<i>Андреев А.А.</i> К вопросу о раннем периоде биографии Александра Бековича-Черкасского	132
<i>Озова Ф.А.</i> Черкесо-итальянские исторические пересечения и параллели	139
<i>Сивер А.В.</i> Этико-правовые параллели адыгагэ и апсуара: универсалии и специфика	172

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА. Выпуск 2

Отпечатано в Издательском отделе КБИГИ:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Зав. издательским отделом *К.М. Хахова*. Художественное оформление *Б.Х. Бгажнокова*
Корректор *Л.Б. Кучмезова*. Компьютерная верстка и техническое редактирование *И.Х. Кушковой*

Подписано в печать 07.05.2013. Формат 70x108 ¹/₁₆. Гарнитура Times
Усл. печ. л. 16,4. Тираж 500 экз. (1-й завод – 300). Заказ №